

Н. С. Анцух

**ТРАНСГРАНИЧНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
СУРРОГАТНОГО МАТЕРИНСТВА**

Н. С. Анцух

**ТРАНСГРАНИЧНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
СУРРОГАТНОГО МАТЕРИНСТВА**

Минск
Издательство «Четыре Четверти»
2015

УДК 347.63+347.454
ББК 67.404.4
А74

*Рекомендовано к опубликованию
Советом факультета международных отношений
Белорусского государственного университета
(Протокол № 9 от 31.03.2015).*

Рецензенты:

заведующий кафедрой международного частного и европейского права факультета
международных отношений Белорусского государственного университета,
кандидат юридических наук, доцент
Е. В. Бабкина

заместитель руководителя Института правовых исследований —
начальник отдела исследований в области государственного строительства
и международного права Национального центра законодательства
и правовых исследований Республики Беларусь,
кандидат юридических наук
Т. Н. Михалева

Анцух Н. С.

A74 Трансграничные проблемы правового регулирования суррогатного мате-
ринства : монография / Н. С. Анцух. — Минск : Четыре четверти, 2015. — 156 с.
ISBN 978-985-7103-59-1.

Монография посвящена выявлению и решению трансграничных проблем теоре-
тического и практического характера в области правового регулирования суррогат-
ного материнства.

Законодательство и международные правовые акты использованы по состоянию
на 15 марта 2015 г.

Предназначена для преподавателей, аспирантов, магистрантов, студентов юри-
дических и медицинских специальностей, научных и практических работников, за-
нимающихся проблемами суррогатного материнства, брачно-семейных отношений
и международного частного права.

УДК 347.63+347.454
ББК 67.404.4

ISBN 978-985-7103-59-1

© Анцух Н. С., 2015
© Оформление. ОДО «Издательство
“Четыре четверти”», 2015

СОДЕРЖАНИЕ

Перечень условных обозначений	4
Введение	5
Глава 1. Суррогатное материнство как способ реализации репродуктивных прав личности	12
1.1. Конституционные основы суррогатного материнства и их влияние на применение оговорки о публичном порядке.	12
1.2. Понятие и виды суррогатного материнства	23
Глава 2. Материально-правовое регулирование трансграничных отношений в области суррогатного материнства	35
2.1. Регламентация отношений суррогатного материнства на международном и национальном уровне	35
2.2. Договор суррогатного материнства трансграничного характера	52
2.3. Установление происхождения детей при реализации суррогатного материнства	70
Глава 3. Коллизионное регулирование в области суррогатного материнства	80
3.1. Коллизионные привязки в сфере суррогатного материнства	80
3.2. Механизмы ограничения действия коллизионного метода в области суррогатного материнства	98
Заключение	115
Библиографический список	123
Приложения	144
Приложение А. Законодательное закрепление понятия «репродуктивные права» на международном и национальном уровне . . .	144
Приложение Б. Примерный договор суррогатного материнства с участием иностранных граждан	147
Приложение В. Проект Конвенции о праве, подлежащем применению к брачно-семейным отношениям (извлечение)	153

ПЕРЕЧЕНЬ УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ

ГК	— Гражданский кодекс
ЕС	— Европейский союз
иностранец	— гражданин иностранного государства или лицо без гражданства
КоБС	— Кодекс Республики Беларусь о браке и семье
Конвенция о правах человека и биомедицине	— Конвенция о защите прав и достоинства человека в связи с применением достижений биологии и медицины: Конвенция о правах человека и биомедицине (4 апреля 1997 г.)
Принципы 1989 г.	— Принципы 1989 г., разработанные Специальным экспертным комитетом Совета Европы по биоэтике и искусственным методам деторождения
СЕ	— Совет Европы
СК	— Семейный кодекс
СНГ	— Содружество Независимых Государств
США	— Соединенные Штаты Америки

ВВЕДЕНИЕ

Вторая половина XX века ознаменована стремительным развитием генной инженерии и появлением новых технологий в области биомедицины, позволяющих преодолеть бесплодие. Суррогатное материнство, будучи одним из видов вспомогательных репродуктивных технологий, предоставляет возможность лицам, не способным к естественному рождению детей, стать генетическими родителями.

В мировой практике отношение к суррогатному материнству неоднозначно: правовые системы одних государств его законодательно разрешают, других — запрещают, третьих — не содержат правовой регламентации. Отсутствие единого подхода к данной проблематике порождает ситуацию, когда граждане одного государства пересекают границу иностранного государства с целью осуществления своих репродуктивных прав посредством реализации указанного вида вспомогательных репродуктивных технологий, вследствие чего появляются правоотношения, осложненные иностранным элементом [14, с. 21].

В связи с этим остаются открытыми многие вопросы, возникающие при рассмотрении отношений суррогатного материнства в международном частном праве, что обуславливает актуальность настоящей монографии. Какова специфика отношений суррогатного материнства, осложненных иностранным элементом? Что представляет собой правовая природа договора суррогатного материнства с участием иностранцев? Каким правом должны регулироваться отношения в сфере суррогатного

материнства? Возможно ли применение в данном случае автономии воли сторон, и подлежит ли она ограничению? Какова роль гибких формул прикрепления в правоотношениях суррогатного материнства? Являются ли нормы, которые составляют законодательную базу, регулирующую суррогатное материнство, сверхимперативными, и входят ли они в публичный порядок?

Разрешение поставленных вопросов позволит защитить слабую сторону правоотношения — ребенка, рожденного суррогатной матерью. Фактические родители-иностранцы, у которых он находится на иждивении и воспитании, могут не признаваться таковыми юридически в государстве их гражданства, где данный вид вспомогательных репродуктивных технологий запрещен. Как следствие, ребенок, который *de facto* имеет родителей, *de iure* их лишен.

Увеличение за последние годы зарубежной правоприменительной практики по вопросам, связанным с осуществлением суррогатного материнства с участием иностранного элемента (в частности, *case Re A & B (Parental Order Domicile)* (2013) [186], *case Re X (A Child) (Surrogacy: Time limit)* (2014) [188], *case Mennesson v. France* (2014) [153]; *case R and S v T (Surrogacy: Service, Consent and Payments)* (2015) [184], *case AB v CD (Surrogacy — Time Limit and Consent)* (2015) [144]), свидетельствует не только о возрастающей осведомленности населения различных государств о рассматриваемом виде вспомогательных репродуктивных технологий как способе реализации своих репродуктивных прав, но и о проблемах, возникающих вследствие применения его на практике. Установление происхождения ребенка, рожденного суррогатной матерью; приобретение им гражданства (подданства); выбор применимого права; выявление сверхимперативных норм, регулирующих правоотношения суррогатного материнства; возможность применения оговорки о публичном порядке в данных отношениях, подлежащих регулированию иностранным правом, — отнюдь

не полный перечень вопросов, который предстоит разрешить судье. В большинстве случаев дела о суррогатном материнстве с участием иностранного элемента рассматриваются несколько лет и проходят, как правило, все судебные инстанции, существующие в государстве рассмотрения спора. В судебных решениях значительная роль отводится механизмам ограничения действия коллизионного метода, которые ставят под сомнение легитимность правоотношений суррогатного материнства, несмотря на то, что ребенок уже рожден. Исходя из этого, применение оговорки о публичном порядке и сверхимперативных норм должно быть крайне осторожным и обоснованным. В первом случае следует учитывать, какие правовые принципы входят в публичный порядок *lex fori*, во втором — критерий защиты слабой стороны правоотношения, т. е. рожденного суррогатной матерью ребенка.

Одинаковое толкование терминов лежит в основе правильного и однозначного понимания того или иного явления, что позитивно сказывается на правоприменительной практике с участием иностранного элемента. Ввиду отсутствия единого понятийно-категориального аппарата в сфере суррогатного материнства в государствах, где данный вид вспомогательных репродуктивных технологий получил законодательное закрепление, в монографии будут рассмотрены базовые материально-правовые вопросы в области суррогатного материнства в основном на примере национального законодательства государств — участников СНГ, которое объединено единой правовой традицией.

Правоотношения суррогатного материнства тесно связаны с демографической проблемой, существующей во многих странах мира. Одна из причин снижения численности населения — бесплодие. В главе 5 Указа Президента Республики Беларусь от 11 августа 2011 г. № 357 «Об утверждении Национальной программы демографической безопасности Республики Беларусь на 2011–2015 годы» [87] указано, что каждая пятая

семейная пара нуждается в оказании медицинской помощи по причине бесплодия. Достижения в области биомедицины, в том числе суррогатное материнство, расширяют возможности преодоления данного недуга. Бесспорно, суррогатное материнство не сможет полностью решить демографическую проблему в Республике Беларусь, тем не менее оно способно помочь бесплодным парам «родить» ребенка, и, как отмечает американская ученая Е. Рагоне (Helena Ragoné), перевоплотить пару в семью [185, p. 110].

20 июля 2006 г. в КоБС [40] была введена статья 53 «Суррогатное материнство», которая стала новеллой для отечественного права. Белорусский законодатель сформулировал в ней понятие суррогатного материнства, суррогатной и генетической матери; обозначил общие требования к договору суррогатного материнства; определил правила установления материнства и отцовства при реализации рассматриваемого вида ВРТ. 14 сентября 2006 г. было принято постановление Министерства здравоохранения Республики Беларусь № 71 «Об утверждении перечня медицинских показаний и противопоказаний к суррогатному материнству, порядок и объем медицинского обследования суррогатной матери, генетической матери и их супругов» [88], а 4 ноября 2006 г. постановление Совета Министров Республики Беларусь № 1470 «О существенных условиях договора суррогатного материнства» [81]. Вышеуказанные нормативные правовые акты позволили начать реализацию суррогатного материнства в Республике Беларусь.

7 января 2012 г. был принят новаторский Закон Республики Беларусь «О вспомогательных репродуктивных технологиях» [66], направленный на определение правовых и организационных основ применения вспомогательных репродуктивных технологий и обеспечение прав граждан при их применении. Одновременно Законом Республики Беларусь от 7 января 2012 г. № 342-З «О внесении изменений и дополнений в Кодекс Республики Беларусь о браке и семье» [64] была исключена статья 53

КоБС, а постановление Совета Министров Республики Беларусь от 4 ноября 2006 г. № 1470 «О существенных условиях договора суррогатного материнства» признано утратившим силу постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 17 июля 2012 г. № 659 «О внесении изменений и дополнений в некоторые постановления Совета Министров Республики Беларусь и признании утратившим силу постановления Совета Министров Республики Беларусь от 4 ноября 2006 г. № 1470» [65].

На сегодняшний день проблематика, связанная с правоотношениями суррогатного материнства, стала привлекать все большее внимание ученых-правоведов, о чем свидетельствует появление в последние годы широкого круга источников по данному вопросу.

Указанной тематике уделяется внимание в трудах отечественных ученых: Г. М. Иванниковой [33], М. П. Короткевич [48], А. В. Лебедько и О. А. Пересады [95], Е. В. Перепелицы [94], Т. Н. Пунько [104], П. В. Рагойши [106; 107], З. А. Севковской [121], Т. М. Селедеской [122]. В российской юридической литературе вопросы, связанные с различными аспектами суррогатного материнства, поднимаются в работах Л. К. Айвар [2], М. В. Антокольской [3], Т. Е. Борисовой [16; 17; 18], Е. В. Григорович [25], Ю. А. Дроновой [27], Н. Ф. Звенигородской [30], Э. А. Иваевой [31; 32], К. А. Кириченко [36; 37], А. Ю. Козловой [101], А. В. Майфат [54], Е. Г. Малиновской [55], Е. С. Митряковой [58], И. А. Михайловой [59; 60], Д. В. Огородова и М. Ю. Чельшева [91], Т. Н. Палькиной [92], Е. В. Перевозчиковой [93], А. А. Пестриковой [96; 97], Е. И. Померанцевой [101], Л. М. Пчелинцевой [105], Д. К. Рашидханова [108], Г. Б. Романовского [110; 111], Н. Е. Русановой [112], К. Н. Свитнева [115; 116; 117; 118; 119; 120], Ю. Д. Сергеева [103], О. М. Супряги [101], О. А. Хазовой [139], О. Ю. Худяковой [140], Л. А. Хурциловой [141]. Доктрина дальнего зарубежья также содержит теоретическую базу в области правоотношений суррогатного материнства.

Она представлена исследованиями, в первую очередь, американских (Г. У. Джонс (Howard W. Jones) [174], Р. Ландау (Ruth Landau) [149], Ф. Маккалум (Fiona MacCalum) [197], С. Маркенс (Susan Markens) [178], Е. Рагоне [185], М. Филд (Martha A. Field) [167], Т. Пинкертона (Thomas M. Pinkerton) [181], Р. Ф. Сторроу (Richard F. Storrow) [196], А. Р. Чаро (Alta R. Charo) [154]) и английских (Э. Блит (Eric Blyth) [149], Д. Богечо (Dina Bogecho) [150], С. Голомбок (Susan Golombok) и В. Джадва (Vasanti Jadva) [197], Э. Джексон (E. Jackson) [175], Р. Кемперса (Roger Kempers) и Ж. Коэна (Jean Cohen) [174], Э. Лисетт (Emma Lycett) и Ф. Маккалум (Fiona MacCalum) [197], С. Фабре [166], М. Хэнкок [169], Б. Хейл (Brenda Hale) [200]) ученых.

Несмотря на значительный круг источников, посвященных разрешению правовых проблем в области суррогатного материнства, до настоящего времени коллизионное регулирование данных правоотношений нашло отражение в трудах лишь нескольких зарубежных авторов Э. О'Хара (Erin A. O'Hara, Великобритания) и Л. Рибштайна (Larry E. Ribstein, США) [180]. В отечественной доктрине на современном этапе разработка данной проблематики является малоизученной, что повышает значимость настоящей монографии. Общей теоретической основой исследования коллизионного регулирования суррогатного материнства, в том числе механизмов его ограничения, стали работы белорусских правоведов Е. В. Бабкиной [6], Е. Б. Леанович [52], Е. А. Салей [114], О. Н. Толочко [132], российских ученых Л. П. Ануфриевой [4], И. Ю. Гизетдиновой [22], А. Н. Жильцова [28], В. А. Канашевского [35], С. В. Крохалева [49], Н. И. Марышевой [56], И. Г. Медведева [57], А. В. Покровской [100], О. Н. Садикова [113], В. Л. Толстых [133], Г. Ю. Федосеевой [136; 137], а также представителей зарубежной доктрины К. Андерсона (Kent Anderson, Австралия) и Я. Окуда (Yasuhiro Okuda, Япония) [202], Э. О'Хара, Л. Рибштайна.

Нормативная и эмпирическая база монографии представлена законодательной и судебной практикой в области суррогатного

материнства. В работе используется *национальное законодательство* стран СНГ и государств дальнего зарубежья, таких как Великобритания, Швейцария, Япония и др.; *международные документы*, принятые в рамках Всемирной медицинской ассоциации, Евразийского экономического сообщества (далее — ЕврАзЭС), ЕС, Организации Объединенных наций, СЕ, СНГ, Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (далее — ЮНЕСКО); *судебная практика* Великобритании, Индии, России, Франции, некоторых штатов США (Калифорния, Массачусетс, Огайо) и Японии.

ГЛАВА 1

СУРРОГАТНОЕ МАТЕРИНСТВО КАК СПОСОБ РЕАЛИЗАЦИИ РЕПРОДУКТИВНЫХ ПРАВ ЛИЧНОСТИ

1.1. Конституционные основы суррогатного материнства и их влияние на применение оговорки о публичном порядке

Современная юридическая доктрина весьма неоднозначно относится к суррогатному материнству. Г. Б. Романовский, исследуя право на реализацию рассматриваемого вида вспомогательных репродуктивных технологий, приходит к выводу о необходимости введения запрета на его использование [110, с. 258]. Э. А. Иваева, анализируя правовые и нравственные аспекты суррогатного материнства, отмечает, что «более гуманным будет потратить деньги не на дорогостоящие операции, а на помощь уже рожденному малышу» [32, с. 26]. В то же время ряд ученых-правоведов, среди которых К. Н. Свитнев, О. А. Хазова, А. А. Пестрикова, положительно характеризуют практику реализации суррогатного материнства. Так, К. Н. Свитнев высказал мнение, что «с развитием вспомогательных репродуктивных технологий в мире появилось великое множество лиц (к сожалению, не имеющих в большинстве случаев никакого отношения к вспомогательным репродуктивным технологиям и вообще к проблеме фертильности), активно рассуждающих и навязывающих обществу свое мнение об аморальности

и недопустимости применения тех или иных репродуктивных методик. Появилась целая наука биоэтика — изучающая не объективную реальность, факты и возможности, как это подобает науке, а людское (порой крайне субъективное) отношение к этой реальности и к этим возможностям» [117, с. 823].

В праве различных государств отношение к суррогатному материнству также весьма противоречиво. Рассматриваемый вид вспомогательных репродуктивных технологий законодательно разрешен в таких странах, как Азербайджан, Армения, Беларусь, Грузия, Казахстан, Кыргызстан, Россия, Узбекистан, Украина, Канада, Гонконг, Израиль, Бельгия, Великобритания, Греция, Венгрия, Дания, Ирландия, Кипр, Латвия, Литва, Люксембург, Нидерланды, Польша, Румыния, Словакия, Словения, Чехия, Эстония, Новая Зеландия, Австралия, Южно-Африканская Республика, Таиланд, США [7, с. 101–102; 169; 174, s. 51; 143, p. 15–16]. Суррогатное материнство применяется на практике в Бразилии, Индии, Колумбии, Эквадоре, Финляндии и Перу. Оно запрещено в Австрии, Болгарии, Германии, Италии, Норвегии, Мальте, Испании, Португалии, Франции, Швеции, Швейцарии, Тайване, Тунисе, Турции, Вьетнаме, Аргентине, Хорватии, Египте, Японии, Филиппинах, Сингапуре; не применяется в Марокко, Иордании, Малайзии, Португалии, Уругвае, Венесуэле [174, s. 51; 143, p. 15–16].

В Конвенции о правах человека и биомедицине (Овьедо, 4 апреля 1997 г.) [159] закреплено, что интересы и благо отдельного человека должны превалировать над интересами общества и науки (статья 2). Ввиду столь различного отношения общества и законодательства зарубежных государств к суррогатному материнству данную статью можно трактовать как наделение лиц, не обладающих естественной способностью к рождению детей, правом на реализацию своих репродуктивных прав путем применения указанного вида вспомогательных репродуктивных технологий. На практике же лица, проживающие на территории государств, где запрещено суррогатное

материнство, выезжают за границу (на временной или постоянной основе) с целью участия в программе по преодолению бесплодия. Очевидно, что запрет в законе определенного государства столь дискуссионного явления во «благо» интересов общества не может стать препятствием в реализации права на материнство и отцовство.

Стремление государств к развитию интеграционных процессов способствует более легкому перемещению граждан из одного государства в другое. Учитывая, что гармонизация законодательства, особенно в брачно-семейной сфере, происходит крайне медленно, а право зарубежных государств регламентирует по-разному один и тот же вопрос (иллюстрацией служат страны ЕС: в Великобритании суррогатное материнство разрешено, в Германии — запрещено), граждане могут осуществить свои интересы (в данном случае преодоление бесплодия) за границей. В результате возникают отношения суррогатного материнства, регулируемые международным частным правом.

Присутствие иностранного элемента, который может проявляться в субъектном составе (фактические родители и / или суррогатная мать), месте юридического факта (место заключения договора, место рождения ребенка и т. д.) [12, с. 111], порождает ряд проблем. Одна из них связана с непризнанием отношений суррогатного материнства в государстве гражданства или постоянного места жительства фактических родителей ребенка, рожденного суррогатной матерью, вследствие применения механизмов ограничения действия коллизионного метода, в частности оговорки о публичном порядке. Норма иностранного права, позволяющая суррогатное материнство, не применяется по причине ее противоречия публичному порядку государства, где испрашивается применение или исполнение иностранного судебного решения. Выявление конституционных основ рассматриваемого вида вспомогательных репродуктивных технологий позволит определить принципы, в первую очередь, конституционного права, которые входят

в содержание публичного порядка, и, как следствие, сделать вывод о возможности или невозможности применения в данной ситуации оговорки о публичном порядке.

С целью определения конституционных основ суррогатного материнства представляется целесообразным рассмотреть право на его реализацию через призму осуществления репродуктивных прав личности, поскольку рассматриваемый вид вспомогательных репродуктивных технологий является элементом комплексного понятия «репродуктивные права». Данный вывод сделан из анализа определений термина «репродуктивные права» в доктрине [93, с. 54; 108, с. 44; 117, с. 821] и правовых актах (пункт 7.3 Программы действий Международной конференции по народонаселению и развитию [102], пункт 95 Платформы действий, принятой на Четвертой всемирной конференции по положению женщин [98], статья 1 Закона Республики Беларусь «О демографической безопасности Республики Беларусь» [67], статья 4 Закона Республики Армения «О репродуктивном здоровье и репродуктивных правах человека» [76], статья 1 Закона Кыргызской Республики «О репродуктивных правах граждан и гарантиях их реализации» [79], статья 2 Закона Республики Молдова «О репродуктивном здоровье» [78], статья 2 Закона Республики Таджикистан «О репродуктивном здоровье и репродуктивных правах» [77]) [Приложение А].

В настоящее время существуют различные концепции о месте репродуктивных прав в системе прав человека. Е. В. Перевозчикова отмечает, что права, связанные с различными аспектами продолжения рода, — разновидность «личностных прав, которые являются подвидом личных прав человека, закрепленных в Конституции» [93, с. 57]. А. А. Абашидзе и А. М. Солнцев высказывают мнение о формировании нового поколения прав человека — соматических прав — отличных от известных трех поколений: личные и политические права; социально-экономические и социально-культурные права; коллективные права [1, с. 72]. Под соматическими правами понимают «признанную

обществом и государством возможность определенного поведения, выражающуюся в полномочиях по распоряжению человеком своим телом» [1, с. 70; 51, с. 44]. К ним относят, в том числе, и репродуктивные права [1, с. 71; 50, с. 43]. Как отмечает Д. Богечо, регламентация репродуктивных прав в международных документах свидетельствует о признании их мировым сообществом в качестве основных прав человека [150]. Мы разделяем точку зрения, согласно которой соматические права являются разновидностью личных прав человека [39, с. 426–427]. Исходя из этого, выделение соматических прав в отдельное поколение прав является, на наш взгляд, преждевременным. Таким образом, место рассматриваемого вида вспомогательных репродуктивных технологий в системе прав человека можно отобразить посредством следующей схемы: суррогатное материнство — репродуктивные права — соматические права — личные права.

Право на личную жизнь, к сфере которой относится деторождение [19, с. 320], защищается государством (статья 28 Конституции Республики Беларусь [47]). М. Филд отмечает, что право на продолжение рода является «фундаментальным правом», которое охраняется конституцией [167, р. 47]. Схожую позицию разделяет С. Маркенс: «Суррогатное материнство является логическим продолжением репродуктивного права, а, следовательно, частью конституционного права на неприкосновенность личной жизни» [178, р. 95].

Важно осознавать, что суррогатное материнство является методом преодоления бесплодия, а не альтернативным способом рождения детей. Согласно статье 23 Конституции Республики Беларусь ограничение прав личности допускается только в строго определенных случаях, в том числе если это предусмотрено законом. Министерство здравоохранения Республики Беларусь в постановлении «Об утверждении перечня медицинских показаний и противопоказаний к суррогатному материнству, порядок и объем медицинского обследования

суррогатной матери, генетической матери и их супругов» установило ряд показаний и противопоказаний к суррогатному материнству как для генетической и суррогатной матери, так и для их супругов. Единым для всех противопоказанием является наличие психических и поведенческих расстройств. Необходимо, чтобы все участники рассматриваемых правоотношений были психически здоровы, генетическая мать имела медицинские показания, а у суррогатной матери отсутствовали противопоказания к суррогатному материнству. Таким образом, участие в программе суррогатного материнства по социальным причинам представляется невозможным. Однако в правовой доктрине существует и иная точка зрения [116, с. 583; 117, с. 821; 149, р. 9].

Реализация рассматриваемого вида вспомогательных репродуктивных технологий в Беларуси допускается только в том случае, если, *во-первых*, суррогатной матери имплантируется эмбрион, зачатый из яйцеклетки другой женщины (генетической матери или донора), а *во-вторых*, если вынашивание и рождение ребенка генетической матерью физиологически невозможны или связаны с риском для жизни генетической матери и (или) ребенка (статья 20 Закона Республики Беларусь «О вспомогательных репродуктивных технологиях»). Очевидно, что воспользоваться правом на участие в программе суррогатного материнства может только женщина, у которой существуют проблемы с репродуктивным здоровьем.

Право на охрану здоровья гарантируется Конституцией Республики Беларусь (часть 1 статьи 45). Репродуктивное здоровье, будучи частью общего здоровья, занимает центральное место в развитии человека и касается в высшей степени ценных аспектов жизни [121, с. 64]. Если рассматривать право на охрану здоровья как право на медицинскую помощь и создание предпосылок для сохранения здоровья, то репродуктивные права представляют собой правомочия на получение специальной медицинской помощи в рассматриваемой области [110, с. 131].

В развитых странах уровень бесплодных супружеских пар составляет около 20%, причем данный процент неуклонно увеличивается [117, с. 819]. В Беларуси, как уже отмечалось, каждая пятая семейная пара нуждается в оказании медицинской помощи по причине бесплодия, что свидетельствует о наличии проблем с репродуктивным здоровьем у значительной части населения.

В пункте 7.2 Программы действий Международной конференции по народонаселению и развитию закреплено понятие «охрана репродуктивного здоровья», под которым понимается сочетание *методов, способов и услуг, способствующих репродуктивному здоровью и благополучию за счет предупреждения и устранения проблем, связанных с репродуктивным здоровьем*. Суррогатное материнство — вид вспомогательных репродуктивных технологий, направленный на преодоление бесплодия. Таким образом, лица, участвующие в программе суррогатного материнства, реализуют свое право на охрану репродуктивного здоровья, а значит, и право на охрану здоровья, закрепленное в конституции.

Состояние репродуктивного здоровья влияет на возможность осуществления еще одного неотъемлемого права личности: права на материнство и отцовство. Несмотря на то, что данное право присуще всем от рождения, его реализация зависит от определенных условий. *Во-первых*, лица должны достигнуть репродуктивного возраста, а *во-вторых*, необходимо, чтобы репродуктивное здоровье женщины и мужчины позволило им иметь детей. Отметим, что рассматриваемое право не связано с достижением лицами гражданской дееспособности, но зависит от их *репродуктивной дееспособности* [107, с. 125]. Рождение ребенка суррогатной матерью позволяет лицам, не обладающим естественной способностью к рождению детей, реализовать свое право на материнство и отцовство, которое является естественным личным правом каждой женщины и каждого мужчины.

Конституция Республики Беларусь устанавливает, что брак, семья, материнство, отцовство и детство находятся под защитой государства (часть 1 статьи 32). Материнство и отцовство являются по существу прямым следствием осуществления гражданами своих репродуктивных прав [139]. Право мужчины и женщины вступать в брак, создавать семью прямо предусматривается частью 2 статьи 32 Конституции Республики Беларусь. Однако право на материнство, будучи несомненно конституционным [107, с. 122], так же, как и право на отцовство, не находит дальнейшего определения в Конституции Беларуси, но получает развитие в отраслевых актах законодательства. В решении Конституционного Суда Республики Беларусь от 28 декабря 2011 г. № Р-673/2011 «О соответствии Конституции Республики Беларусь Закона Республики Беларусь «О вспомогательных репродуктивных технологиях» указывается, что данный Закон направлен на реализацию гражданами репродуктивных прав, являющихся гарантией конституционного права на материнство и отцовство. Женщине, не состоящей в браке, обеспечивается равное с женщинами, состоящими в браке, право на материнство, что свидетельствует о равенстве их перед законом независимо от семейного положения и согласуется с положениями статьи 22 и части 1 статьи 32 Конституции [80].

Интересным является вопрос о реализации суррогатной матерью репродуктивных прав при применении рассматриваемого вида вспомогательных репродуктивных технологий. Г. Б. Романовский полагает, что репродуктивная свобода подразумевает возможность дать жизнь собственному ребенку, а «суррогатная мать, точнее ее организм, выступает как способ реализации репродуктивных прав совершенно иных субъектов» [111, с. 37]. Ю. А. Дронова высказывает схожее мнение и отмечает, что суррогатная мать «используется для удовлетворения репродуктивных запросов совершенно чуждых ей людей, даже если она с ними и находится в близкородственных

отношениях» [27, с. 69]. Мы разделяем точку зрения О. А. Хазовой, согласно которой «запрет женщине выступать в роли суррогатной матери, если ее решение не связано с эксплуатацией и принуждением, может явиться вторжением в ее репродуктивную свободу и серьезным ограничением права женщины самостоятельно принимать решения, связанные с осуществлением ее репродуктивных прав» [139, с. 21]. Представляется, что суррогатная мать, так же как и фактическая (в терминологии действующего белорусского законодательства — генетическая) мать будущего ребенка в равной степени обладают правом свободно реализовывать свои репродуктивные права, имеющие, как было продемонстрировано выше, конституционную природу.

В Конституции Республики Беларусь нет прямой нормы, регламентирующей суррогатное материнство. Однако это не означает, что рассматриваемый вид вспомогательных репродуктивных технологий не имеет конституционных основ. Проведенное исследование позволяет отнести к таковым *право на личную жизнь* (к сфере которой относится деторождение); *право на охрану здоровья* (репродуктивное здоровье — часть общего здоровья); *право на материнство и отцовство* (в контексте права на защиту государством брака, семьи, материнства, отцовства и детства). Правовое регулирование суррогатного материнства осуществляется в отраслевых актах законодательства. Отметим, что в конституциях некоторых государств, например Бразилии и Индии, отсутствуют выявленные нами основы для реализации суррогатного материнства. Тем не менее в этих странах рассматриваемый вид Вспомогательных репродуктивных технологий успешно применяется на практике.

В большинстве государств нормы права, запрещающие реализацию суррогатного материнства, закреплены не в конституциях, а в иных законодательных актах (исключение — Швейцария, где суррогатное материнство запрещено в пункте 2 статьи 119 Конституции [135]). Процедура внесения изменений в закон, как правило, менее сложна и занимает меньше времени,

чем процедура внесения изменений в конституцию, поэтому запрет на реализацию рассматриваемого вида вспомогательных репродуктивных технологий именно в актах отраслевого законодательства следует расценивать как положительную практику. Во Франции, например, где суррогатное материнство запрещено, планируется внести изменения в Закон о биоэтике и, возможно, легализовать суррогатное материнство. Отправной точкой для принятия такого решения послужило рассматриваемое несколько лет в различных судебных инстанциях этого государства дело супругов Меннессон (Mennesson) о признании их во Франции родителями близнецов, рожденных на территории США суррогатной матерью — американской гражданкой.

В ряде государств в конституциях закреплены выведенные нами в ходе настоящего исследования конституционные основы суррогатного материнства, но при этом на уровне законодательных актов запрещено применение рассматриваемого вида вспомогательных репродуктивных технологий. Например, в статье 31 Конституции Италии [46] содержится положение, в соответствии с которым Республика экономическими и другими мерами способствует созданию семьи и выполнению ее задач, уделяя особое внимание большим семьям. Республика покровительствует материнству, детям и молодежи, оказывая содействие необходимым институтам. В статье 32 Конституции этого государства установлено, что Республика охраняет здоровье как основное право личности и основной общественный интерес. В то же время суррогатное материнство в Италии запрещено согласно части 6 статьи 12 Закона от 19 февраля 2004 г. № 40 «Нормы медицинского содействия деторождению» [179]. На наш взгляд, положение указанного закона Италии противоречит нормам ее конституции, т. к. Итальянская Республика, запрещая суррогатное материнство, не дает гражданам возможность реализовать свои репродуктивные права. По данным К. Н. Свитнева, за три года

количество итальянских пар, которые прибегли к экстракорпоральному оплодотворению за пределами Италии, выросло почти в четыре раза — с 1066 до 4173 (на основе данных опроса 27 клиник в Испании, Бельгии и США). Отметим, что данная процедура также является первым этапом реализации суррогатного материнства. Ежегодно из Германии, где рассматриваемый вид вспомогательных репродуктивных технологий запрещен, около 1 000 семей выезжают в иностранные государства (в основном США) для реализации своих репродуктивных прав [117, с. 824].

Таким образом, в вопросе законодательного регулирования суррогатного материнства в различных странах выявлена определенная закономерность, связанная с соотношением разрешения или запрета на реализацию данного вида вспомогательных репродуктивных технологий с конституционными правами и зависящая от позитивного или негативного отношения к суррогатному материнству в праве зарубежных государств.

Применение к правоотношениям суррогатного материнства, осложненным иностранным элементом, оговорки о публичном порядке должно быть допустимо только в исключительных случаях, когда имеет место отсутствие конституционных основ для осуществления данного вида вспомогательных репродуктивных технологий. Однако в такой ситуации должны существовать механизмы защиты интересов уже родившегося ребенка. Например, возможность международного усыновления, когда ребенок, находящийся на территории одного государства (где была осуществлена программа суррогатного материнства), подлежит усыновлению его фактическими родителями — иностранными гражданами.

1.2. Понятие и виды суррогатного материнства

В доктрине и праве зарубежных государств отсутствует единоеобразное законодательное закрепление понятия «суррогатное материнство» и его видов. Наиболее остро данная проблема проявляется при осложнении правоотношений иностранным элементом.

Исторически первым возникло так называемое традиционное суррогатное материнство, которое подразумевает наличие генетической связи между суррогатной матерью и рожденным ею ребенком. Представляется, квалификация такого рода отношений в качестве суррогатного материнства может осуществляться только условно. В данной ситуации отсутствует основной признак суррогатного материнства: вынашивание ребенка суррогатной матерью, поскольку при оплодотворении используется яйцеклетка женщины, вынашивающей ребенка. Данный вид вспомогательных репродуктивных технологий, на наш взгляд, является суррогатным материнством *sui generis*, т. е. неполноценным суррогатным материнством.

В Древнем Риме и Древней Греции есть свидетельства применения данного вида суррогатного материнства. Плутарх в сочинении «О доблести женской» повествует о царе Дейотаре и его бесплодной супруге Стратонике, которая убедила его зачать ребенка с другой женщиной и позволить принять и воспитать этого ребенка как своего родного [99, с. 414].

Во времена, описанные в Библии, считалось, что если женщина не могла родить, ей предоставлялось право воспользоваться помощью служанки, которая должна была зачать ребенка с мужем бесплодной женщины, а после родов передать новорожденного супружеской паре. В Ветхом Завете в Бытие 16² повествуется: «И Сара сказала Аврааму: Господь не дает мне детей. Живи с моей рабыней — быть может, хоть она родит мне сына...» [38, с. 45]. Далее в Бытие 30³ описывается: «Она [Рахиль]

сказала [Иакову]: вот Валла, моя рабыня. Живи с ней, пусть родит ребенка мне на колени. Хотя бы через нее, но у меня будут дети!» [38, с. 75].

В кодексе законов царя Хаммурапи также есть свидетельство реализации рассматриваемого вида суррогатного материнства: «если человек возьмет замуж бесплодную женщину, эта бесплодная женщина даст своему мужу рабыню и создаст таким образом детей, а этот человек вознамерится взять себе наложницу, то того не должно позволять этому человеку, он не может взять наложницу» (§ 144) [29, с. 23].

Из приведенных примеров видно, что в древности бесплодная супружеская чета обращалась к помощи женщины, которая была способна выносить и родить этой паре ребенка. Безусловно, в силу неразвитости репродуктивной медицины использовалась естественная инсеминация женщины-донора (так называемой суррогатной матери). Однако ребенок передавался именно бесплодной паре, которая воспитывала его как своего родного.

Первая программа суррогатного материнства *sui generis* на современном этапе при помощи новейших медицинских технологий была успешно реализована в 1980 г. в штате Иллинойс (США). Суррогатной матерью стала 37-летняя Э. Кейн, имеющая троих детей. Согласно заключенному договору, суррогатной матери провели искусственное оплодотворение генетическим материалом супруга женщины, которая по медицинским показаниям не могла иметь детей. После родов ребенок был передан супружеской паре [27, с. 13–14].

Вторым видом является нетрадиционное суррогатное материнство, суть которого заключается в том, что между суррогатной матерью и рожденным ею ребенком отсутствует генетическая связь.

Первым упоминанием нетрадиционного суррогатного материнства может служить индийская легенда о рождении основателя джайнизма — Махавиры (VII в. до н. э.), зачатого в утробе

супруги брахмана, а затем перенесенного богами во чрево царице Трисале для того, чтобы ребенок родился в семье кшатрийского (аристократического) сословия, как и полагается великим людям [21].

Нетрадиционное суррогатное материнство является наиболее распространенным видом. В отличие от суррогатного материнства *sui generis* нетрадиционное суррогатное материнство разрешено во всех странах, легализовавших данный институт брачно-семейных отношений. Первый ребенок по программе нетрадиционного суррогатного материнства родился в США (штат Мичиган) в 1986 г. Суррогатная мать (22 года) выносила дочку для бесплодной пары, генетический материал которой использовался при зачатии (у женщины из этой пары была удалена матка) [120, с. 7]. На территории СНГ первая программа нетрадиционного суррогатного материнства была реализована в г. Харькове (Украина) в 1995 г. Суррогатной матерью стала женщина, выносившая ребенка дочери с врожденным отсутствием матки [34].

В литературе отсутствует единый подход к выявлению видов суррогатного материнства. Одни авторы выделяют традиционное суррогатное материнство, которое означает искусственную инсеминацию и генетическую связь суррогатной матери с вынашиваемым ею ребенком, и нетрадиционное (гестационное) суррогатное материнство, предполагающее экстракорпора [36, с. 42; 185, р. 73]. Другие — частичное и полное суррогатное материнство. При этом под частичным суррогатным материнством понимают использование генетического материала суррогатной матери и отца ребенка, под полным — обоих родителей [27, с. 9; 95, с. 9–10; 166, р. 186; 175, р. 828]. Третьи синонимичными признают термины: традиционное — усеченное / частичное суррогатное материнство и нетрадиционное — полное суррогатное материнство [31, с. 39; 53, с. 384; 112, с. 261; 120, с. 7; 197, р. 1334].

Несмотря на то, что в основании рассмотренных видов суррогатного материнства лежит один критерий — генетическая

связь, круг лиц, между которыми она существует, различен. Предлагаем следующую классификацию видов суррогатного материнства:

I. Генетическая связь между суррогатной матерью и рожденным ею ребенком:

- *суррогатное материнство sui generis* — предполагает наличие генетической связи между суррогатной матерью и рожденным ею ребенком;
- *нетрадиционное (гестационное) суррогатное материнство* — основано на отсутствии генетической связи между суррогатной матерью и рожденным ею ребенком.

II. Генетическая связь между ребенком, рожденным суррогатной матерью, и обоими или одним из фактических родителей этого ребенка:

- *полное суррогатное материнство* — означает наличие генетической связи между обоими фактическими родителями ребенка, рожденного суррогатной матерью, и этим ребенком;
- *частичное (усеченное) суррогатное материнство* — наличие генетической связи между одним из фактических родителей ребенка, рожденного суррогатной матерью, и этим ребенком.

Для международного частного права классификация видов суррогатного материнства имеет существенное значение, поскольку понятие «суррогатное материнство» может включать в себя от одного до четырех видов. Как следствие, в государстве, где законодательно закреплено определение рассматриваемого вида вспомогательных репродуктивных технологий, включающее в себя менее четырех видов, возникает проблема, связанная с непризнанием иного вида суррогатного материнства вследствие возможной квалификации в праве иностранных государств нормы о суррогатном материнстве в качестве сверхимперативной. Важно уяснить, что суррогатное материнство — комплексное понятие, законодатель же посредством правовых механизмов может запретить определенный вид суррогатного

материнства. Например, исходя из анализа части 9 статьи 55 Федерального Закона Российской Федерации от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [85] очевидно, что невозможно осуществление частичного суррогатного материнства.

При осложнении отношений суррогатного материнства иностранным элементом порой складывается ситуация, когда фактические родители — граждане государства, в котором суррогатное материнство не легализовано, выезжают за границу с целью его реализации либо осуществления определенного вида суррогатного материнства, который запрещен в государстве их гражданства или постоянного места жительства, вследствие чего могут возникнуть проблемы в правоприменительных органах. В случае, если указанные лица обратятся в суд для признания основанного на иностранном праве акта гражданского состояния, который подтверждает, что они являются родителями ребенка, рожденного суррогатной матерью, или иностранного судебного решения, основанного на таком акте, судья может поставить вопрос о возможном противоречии применения иностранного права, признания акта гражданского состояния, основанного на этом праве, или судебного решения, основанного на вышеуказанном акте, публичному порядку страны суда. Ввиду этого следует особое внимание уделить понятию «суррогатное материнство» в праве зарубежных государств, а также выработать дефиницию «суррогатное материнство трансграничного характера».

Ученые-правоведы, предлагая в своих научных работах определение «суррогатное материнство», как правило, либо отражают лишь один или несколько из его видов, либо формулируют данное понятие слишком широко, теряя характеристики, присущие только суррогатному материнству. Так, Л. А. Хурцилава определяет суррогатное материнство как зачатие в результате применения методов вспомогательных репродуктивных технологий; вынашивание; рождение и последующую передачу

ребенка по договору между суррогатной матерью и потенциальными родителями [141, с. 158]. Н. Е. Русанова предлагает понимать под суррогатным материнством технологию репродукции человека, при которой женщина добровольно соглашается забеременеть, чтобы выносить, родить и передать новорожденного другим людям — юридическим родителям [112, с. 261]. Ю. А. Чернышева — как «акт медицинского вмешательства, проводимый путем имплантации в организм женщины (суррогатной матери) эмбриона (чужой или родной генетический материал) в целях его вынашивания и последующего рождения ребенка для передачи родителям — заказчикам на основе договорных обязательств» [142]. В. Н. Леженин — «вынашивание женщиной-добровольцем плода, полученного при оплодотворении донорской яйцеклетки донорскими сперматозоидами и перенесенного в ее матку» [53, с. 384]. Э. Джексон высказывает мнение о том, что суррогатное материнство — это практика, согласно которой одна женщина (суррогатная мать) соглашается выносить ребенка, который после рождения должен быть передан потенциальным родителям (родителю) [175, р. 828]. Схожее понятие предлагают Ф. Маккалум, Э. Лисетт, К. Мюррей, В. Джадва и С. Голомбок [197, р. 1334]. Лорд М. Хэнкок в Пояснительном докладе [169], подготовленном для Комиссии по вопросам общества, здравоохранения и семьи Парламентской ассамблеи СЕ, определяет суррогатное материнство как запланированное вынашивание женщиной ребенка, которого будут воспитывать другие лица (пункт 1.1).

Таким образом, в доктрине суррогатное материнство рассматривают с точки зрения договоренности (т. е. заключения договора), определенного процесса (зачатие, вынашивание, рождение ребенка) или технологии репродукции человека.

В праве зарубежных государств также не выработано единое определение «суррогатное материнство» [таблица 1.1].

Таблица 1.1 — Понятие «суррогатное материнство»
в странах СНГ

Страны СНГ	Определение понятия «суррогатное материнство»
Республика Беларусь	вид вспомогательных репродуктивных технологий, заключающийся в соединении сперматозоида и яйцеклетки, изъятых из организма генетической матери, или донорской яйцеклетки вне организма женщины, развитии образовавшегося в результате этого соединения эмбриона, дальнейшем переносе данного эмбриона в матку суррогатной матери, вынашивании и рождении ею ребенка (статья 1 Закона о вспомогательных репродуктивных технологиях)
Республика Казахстан	вынашивание и рождение ребенка, включая случаи преждевременных родов, по договору между суррогатной матерью (женщиной, вынашивающей плод после введения донорского эмбриона) и потенциальными родителями (часть 1 статьи 100 Кодекса Республики Казахстан «О здоровье народа и системе здравоохранения» [68])
Кыргызская Республика	зачатие, вынашивание и рождение ребенка по договору между суррогатной матерью и потенциальными родителями (статья 2 СК Кыргызской Республики [124])
Российская Федерация	1) вынашивание и рождение ребенка (в том числе преждевременные роды) по договору, заключаемому между суррогатной матерью (женщиной, вынашивающей плод после переноса донорского эмбриона) и потенциальными родителями, чьи половые клетки использовались для оплодотворения, либо одинокой женщиной, для которых вынашивание и рождение ребенка невозможно по медицинским показаниям (часть 9 статьи 55 Федерального Закона Российской Федерации «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»); 2) вынашивание и рождение ребенка (в том числе преждевременные роды) по договору, заключаемому между суррогатной матерью (женщиной, вынашивающей плод после переноса донорского эмбриона) и потенциальными родителями, чьи половые клетки

Таблица 1.1 — (Окончание)

Страны СНГ	Определение понятия «суррогатное материнство»
Российская Федерация	использовались для оплодотворения (далее — генетическая мать и генетический отец), либо одинокой женщиной (далее также — генетическая мать), для которых вынашивание и рождение ребенка невозможно по медицинским показаниям (п. 77 Приказа Министерства здравоохранения «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению» [72])

На территории государств — участников СНГ обобщенное определение суррогатного материнства, содержащее все четыре вида, закреплено в законодательстве Республики Казахстан и Кыргызской Республики. В Республике Беларусь данная дефиниция отражает сущность лишь трех видов суррогатного материнства: нетрадиционного, полного и частичного. В Азербайджанской Республике, Республике Армения, Республике Узбекистан, Украине определение «суррогатное материнство» законодательно не закреплено.

Представляется, что в Законе Республики Беларусь о вспомогательных репродуктивных технологиях целесообразно закрепить комплексное понятие «суррогатное материнство» с целью отражения сущности указанного вида вспомогательных репродуктивных технологий, что особенно важно при осложнении рассматриваемых отношений иностранным элементом. Данное определение должно содержать, *во-первых*, характерные признаки для всех четырех видов суррогатного материнства, *во-вторых*, включать два основных признака суррогатного материнства: наличие генетической связи ребенка, рожденного суррогатной матерью, хотя бы с одним из его фактических родителей, и вынашивание ребенка суррогатной матерью. Законодатель может запретить реализацию определенного вида суррогатного материнства. Например, запрет на использование

яйцеклетки суррогатной матери исключает возможность осуществления суррогатного материнства *sui generis*.

Предлагаем следующее определение: «суррогатное материнство — вынашивание и рождение ребенка по договору суррогатного материнства с последующей его передачей фактическим(–ому) родителям(–ю), с обоими или одним из которых он имеет генетическую связь».

Полагаем, что для белорусского права предложенный нами термин «фактические родители» является наиболее удачным исходя из его толкования (фактический, т. е. действительный). Если при реализации суррогатного материнства используется генетический материал донора, употребление термина «фактический родитель» в отношении лица, генетический материал которого не использовался согласно договору суррогатного материнства, также оправдано, поскольку данное лицо будет записано в качестве родителя рожденного суррогатной матерью ребенка. В доктрине упоминается термин «потенциальные родители» [16, с. 15; 27, с. 32; 37, с. 55; 58, с. 43], который известен законодательству некоторых государств (часть 1 статьи 100 Кодекса Республики Казахстан «О здоровье народа и системе здравоохранения», статья 2 СК Кыргызской Республики, часть 9 статьи 55 Федерального Закона Российской Федерации «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»). Однако следует обратить внимание на то, что слово «потенциальный» толкуется как возможный или вероятный. На наш взгляд, законодательное закрепление термина «потенциальные родители» целесообразно в государствах, где имеет место презумпция материнства суррогатной матери. В этом случае лица, заключившие с суррогатной матерью договор и даже одновременно связанные с ребенком генетическим родством, могут быть записаны в качестве его родителей только с согласия суррогатной матери, т. е. они являются именно потенциальными родителями, т. к. суррогатная мать может оставить ребенка себе. Зарубежные авторы применяют термин

«commissioning couple» [175, p. 828; 197, p. 1334; 200, p. 444] или «prospective parents» [185, p. 141], по смыслу схожий с русскоязычным понятием «потенциальные родители». Отметим, что в юридической литературе в качестве синонима употребляется понятие «нареченные родители» [97, с. 22] — эквивалент термина «intended parents» [198], или «social parents» [149, p. 9] — социальные родители. И. А. Михайлова высказывает точку зрения, согласно которой нет оснований для обозначения биологических (генетических) родителей иными определениями [59, с. 18]. С данным утверждением сложно согласиться. *Во-первых*, в литературе не всегда приравниваются понятия «генетические» и «биологические» родители. В частности, Ю. А. Дронова [27, с. 32], К. А. Кириченко [36, с. 42], О. А. Пересада и А. В. Лебедево [95, с. 10], Е. И. Померанцева, А. Ю. Козлова и О. М. Супруга [101, с. 61], а также Г. Б. Романовский [111, с. 31] под биологической матерью подразумевают суррогатную мать. *Во-вторых*, фактические родители могут и не являться генетическими. Например, в случае, когда супружеская пара заключает с суррогатной матерью договор, а при реализации суррогатного материнства используется генетический материал донора-мужчины или донора-женщины. В данной ситуации только один из фактических родителей ребенка будет иметь с ним генетическую связь.

Исходя из дефиниции «суррогатное материнство» целесообразно сформулировать доктринальное понятие «суррогатное материнство трансграничного характера — вынашивание и рождение ребенка по договору суррогатного материнства с последующей его передачей фактическим(–ому) родителям(–ю), с обоими или одним из которых он имеет генетическую связь, в случае когда

- а) суррогатная мать — гражданка иностранного государства или лицо без гражданства, проживающее в иностранном государстве, *и (или)*;
- б) фактические(–й) родители(–ь) — граждане(–ин/–ка) иностранного государства или лица(–о) без гражданства, проживающие(–ий/–ая) в иностранном государстве, *и (или)*;

- в) договор суррогатного материнства заключен на территории иностранного государства, *и (или)*;
- г) имплантация эмбриона осуществлялась на территории иностранного государства, *и (или)*;
- д) ребенок рожден на территории иностранного государства».

Исследование, проведенное в данной главе, позволяет сформулировать следующие выводы:

1. Защита слабой стороны отношений суррогатного материнства в международном частном праве, — ребенка, рожденного суррогатной матерью, — требует объективной необходимости выявления конституционных основ рассматриваемого вида вспомогательных репродуктивных технологий во избежание необоснованного применения оговорки о публичном порядке. Результаты исследования позволяют отнести к конституционным основам суррогатного материнства право на личную жизнь (к сфере которой относится деторождение); право на охрану здоровья (репродуктивное здоровье — часть общего здоровья); право на материнство и отцовство (в контексте права на защиту государством брака, семьи, материнства, отцовства и детства), а также сделать вывод об отсутствии в большинстве государств оснований ссылаться на противоречие публичному порядку отношений суррогатного материнства.

2. Закономерность соотношения разрешения (запрета) суррогатного материнства с наличием (отсутствием) конституционных основ заключается в следующем.

Данный вид вспомогательных репродуктивных технологий законодательно разрешен в государствах, основные законы которых закрепляют конституционные основы суррогатного материнства, входящие в содержание публичного порядка (Армения, Беларусь, Россия и др.). Однако в определенных государствах суррогатное материнство применяется на практике в отсутствие правовой регламентации указанных отношений (например, Бразилия, Индия).

Запрет на осуществление рассматриваемого вида вспомогательных репродуктивных технологий может иметь место только при отсутствии для этого конституционных основ (Швейцария). Следует негативно оценить запрет суррогатного материнства на уровне отраслевого законодательства при наличии конституционных основ для его осуществления (Италия).

3. Выработка классификации видов суррогатного материнства представляется необходимой для выявления различий по кругу лиц, между которыми существует или отсутствует генетическая связь при реализации рассматриваемого вида вспомогательных репродуктивных технологий, что имеет практическое значение для международного частного права ввиду запрета некоторых видов суррогатного материнства в ряде государств, что может повлечь непризнание данных правоотношений в странах, где легализовано менее четырех видов суррогатного материнства или оно полностью запрещено, вследствие квалификации данных норм в качестве сверхимперативных.

Указанную классификацию целесообразно проводить на основании двух критериев: *генетической связи между суррогатной матерью и рожденным ею ребенком* (суррогатное материнство *sui generis* и нетрадиционное (гестационное) суррогатное материнство), а также *генетической связи между ребенком, рожденным суррогатной матерью, и обоими или одним из фактических родителей этого ребенка* (полное суррогатное материнство и частичное (усеченное) суррогатное материнство).

4. Выработка дефиниции «суррогатное материнство трансграничного характера» направлена на предотвращение проблем, связанных с непризнанием суррогатного материнства, которое реализуется за границей или с участием иностранцев.

ГЛАВА 2

МАТЕРИАЛЬНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ТРАНСГРАНИЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ОБЛАСТИ СУРРОГАТНОГО МАТЕРИНСТВА

2.1. Регламентация отношений суррогатного материнства на международном и национальном уровне

Регулирование правоотношений суррогатного материнства затрагивает две сферы: международную и национальную.

Специфика международно-правового регулирования в данной сфере обусловлена несколькими факторами: опосредованной регламентацией указанного вида вспомогательных репродуктивных технологий и рекомендательным характером большинства международных актов.

Регламентации отдельных вопросов суррогатного материнства на международном уровне посвящены следующие документы:

1. Рекомендации Парламентской Ассамблеи Совета Европы.

В 1980-е гг. Парламентская Ассамблея СЕ разработала несколько рекомендаций по вопросам биоэтики, в частности Рекомендацию 1046 (1986) об использовании человеческих эмбрионов и плода в диагностических, терапевтических, научных, производственных и коммерческих целях от 24 сентября 1986 г. [190] (далее — Рекомендация 1046), Рекомендацию 1074 (1988) о семейной политике от 3 мая 1988 г. [191] (далее — Рекомендация 1074) и Рекомендацию 1100 (1989) об использовании

эмбриона и плода человека в исследовательских целях от 2 февраля 1989 г. [192] (далее — Рекомендация 1100).

В *Рекомендации 1046* закреплено, что последние достижения медицины открывают новые перспективы в научной сфере (пункт 2); человек посредством метода *in vitro* получил возможность изучать и контролировать ранние стадии жизни (пункт 3); необходимо определить степень правовой защиты с учетом развития научного прогресса, позволившего вмешиваться в развитие человеческой жизни с момента оплодотворения (пункт 8); использование эмбриона и плода требует обращения, достойного человека, и должно быть ограничено терапевтическими целями (пункт 10). В *Рекомендации 1046* содержится положение о недопустимости использования эмбриона, плода или их тканей для получения выгоды или в корыстных целях (пункт В iv e Приложения к *Рекомендации 1046*).

Весьма важным для настоящего исследования представляется пункт 17 А iv *Рекомендации 1074*, который отдает решение вопроса о запрете усыновления, искусственной инсеминации и суррогатного материнства на усмотрение государств с учетом их влияния на семейную жизнь и в частности интересы ребенка.

В пункт 1 *Рекомендации 1100* отмечается, что наука и технологии, особенно медицинские науки и биотехнологии, продолжают совершенствоваться и развиваться как выражение человеческого творческого потенциала, и поэтому их свобода применения может быть ограничена только на основе профессиональных, правовых, этических, культурных и социальных принципов, направленных на защиту прав и достоинства человека. Согласно пункт 9 В ii *Рекомендации 1100* Комитет Министров должен предпринимать меры, направленные на информирование общественности по вопросам оплодотворения *in vitro*, использования гамет, эмбрионов и плода человека в исследовательских и иных целях. Следует высоко оценить стремление СЕ поощрять исследования, направленные на совершенствование

специальных методов в области вспомогательного оплодотворения (пункт 9 В iv А); создавать международные и региональные регистры аккредитованных центров по исследованию репродуктивного материала и осуществлению контроля над такой работой, а также предъявлять определенные квалификационные требования к персоналу (пункт 9 В v); продолжать обобщение знаний в области репродукции человека и биомедицины с целью выработки единых инструментов правового регулирования (пункт 9 С).

Таким образом, в Рекомендации 1074 фрагментарно закреплены положения в отношении суррогатного материнства, в то время как положения Рекомендации 1046 и Рекомендации 1100 лишь косвенным образом затрагивают вопросы рассматриваемого вида вспомогательных репродуктивных технологий. Однако поскольку суррогатное материнство предполагает создание эмбриона *in vitro*, т. е. вне тела человека (кроме случая использования искусственной инсеминации суррогатной матери), можно сделать вывод, что указанные международные документы применяются и к рассматриваемым отношениям, не принимая ответственности за запрет или форсирование применения данного вида вспомогательных репродуктивных технологий на практике, определяя лишь общие принципы и отдавая решение вопроса на усмотрение государств.

2. *Декларация Всемирной медицинской ассоциации об оплодотворении in vitro и трансплантации эмбриона* [164] (далее — Декларация 1987 г.).

Данный документ, принятый Ассамблеей Всемирной медицинской ассоциации в 1987 г., содержит положения о суррогатном материнстве и представляет интерес в историческом плане, поскольку он был отменен в 2006 г.

В разделе «Донорство» закреплено, что реализация суррогатного материнства возможна совершеннолетней женщиной, у которой отсутствует матка, при условии, что данный вид вспомогательных репродуктивных технологий не запрещен действующим

законодательством либо этическими нормами национальных медицинских ассоциаций или иных компетентных медицинских организаций. При этом должно быть получено свободное и информированное согласие всех участников правоотношения суррогатного материнства на его реализацию.

Декларация 1987 г. не одобряет применение суррогатного материнства, когда за вознаграждение женщина выражает свое согласие на осуществление инсеминации генетическим материалом мужчины для зачатия ребенка, который впоследствии будет усыновлен этим мужчиной и его супругой.

В настоящее время научно-технический прогресс ушел далеко вперед, отношение к видам вспомогательных репродуктивных технологий существенным образом изменилось: получила широкое распространение реализация суррогатного материнства на коммерческой основе, существенно расширился перечень показаний к рассматриваемому виду вспомогательных репродуктивных технологий по сравнению с единственным возможным согласно положениям Декларации 1987 г., в некоторых странах легализована возможность осуществления суррогатного материнства с использованием яйцеклетки суррогатной матери, государствами применяются различные подходы к вопросу установления происхождения ребенка. Учитывая данные факты, становятся понятны причины, побудившие отменить рассматриваемую декларацию, несмотря на то, что она имеет рекомендательный характер.

3. Принципы 1989 г. [182].

Принципы 1989 г. разработаны Специальным комитетом экспертов по биоэтике в рамках СЕ. Сфера действия документа охватывает методы искусственного деторождения, в частности искусственную инсеминацию, оплодотворение *in vitro*, а также иные методики, основанные на указанных выше технологиях (раздел I). В Пояснениях к Принципам 1989 г. [165] отмечается, что Специальный комитет экспертов по биоэтике при формулировании принципов учитывал, что у бесплодной пары есть

естественное и законное желание иметь ребенка и создать семью. Однако ввиду этических, медицинских, правовых и социальных проблем, связанных с использованием вспомогательных репродуктивных технологий, данные технологии следует применять не как альтернативу естественному деторождению, а только как единственно возможное и последнее средство (п. vi и п. x раздела «Принципы, предложенные Специальным комитетом экспертов по биоэтике»).

Высокая роль Принципов 1989 г. связана с тем, что они впервые на международном уровне осуществили квалификацию понятий, связанных с суррогатным материнством. Регламентации непосредственно указанных отношений посвящен принцип 15. Общее правило, закрепленное в нем, гласит: ни медицинский работник, ни медицинское учреждение не должны использовать искусственные методы деторождения для зачатия ребенка с целью его вынашивания суррогатной матерью (пункт 1). Любое соглашение или договор между суррогатной матерью и лицом или парой, для которой она вынашивает ребенка, является недействительным (пункт 2). Любая посредническая деятельность в пользу лиц, заинтересованных в реализации суррогатного материнства, а также любая, связанная с этим реклама, должны быть запрещены (пункт 3).

Особый интерес вызывает пункт 4 принципа 15, согласно которому государства могут в исключительных случаях, оговоренных в национальном законодательстве, разрешить медицинскому работнику или медицинскому учреждению осуществлять искусственное оплодотворение суррогатной матери при одновременном выполнении двух условий: суррогатная мать не должна получать материальной выгоды от произведенной операции и имеет право оставить ребенка после его рождения.

В пункте е раздела I Принципов 1989 г. содержится понятие «суррогатная мать — женщина, которая вынашивает ребенка для другого лица и давшая до беременности согласие

на передачу ребенка этому лицу». В пункте d оговаривается, что донором является лицо, отличное от суррогатной матери, которое предоставляет свой генетический материал в пользу другого лица.

В Пояснениях к Принципам 1989 г. отмечается, что термин «суррогатная мать» охватывает три типа суррогатных матерей: тех, кто вынашивает эмбрион, зачатый с использованием генетического материала (1.) пары, которой впоследствии будет передан ребенок, (2.) суррогатной матери и мужчины из вышеназванной пары или донора, (3.) доноров (абзац 8 раздела «Сфера действия и определения»). На наш взгляд, второй вариант противоречит вышеназванному пункту d раздела I Принципов, а третий — вовсе не имеет никакого отношения к суррогатному материнству, поскольку в данном случае отсутствует генетическая связь между ребенком, женщиной и мужчиной из пары, которой впоследствии передается ребенок. При такой ситуации, полагаем, более уместно прибегать к усыновлению.

Как отмечается в Пояснениях к Принципам 1989 г., суррогатная мать всегда рассматривается в качестве матери, а не просто донора гамет (абзац 7 раздела «Сфера действия и определения»). Подтверждением этому также является положение, закрепленное в принципе 14, согласно которому матерью ребенка является женщина, которая его родила. Применяя данное правило к отношениям суррогатного материнства, суррогатная мать автоматически становится юридической матерью ребенка, при этом фактически (генетически), она ею не является (за исключением случая, когда суррогатная мать одновременно является донором яйцеклетки, что однако не коррелирует с пунктом d раздела I Принципов). В Пояснениях к Принципам 1989 г. говорится, что установление материнства должно быть основано на факте рождения, а не на генетической связи, поскольку, во-первых, между родившей ребенка женщиной и этим ребенком возникает связь, во-вторых, необходимо предоставить ребенку очевидный законный статус по рождению, в-третьих,

суррогатная мать может оставить ребенка себе (абзац 3 раздела «Установление материнства и отцовства»).

Таким образом, в Принципах 1989 г. отсутствует разграничение в отношении установления факта рождения ребенка от матери в двух различных по своей природе случаях: при «традиционном» рождении ребенка и при рождении ребенка суррогатной матерью. Представляется, что такое положение не отражает сущность суррогатного материнства, основная цель которого — помощь лицам в преодолении бесплодия.

4. Конвенция о защите прав и достоинства человека в связи с применением достижений биологии и медицины: Конвенция о правах человека и биомедицине.

В настоящее время участниками данной конвенции являются 29 государств — членов СЕ [160], при этом она открыта для подписания иными государствами, не входящими в СЕ, а также ЕС — как организации.

В мае 1997 г. был подготовлен Пояснительный доклад к Конвенции о правах человека и биомедицине [161], разработанный Ж. Мишо (Франция), Председателем Руководящего комитета по биоэтике, по поручению Генерального секретаря СЕ на основании принятого проекта. Пояснительный доклад не является официальным толкованием Конвенции о правах человека и биомедицине, но охватывает основные материалы подготовительной работы и содержит информацию, позволяющую прояснить ее предмет и цель.

Положения Конвенции о правах человека и биомедицине прямо не регулируют правоотношения суррогатного материнства. Однако, исходя из анализа норм данной конвенции и Пояснительного доклада к ней, можно сделать вывод, что положения вышеуказанных документов косвенно распространяются и на рассматриваемый вид вспомогательных репродуктивных технологий.

Статья 5 Конвенции о правах человека и биомедицине закрепляет общее правило в отношении выражения согласия

лица, подвергающегося медицинскому вмешательству. Такое согласие должно быть не только добровольным, но и информированным, т. е. необходимо, чтобы лицо было заранее проинформировано как о целях и характере предлагаемого вмешательства, так и о его возможных последствиях и связанном с ним риске (пункт 36 Пояснительного доклада).

Конвенция о правах человека и биомедицине в статье 14 содержит требование о запрете использования медицинских технологий с целью выбора пола будущего ребенка, за исключением случаев, когда это делается с тем, чтобы предотвратить наследование заболевания, связанного с полом. Согласно пункту 93 Пояснительного доклада воспроизведение потомства с помощью медицинского вмешательства включает в себя искусственное осеменение, оплодотворение *in vitro* и любой другой метод с таким же эффектом, который позволяет воспроизводить потомство за рамками естественного процесса. Представляется, рождение детей при помощи суррогатного материнства можно отнести к данному перечню.

Таким образом, Конвенция о правах человека и биомедицине опосредованно регулирует отношения, связанные с суррогатным материнством (наличие добровольного информированного согласия на реализацию данного вида вспомогательных репродуктивных технологий и запрет на выбор пола ребенка без медицинских показаний). Принимая во внимание тот факт, что в настоящее время отсутствует комплексная регламентация указанного вида вспомогательных репродуктивных технологий на региональном уровне, рассмотренные положения конвенции могут стать отправной точкой для разработки документа, в котором бы нашло отражение регулирование вопросов суррогатного материнства.

5. *Всеобщая Декларация о биоэтике и правах человека* [203].

Декларация была принята 19 октября 2005 г. на 33-й сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО. Сфера применения Декларации 2005 г. охватывает этические вопросы, касающиеся

медицины, науки о жизни, а также связанные с ними технологии применительно к человеку с учетом их социальных, правовых и экологических аспектов (статья 1). Целью Декларации 2005 г. является обеспечение универсального комплекса принципов, которыми могут руководствоваться государства при выработке законодательных норм или других инструментов в области биоэтики, а также поощрение обеспечения справедливого доступа к медицинским, научным и техническим достижениям (пункт i и пункт vi статьи 2).

Статья 5 рассматриваемого документа закрепляет норму, согласно которой должна обеспечиваться самостоятельность лиц в принятии решения. Следует также соблюдать неприкосновенность частной жизни лиц и конфиденциальность информации (статья 9).

Полагаем, что вышеизложенные положения Декларации 2005 г. можно применять к правоотношениям суррогатного материнства. Во-первых, суррогатная мать должна добровольно дать согласие на осуществление суррогатного материнства, осознавая при этом в полной мере всю ответственность, связанную с предоставлением услуги по вынашиванию ребенка, которого после рождения она передаст его фактическим родителям. Во-вторых, участие в программе суррогатного материнства — дело сугубо личное и касается ограниченного круга лиц: фактических родителей ребенка, суррогатной матери, ее супруга и рожденного благодаря данному виду вспомогательных репродуктивных технологий ребенка. Исходя из этого, информация о реализации суррогатного материнства и ее участниках должна носить конфиденциальный характер. При этом следует понимать, что тайна суррогатного материнства шире врачебной тайны, обязанность по сохранению которой возлагается на медицинских работников. По своей природе тайна суррогатного материнства представляет синтез тайны усыновления и врачебной тайны. На международном уровне тайна усыновления, например, закреплена в части 1 статьи

30 Гаагской конвенции 1993 г. о защите прав детей и сотрудничестве в сфере международного усыновления [45] (вступила в силу для Республики Беларусь 1 ноября 2003 г.): компетентные власти договаривающихся государств обеспечивают сохранность информации, которой они располагают относительно происхождения ребенка. Необходимо использование международного законодательного опыта и в отношении суррогатного материнства. В Республике Беларусь регулирование данного вопроса должно гармонизировать с законодательством об усыновлении. На наш взгляд, информация о реализации суррогатного материнства должна носить конфиденциальный характер и именно фактическим родителям ребенка следует рассказать ему о его рождении.

6. *Рекомендации Межпарламентской Ассамблеи государств — участников Содружества Независимых Государств «Об этико-правовом регулировании и безопасности генетических медицинских технологий в государствах — участниках СНГ»* [109] (приняты 31 октября 2007 г.) направлены на согласование государственной политики стран Содружества в области этико-правового регулирования генетических медицинских технологий и распространяются на все виды медицинской деятельности, предусматривающей применение генетических технологий к человеку. Межпарламентская Ассамблея Содружества Независимых Государств (далее — МПА СНГ) проводит работу по гармонизации законодательства государств-участников в области науки, образования и *охраны здоровья* (Прембула и пункт 1 данных Рекомендаций).

Учитывая тот факт, что реализация суррогатного материнства невозможна без использования генетического материала, необходимого для зачатия ребенка, положения рассматриваемых Рекомендаций можно применять и к правоотношениям суррогатного материнства. Основные рекомендации, содержащиеся в международном документе и опосредованно затрагивающие рассматриваемый нами вид вспомогательных

репродуктивных технологий, можно свести к следующим: введение в государствах — участниках СНГ четких законодательных дефиниций в области медицинской генетики (пункт 3); признание прав приемных детей и детей, зачатых из донорских гамет, наравне с правами детей, рожденных без применения вспомогательных репродуктивных технологий (пункт 8); выбор пола будущего ребенка может быть оправданным лишь для предотвращения у него серьезного заболевания, сцепленного с полом, для которого не доступны методы пренатальной диагностики (пункт 11); обеспечение равного и справедливого доступа всего населения к достижениям в области медико-генетических технологий (пункт 12); обеспечение добровольности участия в генетических исследованиях и предоставление медико-генетической помощи (пункт 16); необходимость приложения усилия к развитию кадров в сфере изучения *правовых*, социальных и этических аспектов современной науки и технологий (пункт 23).

Не умаляя значение Рекомендаций «Об этико-правовом регулировании и безопасности генетических медицинских технологий в государствах — участниках СНГ» отметим, что их положения затрагивают лишь общие характеристики генетических медицинских технологий. Поскольку суррогатное материнство разрешено в большинстве государств СНГ, представляется целесообразным разработать в рамках МПА СНГ проект документа рекомендательного характера, который гармонизировал бы материально-правовое регулирование в данной области: Рекомендации по гармонизации права государств — участников СНГ в области суррогатного материнства. Существование различных концептуальных подходов в сфере рассматриваемого вида вспомогательных репродуктивных технологий в законодательстве государств СНГ свидетельствует о необходимости принятия акта, который способствовал бы сближению права государств — участников интеграционного объединения посредством выработки схожих правовых норм.

Положения Рекомендаций, разработанные с учетом особенностей правового регулирования рассматриваемого вида вспомогательных репродуктивных технологий в странах СНГ, позволят избежать проблем в правоприменении при реализации программ суррогатного материнства в одной из стран СНГ гражданами, иностранными гражданами и лицами без гражданства, постоянно проживающими на территории другого государства — участника СНГ.

Национальная правовая база в области суррогатного материнства весьма разнообразна. Преимущественно нормы, регулирующие данный вид вспомогательных репродуктивных технологий, закреплены в кодексах или отраслевых актах законодательства. Исключением из указанного подхода является регламентация суррогатного материнства в конституции (примером может служить Швейцария).

В государствах — участниках СНГ основные нормативные правовые акты в сфере суррогатного материнства представлены следующим образом [таблица 2.1]:

Таблица 2.1 — Основные национальные правовые источники стран СНГ в области суррогатного материнства

Государства СНГ	Основные действующие правовые источники в области суррогатного материнства
Азербайджанская Республика	<ul style="list-style-type: none"> • СК [123] (статьи 46.4, 46.5 и 47.4) • Уголовный кодекс [134] (далее — УК) (примечание к статье 141–1) • Закон «О борьбе с торговлей людьми» [62] (пункт 1.0.2 статьи 1) • Постановление Кабинета Министров «Об утверждении «Порядка государственной регистрации актов гражданского состояния» [86] (пункт 2.8.4)
Республика Армения	<ul style="list-style-type: none"> • СК [125] (часть 3 статьи 39) • Закон «О репродуктивном здоровье и репродуктивных правах человека» (пункт 8 статьи 2; пункт 3 части 1 статьи 11; статья 12; статья 13; статья 15; статья 17; статья 18)

Таблица 2.1 — (Продолжение)

Государства СНГ	Основные действующие правовые источники в области суррогатного материнства
	<ul style="list-style-type: none"> • Закон «Об актах гражданского состояния» [82] (часть 4 статьи 16)
Республика Беларусь	<ul style="list-style-type: none"> • КоБС (части 5 и 6 статьи 52) • Закон «О вспомогательных репродуктивных технологиях» (статья 1; статья 2; статья 14; статьи 20–23) • Постановление Совета Министров «О порядке организации работы с гражданами в органах, регистрирующих акты гражданского состояния, по выдаче справок либо иных документов, содержащих подтверждение фактов, имеющих юридическое значение» [73] (пункт 19) • Постановление Министерства здравоохранения «Об утверждении перечня медицинских показаний и противопоказаний к суррогатному материнству, порядок и объем медицинского обследования суррогатной матери, генетической матери и их супругов»
Республика Казахстан	<ul style="list-style-type: none"> • Кодекс «О здоровье народа и системе здравоохранения» (статья 100) • Кодекс «О браке (супружестве) и семье» (статья 1; часть 2 статьи 47; часть 3 статьи 51; глава 9; часть 1 статьи 187; часть 2 статьи 192)
Кыргызская Республика	<ul style="list-style-type: none"> • СК (статья 2, часть 2 статьи 52; часть 4 статьи 54, часть 3 статьи 55) • Закон «О репродуктивных правах граждан и гарантиях их реализации» (статья 1; статья 18) • Закон «Об актах гражданского состояния» [84] (часть 4 статьи 16)
Республика Молдова	<ul style="list-style-type: none"> • Закон «О предупреждении и пресечении торговли людьми» [74] (пункт е статьи 2)
Российская Федерация	<ul style="list-style-type: none"> • СК [129] (часть 4 статьи 51; часть 3 статьи 52) • Закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (части 1, 9 и 10 статьи 55) • Закон «Об актах гражданского состояния» [83] (часть 5 статьи 16)

Таблица 2.1 — (Окончание)

Государства СНГ	Основные действующие правовые источники в области суррогатного материнства
Российская Федерация	<ul style="list-style-type: none"> • Приказ Министерства здравоохранения «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению» (Приложение 1)
Республика Таджикистан	<ul style="list-style-type: none"> • Закон «О противодействии торговле людьми и оказании помощи жертвам торговли людьми» [75] (статья 1)
Туркменистан	<ul style="list-style-type: none"> • Закон «О борьбе с торговлей людьми» [63] (статья 1, пункт 2 статьи 5)
Республика Узбекистан	<ul style="list-style-type: none"> • СК [128] (часть 6 статьи 207)
Украина	<ul style="list-style-type: none"> • СК [131] (статья 123) • Приказ Министерства юстиции «Об утверждении Правил регистрации актов гражданского состояния в Украине» [90] (пункт 11 главы 1 раздела III) • Приказ Министерства здравоохранения «Об утверждении порядка применения вспомогательных репродуктивных технологий» (пункт 6.4; пункт 6.8; пункт 6.9) [89]

Таким образом, в государствах — участниках СНГ нормы, регламентирующие отношения суррогатного материнства, содержатся в семейных кодексах; специальных законах, посвященных вспомогательным репродуктивным технологиям; иных актах законодательства.

В странах СНГ, где нормы, регулирующие суррогатное материнство, содержатся одновременно в кодексе и специальном акте, представляется возможным выявить несколько проблем.

1. Отсутствие четкого разграничения сферы действия между нормативными правовыми актами.

Иллюстрацией может послужить закрепление понятий «договор суррогатного материнства», «суррогатное материнство» в СК Кыргызской Республики (статья 2) и определения «суррогатная

мать» — в Законе Кыргызской Республики «О репродуктивных правах граждан и гарантиях их реализации» (статья 1). Закон содержит основные положения, регулирующие рассматриваемый вид ВРТ (статья 18). В СК Кыргызской Республики, кроме указанных выше дефиниций, закреплены нормы, регламентирующие регистрацию родителей ребенка, а также оспаривание отцовства и материнства — в том числе при реализации суррогатного материнства (часть 4 статьи 54, часть 3 статьи 55).

II. Несогласованность и противоречивость норм, имеющих существенное значение для отношений, возникающих вследствие реализации суррогатного материнства. Согласно пункту 8 статьи 2 Закона Республики Армения «О репродуктивном здоровье и репродуктивных правах человека» суррогатная мать — женщина, вынашивающая в своей матке донорский эмбрион, рожденный от которой ребенок не является носителем ее гено-типа, в то же время в части 5 статьи 15 указано, что суррогатная мать может одновременно быть также донором яйцеклетки.

В европейских странах отношение к суррогатному материнству носит в большей степени негативную, нежели позитивную окраску. Только в трех государствах — членах ЕС (Великобритании, Греции и Нидерландах) рассматриваемый вид вспомогательных репродуктивных технологий законодательно разрешен, но только на некоммерческой основе [151]. Например, в Великобритании указанные правоотношения регулируются нормами Закона 2008 г. «Об искусственном оплодотворении человека и дальнейшем развитии эмбриологии» [171], которые регламентируют порядок установления родительских прав и оплату текущих расходов суррогатной матери.

Большинство европейских государств имеет законодательный запрет суррогатного материнства. Так, во Франции в соответствии со статьей 16–7 ГК [157] любое соглашение по искусственному оплодотворению или суррогатному материнству является ничтожным. В Германии суррогатное материнство запрещено Законом 1990 г. «О защите эмбриона» [145]. Согласно

подпункту 7 пункта 1 статьи 1 данного закона любой, кто попытается реализовать суррогатное материнство, наказывается тремя годами лишения свободы или штрафом. Интерес вызывает норма подпункта 2 пункта 3 статьи 1: наказанию не подвергаются суррогатная мать и лица, для которых она вынашивает ребенка, т. е. ответственность возлагается на сотрудников медицинских центров.

Запрет или отсутствие законодательного регулирования суррогатного материнства в ряде европейских стран ведет к тому, что данные правоотношения все чаще характеризуются присутствием иностранного элемента.

В государствах англо-американской системы права (например, Индии, США) велика роль судебного прецедента в области суррогатного материнства.

В 2010 г. в Верховном Суде Индии (Supreme Court of India) было рассмотрено дело «Индия против Яна Балаж» (Union of India vs. Jan Balaz), связанное с реализацией суррогатного материнства на территории Индии супругами — гражданами Германии (Я. Балаж и С. Леле) и суррогатной матерью — гражданкой Индии (при зачатии использовался генетический материал анонимной женщины-донора и Я. Балаж).

Поскольку суррогатное материнство запрещено в Германии, близнецы не могут получить немецкое гражданство, если сначала они не будут признаны гражданами Индии (немецкие власти пришли к такому заключению, дабы избежать прецедента).

Я. Балаж 11 ноября 2009 г. обратился в Высокий Суд Гуджарат (Gujarat High Cour) с просьбой разъяснить: может ли ребенок, рожденный в Индии суррогатной матерью — гражданкой Индии, генетический отец которого является иностранным гражданином, получить гражданство Индии по рождению? В решении суда было указано, что дети, родившиеся в Индии в результате реализации нетрадиционного суррогатного материнства, являются гражданами Индии, и поэтому им должны быть выданы индийские паспорта.

Правительство Индии 15 декабря 2009 г. обжаловало данное решение в Верховный Суд Индии. На слушании дела, которое проходило 17 декабря 2009 г., обсуждался вопрос: будет ли детям, рожденным суррогатной матерью, предоставлено впоследствии немецкое гражданство [176; 199]?

Верховный Суд Индии 17 марта 2010 г. вынес решение, согласно которому Центральное агентство по усыновлению должно в виде исключения (рождение детей суррогатной матерью не является основанием для международного усыновления) разрешить Яну Балаж и его супруге усыновить детей для того, чтобы они могли беспрепятственно въехать на территорию Германии [168].

Наиболее прогрессивным государством правового регулирования суррогатного материнства является США, и преимущественно штат Калифорния. Во-первых, на территории данного штата предоставляются услуги по реализации суррогатного материнства иностранным гражданам. Во-вторых, установлен принцип признания юридическими родителями ребенка, рожденного суррогатной матерью, лиц, заключивших договор с суррогатной матерью [2, с. 9], что нашло отражение в решении Верховного Суда Калифорнии от 20 мая 1993 г. по делу Джонсон против Кальверт (*Johnson v. Calvert*) [177].

Суть дела состояла в следующем. Чета Кальверт не могла самостоятельно иметь детей, поскольку у супруги была удалена матка, но сохранилась способность организма вырабатывать яйцеклетки. Между супружеской парой и А. Джонсон 15 января 1990 г. был подписан возмездный договор суррогатного материнства (гонорар суррогатной матери составил 10 000 долларов, страховая сумма ее жизни — 200 000 долларов). Согласно договору при зачатии эмбриона использовался генетический материал супругов Кальверт, а после рождения ребенка суррогатная мать (уже имевшая дочь) должна была его передать супружеской паре. Во время беременности суррогатной матери отношения между сторонами договора ухудшились, А. Джонсон стала угрожать супругам Кальверт, что оставит ребенка себе. В августе

1990 г. супружеская пара подала иск в суд с требованием признать их родителями еще не родившего ребенка, которого вынашивает суррогатная мать. А. Джонсон подала встречный иск.

После рождения ребенка (19 сентября 1990 г.) судом была назначена экспертиза, которая выявила, что А. Джонсон не является генетической матерью.

В октябре 1990 г. было установлено, что генетическими родителями рожденного суррогатной матерью ребенка являются супруги Кальверт. Основываясь на данных фактах, суд признал, что, во-первых, генетическими родителями является супружеская пара, во-вторых, А. Джонсон не имеет «родительских прав» в отношении этого ребенка, в-третьих, договор суррогатного материнства является законным. Суд также отменил ранее предоставившее суррогатной матери право посещать ребенка. А. Джонсон подала апелляцию, но суд второй инстанции в 1993 г. (Верховный Суд Калифорнии) оставил без изменения решение суда низшей инстанции [181].

2.2. Договор суррогатного материнства трансграничного характера

Договор является основанием для возникновения правоотношений суррогатного материнства. Несмотря на то, что без заключения договора суррогатного материнства невозможна правомерная реализация рассматриваемого вида вспомогательных репродуктивных технологий, как в доктрине, так и в законодательстве отдельных государств отсутствует единая точка зрения в отношении того, какова правовая природа данного договора; что следует понимать под договором суррогатного материнства; кто выступает сторонами договора и что является его предметом; каковы существенные условия договора суррогатного материнства и следует ли в договоре закреплять ответственность сторон.

В юридической литературе выделяют несколько подходов к определению правовой природы договора суррогатного материнства.

Во-первых, дискуссионным является вопрос об отнесении договора суррогатного материнства к гражданско-правовому или семейно-правовому договору. А. А. Пестрикова полагает, что договор суррогатного материнства носит не только смешанный, но и комплексный характер. Ввиду этого, отношения, возникающие из договора суррогатного материнства, должны регулироваться общими нормами о договорах (обязательствах) и нормами семейного права с использованием аналогии закона и аналогии права [97, с. 65]. Рассмотрение договора суррогатного материнства через призму гражданского и семейного права позволяет говорить о данном договоре как о договоре особого рода. В доктрине иногда к договору суррогатного материнства применяют термин «межотраслевой договор», поскольку он регулирует различные по своей природе отношения, к которым применяются нормы семейного и гражданского законодательства [97, с. 70; 61].

Договор суррогатного материнства устанавливает два рода отношений: имущественные (оплата услуг, связанных с суррогатным материнством, текущие расходы суррогатной матери во время беременности и родов), входящие в сферу гражданского права, и неимущественные (процесс имплантации эмбриона, вынашивание и рождение ребенка суррогатной матерью, установление материнства и отцовства), относящиеся к сфере регулирования семейного права. Отметим, что имущественные отношения делают договор суррогатного материнства наиболее близким к договору возмездного оказания услуг (глава 39 ГК Республики Беларусь [23]).

В семейном законодательстве недостаточно развит институт ответственности (исключением, пожалуй, являются алиментные обязательства и лишение родительских прав), поэтому в случае отказа от исполнения или ненадлежащего исполнения

договора суррогатного материнства (например, несоблюдение суррогатной матерью предписаний врача) целесообразно применять нормы гражданской ответственности к рассматриваемым отношениям. Н. Ф. Звенигородская отмечает, что в семейном праве отсутствует институт обеспечения исполнения договорных обязательств, а пострадавший контрагент может потребовать в судебном порядке лишь исполнения самого обязательства [30, с. 78].

Во-вторых, некоторые ученые-правоведы, признавая гражданско-правовую природу договора суррогатного материнства, указывают на его сходство с различными видами договоров: договором аренды [58, с. 63]; договором купли-продажи [58, с. 72]; договором подряда [58, с. 73]; договором возмездного оказания услуг [27, с. 46; 58, с. 74; 118]; смешанным договором, который содержит в себе элементы поименованных договоров (договора купли-продажи и договора оказания услуг) и непоименованного договора (договора о вынашивании детей) [91, с. 55]; либо предлагают его отнести к самостоятельному виду договора [17, с. 8; 25, с. 30].

Считаем неприемлемым выделять в договоре суррогатного материнства элементы договора аренды, купли-продажи и подряда, поскольку данный договор отличается своим предметом от всех вышеперечисленных договоров. Представляется, предметом договора суррогатного материнства является оказание услуги по вынашиванию и рождению ребенка.

В любом случае, говоря о правовой природе договора суррогатного материнства, изучение которой не является одной из главных задач настоящего исследования, рассматриваемый договор можно охарактеризовать как двусторонний и консенсуальный.

В настоящее время в юридической литературе не выработано единого понятия «договор суррогатного материнства». Т. Е. Борисова определяет договор суррогатного материнства как соглашение, по которому одна сторона (суррогатная мать)

обязуется по заданию другой стороны (супругов-заказчиков) пройти процедуру имплантации эмбриона (–нов), выносить его (их), обеспечивая благоприятные условия внутриутробного развития, и в случае рождения ребенка (детей) передать его (их) супругам-заказчикам, а супруги-заказчики обязуются выплатить суррогатной матери за оказанные услуги вознаграждение в случае возмездности договора [18]. Е. С. Митрякова предлагает понимать под договором суррогатного материнства соглашение, заключенное между суррогатной (вынашивающей) матерью и заказчиками, предметом которого выступает оказание возмездных услуг суррогатной матерью по вынашиванию и рождению генетически чужого ей ребенка для дальнейшей передачи его заказчикам [58, с. 82]. А. А. Пестрикова высказывает мнение, что договор суррогатного материнства — это соглашение между лицами (супругами), желающими стать родителями, и женщиной (суррогатной матерью), согласной за вознаграждение или без такового на искусственное оплодотворение, вынашивание и рождение ребенка с последующей его регистрацией нареченными родителями [97, с. 67].

На наш взгляд, указанные выше определения имеют некоторые недостатки. Включение в понятие договора суррогатного материнства такой характеристики, как отсутствие генетической связи, исключает реализацию суррогатного материнства *sui generis*, законодательно разрешенного в некоторых странах. Возмездный характер не является характерным признаком договора суррогатного материнства, и, как мы видим на примере некоторых государств (в частности, Великобритании), коммерческое суррогатное материнство законодательно запрещено. Отнесение к сторонам договора суррогатного материнства только супругов лишает бесплодных одиноких лиц права на реализацию рассматриваемого вида вспомогательных репродуктивных технологий.

Отечественное право не содержит определения договора суррогатного материнства. Несмотря на то, что статья 21

Закона о вспомогательных репродуктивных технологиях именуется «Договор суррогатного материнства», в ней отсутствует данное понятие, что является, на наш взгляд, недопустимым. В странах СНГ указанное определение закреплено лишь в законодательстве Республики Казахстан и Кыргызской Республики [таблица 2.2].

Таблица 2.2 — Понятие «договор суррогатного материнства» в праве стран СНГ

Государства СНГ	Определение договора суррогатного материнства
Республика Казахстан	нотариально удостоверенное письменное соглашение между лицами, состоящими в браке (супружестве) и желающими иметь ребенка, и женщиной, давшей свое согласие на вынашивание и рождение ребенка путем применения вспомогательных репродуктивных методов и технологий (статья 1 Кодекса «О браке (супружестве) и семье»)
Кыргызская Республика	соглашение между лицами, желающими иметь ребенка, и женщиной, давшей согласие на применение метода искусственного оплодотворения или имплантации эмбриона (статья 2 СК)

Не вызывает сомнения необходимость введения в Закон Республики Беларусь «О вспомогательных репродуктивных технологиях» дефиниции «договор суррогатного материнства».

На наш взгляд, при выработке указанного определения целесообразно принимать во внимание ряд доктринальных подходов в рассматриваемой сфере. *Во-первых*, выработанное в данном исследовании более полное понятие «суррогатное материнство». *Во-вторых*, недостатки уже предложенных в доктрине определений «договор суррогатного материнства». *В-третьих*, возможность обоих фактических родителей быть стороной договора суррогатного материнства. В части 1 статьи 21 Закона Республики Беларусь «О вспомогательных

репродуктивных технологиях» закреплено, что лица, состоящие в браке, заключают договор суррогатного материнства с согласия своих супругов. Данное положение свидетельствует о том, что супруг генетической матери или женщины, воспользовавшейся донорской яйцеклеткой, может и не являться стороной договора, но впоследствии он записывается в качестве отца ребенка, рожденного суррогатной матерью (часть 1 статьи 52 КоБС). *В-четвертых*, мнение ряда авторов, связанное с возможностью заключения двух договоров: между суррогатной матерью и организацией здравоохранения, где будет проводиться имплантация эмбриона и дальнейшее наблюдение за протеканием беременности, и между этой организацией здравоохранения и фактическими родителями ребенка [27, с. 46; 58, с. 83]. Первый договор следует именовать «договор суррогатного материнства», второй — «договор об оказании услуг по реализации суррогатного материнства».

В настоящее время императивное требование законодателя, предписывающее заключение договора суррогатного материнства между суррогатной матерью и генетической матерью или женщиной, воспользовавшейся донорской яйцеклеткой (часть 1 статьи 21 Закона Республики Беларусь «О вспомогательных репродуктивных технологиях»), лишает стороны договора возможности оставаться друг для друга анонимными, что может повлечь психологические и правовые проблемы (например, шантаж генетической матери или женщины, воспользовавшейся донорской яйцеклеткой, суррогатной матерью). Как отмечает М. Филд, оставаясь друг для друга анонимными, стороны договора суррогатного материнства реализуют свое право на сохранение конфиденциальности [167, р. 63]. Заключение двух договоров будет способствовать решению данной проблемы, что особенно актуально для отношений суррогатного материнства, осложненных иностранным элементом.

Представляется, оба договора должны подлежать нотариальному удостоверению. Для сравнения, в государствах — участниках

СНГ при заключении договора суррогатного материнства требуется *письменное согласие* фактических родителей ребенка на имплантацию эмбриона суррогатной матери (Азербайджанская Республика, Грузия, Российская Федерация, Республика Узбекистан); *нотариальное удостоверение* договора (Республика Армения, Республика Казахстан, Кыргызская Республика); нотариально удостоверенное согласие женщины, родившей ребенка, на имплантацию эмбриона (Украина). В Австралии существует процедура «одобрения» договоров суррогатного материнства государственными органами. В некоторых штатах США (Вирджиния, Нью-Гемпшир) договор суррогатного материнства требует судебного санкционирования [58, с. 85–86].

В доктрине споры ведутся ввиду различного определения в праве зарубежных государств круга лиц, которые могут участвовать в правоотношениях суррогатного материнства. Наиболее остро стоит вопрос, связанный с семейным статусом фактических родителей ребенка, который должен родиться в связи с реализацией рассматриваемого вида вспомогательных репродуктивных технологий.

В национальном праве государств — участников СНГ существует два подхода к проблеме семейного статуса фактических родителей ребенка, рожденного суррогатной матерью. В одних странах закреплено императивное требование, согласно которому фактические родители ребенка должны состоять в браке (Азербайджанская Республика, Кыргызская Республика, Республика Узбекистан, Украина). Законодательство других стран к рассматриваемому вопросу подходит либерально: лица, не состоящие в браке, могут принимать участие в программе суррогатного материнства (Республика Армения, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Российская Федерация (до 2012 г. в этом государстве только супруги могли заключить договор суррогатного материнства)). В доктрине отношение к наделению одиноких мужчин и женщин правом на реализацию суррогатного материнства неоднозначно: одни

критикуют такой подход [17, с. 8; 58, с. 97], другие — поддерживают [9; 119]. Полагаем, что в данном случае следует учитывать, *во-первых*, принцип неприкосновенности личной жизни, *во-вторых*, независимость репродуктивных прав личности от семейного статуса.

Ученые-правоведы единогласны во мнении, что одна из сторон договора суррогатного материнства — суррогатная мать. Определение данного термина предлагается в правовой доктрине. Л. К. Айвар считает, что суррогатная мать — здоровая женщина, на основе договора после оплодотворения выносившая и родившая ребенка для другой семьи [2, с. 10]. Т. Н. Палькина определяет суррогатную мать как женщину, давшую согласие на имплантацию чужой оплодотворенной клетки с целью вынашивания и рождения ребенка с последующей передачей его биологическим родителям (лицам, предоставившим биологический материал) [92, с. 10].

В праве большинства государств — участников СНГ содержится определение «суррогатная мать» [таблица 2.3].

Таблица 2.3 — Понятие «суррогатная мать» в праве стран СНГ

Государства СНГ	Определение понятия «суррогатная мать»
Республика Армения	женщина, вынашивающая в своей матке донорский эмбрион, рожденный от которой ребенок не является носителем ее генотипа (пункт 8 статьи 2 Закона «О репродуктивном здоровье и репродуктивных правах человека»)
Кыргызская Республика	женщина, вынашивающая плод донорского эмбриона, перенесенного в полость ее матки (статья 1 Закона «О репродуктивных правах граждан и гарантиях их реализации»)
Республика Беларусь	женщина, которая по договору суррогатного материнства вынашивает и рождает ребенка, не являющегося носителем ее генотипа (статья 1 Закона Республики Беларусь «О вспомогательных репродуктивных технологиях»)

Таблица 2.3 — (Окончание)

Государства СНГ	Определение понятия «суррогатная мать»
Республика Казахстан	женщина, вынашивающая плод после применения вспомогательных репродуктивных методов и технологий и рожающая ребенка (детей) для заказчиков согласно договору суррогатного материнства (пункт 33 статьи 1 Кодекса «О браке (супружестве) и семье»)
Туркменистан	женщина, родившая ребенка в результате применения медицинского метода искусственного оплодотворения или имплантации эмбриона в целях его вынашивания (статья 1 Закона Туркменистана «О борьбе с торговлей людьми»)

В некоторых государствах возраст суррогатной матери законодательно ограничен. Причем, если границы максимального возраста в этих странах идентичны — 35 лет (Республика Армения, Кыргызская Республика, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Российская Федерация), минимальный возраст варьируется от 18 (Республика Армения, Украина) до 20 лет (Кыргызская Республика, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Российская Федерация).

Представляется оптимальным законодательное закрепление только нижнего возрастного предела для суррогатной матери. Возрастное ограничение участия 35-летней женщины в программе суррогатного материнства в качестве суррогатной матери является нецелесообразным и необоснованным. *Во-первых*, возраст женщины, когда она может родить здорового ребенка, индивидуален и, как правило, не ограничивается 35 годами. *Во-вторых*, в мировой практике встречаются случаи, когда мать вынашивает ребенка для своей дочери, не способной выносить и родить ребенка по медицинским показаниям. Например, в Южно-Африканской Республике мать выносила и родила трех внуков для своей бесплодной дочери, в штате Северная Каролина (США) женщина выносила и родила ребенка для семьи своей сестры по программе суррогатного материнства *sui generis* [58, с. 106].

В Российской Федерации в качестве требования, предъявляемого к суррогатной матери, служит наличие собственного здорового ребенка, в штате Нью-Гемпшир (США) — перенесенная беременность, завершившаяся успешными родами. Данные требования, на наш взгляд, не являются необходимыми, поскольку, во-первых, здоровье ребенка во многом обусловлено генетическими данными его родителей, а во-вторых, факт успешно перенесенной одной беременности не может быть гарантом того, что последующие беременности пройдут без осложнений. Однако условие о наличии у суррогатной матери собственного ребенка следует рассматривать положительно, т. к. с психологической точки зрения только женщина, имеющая ребенка, способна осознать, сможет ли она передать выношенного ребенка (даже генетически чужого) лицам, с которыми она заключила договор суррогатного материнства.

В доктрине высказывается мнение, что в случае, если суррогатная мать замужем, заключение договора суррогатного материнства возможно только при согласии ее супруга [17, с. 8]. В праве Республики Беларусь данное правило закреплено в части 1 статьи 21 Закона Республики Беларусь «О вспомогательных репродуктивных технологиях». Е. Г. Малиновская предлагает: лица, состоящие в браке, заключают договор суррогатного материнства с согласия своих супругов, если иное не оговорено в брачном договоре [55, с. 115]. К. А. Кириченко высказывает точку зрения, согласно которой женщина, выступая самостоятельным субъектом, без согласия супруга вправе решать вопросы об аборте и усыновлении, а следовательно, такой же подход должен быть сохранен при реализации суррогатного материнства [36, с. 43].

Думается, требование о согласии мужа суррогатной матери наиболее актуально для государств, в которых после рождения ребенка суррогатная мать имеет право не передавать его фактическим родителям. В таком случае муж суррогатной матери автоматически признается отцом ребенка (презумпция

отцовства мужа матери). Однако, учитывая тот факт, что, как правило, супруги проживают совместно, благополучное протекание беременности суррогатной матери зависит и от поведения ее супруга. Поэтому требование законодателя о необходимости согласия супруга суррогатной матери на осуществление программы суррогатного материнства по психологическим мотивам следует оценить положительно.

Законодатель всегда становится на сторону менее защищенной стороны. Определение слабой стороны договора суррогатного материнства основывается на порядке установления происхождения детей, рожденных суррогатной матерью. На наш взгляд, в государствах, где суррогатная мать должна после рождения ребенка дать согласие на запись лиц, заключивших с ней договор суррогатного материнства, родителями ребенка в актах гражданского состояния, слабой стороной являются данные лица, т. е. фактические родители ребенка (Азербайджанская Республика, Кыргызская Республика, Российская Федерация, Республика Узбекистан). Если законом предусматривается, что родителями ребенка, рожденного суррогатной матерью, признаются лица, заключившие с суррогатной матерью договор суррогатного материнства, слабая сторона договора — суррогатная мать (Республика Армения, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Украина).

Исходя из вышеизложенного, понятие договора суррогатного материнства можно сформулировать следующим образом: *«договор суррогатного материнства — соглашение, по которому одна сторона (суррогатная мать), давшая согласие на имплантацию эмбриона, оказывает услуги по вынашиванию и рождению ребенка другой стороне: фактическому(-им) родителю(-ям) или медицинскому центру, в котором осуществлялась имплантация эмбриона (репродуктологу), при наличии договора между фактическим(-и) родителем(-ями) и репродуктологом об оказании услуг по реализации суррогатного материнства»*.

Международный аспект настоящего исследования требует выработки дефиниции «*договор суррогатного материнства трансграничного характера* — соглашение, по которому одна сторона (суррогатная мать), давшая согласие на имплантацию эмбриона, оказывает услуги по вынашиванию и рождению ребенка другой стороне:

— фактическому(–им) родителю(–ям) *или*

— медицинскому центру, в котором осуществлялась имплантация эмбриона (репродуктологу), при наличии договора между фактическим(–и) родителем(–ями) и репродуктологом об оказании услуг по реализации суррогатного материнства, случае когда

- а) суррогатная мать — гражданка иностранного государства или лицо без гражданства, проживающее в иностранном государстве, *и (или)*
- б) фактические(–й) родители(–ь) — граждане(–ин/–ка) иностранного государства или лица(–о) без гражданства, проживающие(–ий/–ая) в иностранном государстве, *и (или)*
- в) договор суррогатного материнства заключен на территории иностранного государства, *и (или)*
- г) имплантация эмбриона осуществлялась на территории иностранного государства, *и (или)*
- д) ребенок рожден на территории иностранного государства».

При установлении момента начала действия договора суррогатного материнства следует обратить внимание на тот факт, что согласно п. 2.2 постановления Министерства здравоохранения Республики Беларусь «Об утверждении перечня медицинских показаний и противопоказаний к суррогатному материнству, порядок и объем медицинского обследования суррогатной матери, генетической матери и их супругов» медицинское обследование проводится только при наличии нотариально удостоверенного договора суррогатного материнства. В соответствии с частью 2 статьи 20 Закона Республики Беларусь «О вспомогательных репродуктивных технологиях»

услугой суррогатной матери может воспользоваться только женщина, для которой вынашивание и рождение ребенка по медицинским показаниям физиологически невозможны либо связаны с риском для ее жизни и (или) жизни ее ребенка. При удостоверении договора суррогатного материнства нотариус должен истребовать документ, подтверждающий наличие медицинских показаний к суррогатному материнству и отсутствие противопоказаний (при его наличии). Отсутствие у сторон указанного документа не является основанием для отказа в удостоверении договора суррогатного материнства, поскольку нотариус вправе удостоверить договор под отлагательным условием. Как справедливо отмечает Г. М. Иванникова, «такой договор будет существовать, не порождая никаких последствий, до момента получения вышеперечисленных заключений соответствующей организации (организаций) здравоохранения» [33, с. 18].

Отечественное и зарубежное законодательство предусматривает ряд существенных условий для договора суррогатного материнства. В Республике Беларусь они закреплены в статье 21 Закона Республики Беларусь «О вспомогательных репродуктивных технологиях» и имеют значительные отличия от тех, которые ранее содержались в уже утратившем силу постановлении Совета Министров 4 ноября 2006 г. № 1470 «О существенных условиях договора суррогатного материнства» [13].

В настоящее время существенными условиями договора суррогатного материнства согласно белорусскому праву являются:

- Оказание одной женщиной (суррогатной матерью) другой женщине (генетической матери или женщине, воспользовавшейся донорской яйцеклеткой) услуги по вынашиванию и рождению ребенка (детей), зачатого (зачатых) с участием яйцеклетки (яйцеклеток), изъятной (изъятых) из организма генетической матери, или донорской яйцеклетки (яйцеклеток).

- Количество эмбрионов, которые будут перенесены в матку суррогатной матери. При этом в статье 7 данного Закона

установлено, что в матку пациентки может быть перенесено не более двух эмбрионов, а в матку пациентки, достигшей 35 лет, а также пациентки независимо от возраста, в отношении которой применение вспомогательных репродуктивных технологий три и более раза не привело к наступлению беременности, — не более трех эмбрионов.

- Указание организации (организаций) здравоохранения, в которой (которых) будут происходить соединение сперматозоида (сперматозоидов) и яйцеклетки (яйцеклеток), изъятых (изъятых) из организма генетической матери, или донорской яйцеклетки (яйцеклеток), перенос данного эмбриона (эмбрионов) в матку суррогатной матери, наблюдение за течением ее беременности и роды.

Процедура ЭКО, будучи одной из стадий реализации суррогатного материнства, является платной и осуществляется в специализированных медицинских учреждениях. В Республике Беларусь услуги ЭКО оказывают четыре центра: три из них находятся в Минске — Республиканский научно-практический центр «Мать и дитя», центр вспомогательной репродукции «Эмбрио», центр репродуктивной медицины «Эко» и один в Гомеле — Гомельский областной диагностический медико-генетический центр с консультацией «Брак и семья». В 2010 г. Нобелевской премии был удостоен британский эмбриолог Р. Эдвардс, разработавший технологию ЭКО [172]. Примечательно, что с 2008 г. в нашем государстве выдаются кредиты на осуществление процедуры ЭКО [15]. Поскольку реализация суррогатного материнства — дорогостоящая программа, не бесперспективным может стать целевое кредитование, направленное на осуществление лицами, не обладающими естественной способностью к рождению детей, рассматриваемого вида вспомогательных репродуктивных технологий.

Указывая организацию здравоохранения, где будет проходить наблюдение за течением беременности и роды, сторонам договора суррогатного материнства следует учитывать

правило, закрепленное в части 3 статьи 14 Закона Республики Беларусь «О здравоохранении» [69]: в целях своевременного оказания медицинской помощи граждане Республики Беларусь закрепляются за государственными учреждениями здравоохранения по их месту жительства (месту пребывания), а при наличии ведомственных организаций здравоохранения — также и по месту работы (учебы, службы). Только при наличии договора с государственным учреждением здравоохранения роды суррогатной матери могут проходить в учреждении здравоохранения не по месту ее жительства (месту пребывания).

Отметим, что иностранцы, временно пребывающие или временно проживающие в Республике Беларусь, имеют право на доступное медицинское обслуживание на платной основе (статья 5 Закона Республики Беларусь «О здравоохранении»), они не прикреплены к конкретной организации здравоохранения и поэтому имеют возможность выбрать любое медицинское учреждение для осуществления вышеуказанных целей.

- Обязанность суррогатной матери выполнять все предписания лечащего врача и представлять генетической матери или женщине, воспользовавшейся донорской яйцеклеткой, и ее супругу информацию о состоянии своего здоровья и состоянии здоровья вынашиваемого ребенка (детей).

- Место проживания суррогатной матери в период вынашивания ребенка (детей).

Указанное условие, прежде всего, направлено на информирование фактических родителей о месте проживания суррогатной матери во время беременности. Представляется, в договоре следует предусмотреть обязанность суррогатной матери ставить в известность фактических родителей в случае, если ей необходимо покинуть закрепленное в договоре место жительства более чем на один день с указанием места отъезда и срока, в течение которого она будет отсутствовать. В случае нарушения данного условия в договоре можно предусмотреть штрафные санкции.

- Обязанность суррогатной матери передать генетической матери или женщине, воспользовавшейся донорской яйцеклеткой, ребенка (детей) после его (их) рождения и срок, в течение которого должна быть произведена указанная передача.

- Обязанность генетической матери или женщины, воспользовавшейся донорской яйцеклеткой, принять от суррогатной матери ребенка (детей) после его (их) рождения и срок, в течение которого должен быть принят ребенок (дети).

- Стоимость услуги, оказываемой суррогатной матерью по договору суррогатного материнства (за исключением случаев, когда договор суррогатного материнства заключен на безвозмездной основе). Договор суррогатного материнства может быть заключен на безвозмездной основе в случаях, когда суррогатная мать является родственницей генетической матери или женщины, воспользовавшейся донорской яйцеклеткой, либо родственницей супруга генетической матери или женщины, воспользовавшейся донорской яйцеклеткой.

При наступлении многоплодной беременности и рождении двух или более детей — достаточно распространенном явлении при осуществлении ЭКО — в договоре целесообразно предусмотреть увеличение стоимости оказываемой услуги.

Выплата фактическими родителями суррогатной матери единовременной компенсации целесообразна в случае искусственного прерывания беременности по медицинским показаниям, самопроизвольного аборта (выкидыша), а также рождения мертвого ребенка. Если искусственное прерывание беременности имеет место при отсутствии медицинских показаний или по медицинским показаниям, возникшим вследствие невыполнения суррогатной матерью предписаний врачей (что подтверждается медицинским заключением), суррогатная мать должна возместить фактическим родителям произведенные ранее расходы.

В случае наступления осложнений у суррогатной матери, связанных с имплантацией эмбриона, беременностью и родами,

фактические родители обязаны оплатить суррогатной матери необходимое лечение.

На наш взгляд, при заключении договора суррогатного материнства с участием иностранцев целесообразно включить в него следующие условия.

- Информированность сторон договора о согласии суррогатной матери, ее супруга, фактических родителей на реализацию суррогатного материнства, об увеличении риска рождения ребенка с пороками (дефекты центральной нервной системы, бесплодие), о законодательстве государств сторон программы суррогатного материнства и места имплантации эмбриона.

Отметим, что суррогатная мать должна предоставить согласие на проведение медицинского вмешательства, а медицинские работники, в свою очередь, предоставить ей объективную информацию о возможных последствиях такого вмешательства и рисках, связанных с ее индивидуальными особенностями. В национальном праве некоторых стран данный принцип закреплен законодательно. Например, согласно пункту 78 приказа Министерства здравоохранения Российской Федерации «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению» суррогатная мать должна дать письменное информированное согласие на медицинское вмешательство.

- Закрепление условий об ответственности сторон договора как, в первую очередь, мер, направленных на предотвращение нарушения обязанностей суррогатной матерью или фактическими родителями ребенка.

Штрафные санкции могут быть введены за отказ суррогатной матери передать ребенка фактическим родителям или отказ фактических родителей его принять; несвоевременную оплату фактическими родителями услуг, оказанных им суррогатной матерью.

Ответственность, в частности уменьшение размера вознаграждения, может наступить ввиду несоблюдения суррогатной

матерью предписаний врача (отказ от чрезмерной нагрузки, курение, употребление спиртных напитков, наркотических и психотропных веществ), но только если данные действия подтверждены медицинским заключением. Фактические родители могут требовать у суррогатной матери возмещения всех расходов на медицинское обслуживание, проживание и питание, понесенных в процессе беременности и родов в случае рождения ребенка с какой-либо патологией по вине суррогатной матери (подтверждается медицинским заключением).

Включение положений об ответственности в договор суррогатного материнства трансграничного характера целесообразно по причине удаленности сторон и отсутствия возможности осуществления непосредственного контроля.

- Указание особых оснований прекращения договора суррогатного материнства с участием иностранных граждан. К ним могут быть отнесены: искусственное прерывание беременности при отсутствии медицинских показаний и согласия фактических родителей; рождение ребенка, генетически связанного с суррогатной матерью, если согласно договору суррогатного материнства должен был использоваться генетический материал фактических родителей; неудачное проведение определенного (закрепленного в договоре) количества попыток экстракорпорального оплодотворения, в результате которых должна наступить беременность (при ненаступлении беременности суррогатной матери должна быть выплачена компенсация).

С целью минимизации шансов рождения ребенка, генетически связанного с суррогатной матерью, рекомендуется указать в договоре срок, в течение которого суррогатная мать обязуется не производить действий, связанных с зачатием ребенка естественным путем. При возникновении подозрений о происхождении ребенка следует провести тест ДНК. Если, например, для зачатия ребенка по договору суррогатного материнства использовался генетический материал фактических

родителей, а тест это исключает, расходы на проведение процедуры по установлению отцовства (материнства) должны быть возложены на суррогатную мать, а договор может быть расторгнут фактическими родителями в одностороннем порядке.

- Закрепление положений о страховании жизни суррогатной матери во время беременности, родов и послеродовый период. Данная практика широко распространена в зарубежных государствах (например, Украине, США). Присутствие иностранного элемента влечет предъявление особых требований к страхованию.

- Наличие визы для суррогатной матери или фактических(-ого) родителей(-я) на срок, необходимый для реализации суррогатного материнства, что будет свидетельствовать о правомерности нахождения указанных лиц на территории Республики Беларусь (исключение — безвизовый режим с государством).

- Указание юрисдикции и применимого права.

Примерный договора суррогатного материнства с участием иностранных граждан размещен в Приложении Б.

2.3. Установление происхождения детей при реализации суррогатного материнства

Стремительные изменения в обществе и науке, произошедшие в последние десятилетия, изменили представления человека о таком понятии, как «родители». Суррогатное материнство подвергло сомнению, казалось бы, незыблемый факт: мать ребенка является женщина, которая его родила.

В законодательстве зарубежных государств сложилось три подхода к вопросу установления происхождения детей от матери при реализации суррогатного материнства: презумпция материнства суррогатной матери, презумпция материнства генетической матери или женщины, воспользовавшейся донорской

яйцеклеткой, и презумпция материнства женщины, изъявившей намерение быть матерью ребенка. Несмотря на то, что в настоящее время в нашем государстве законодательно закреплена презумпция материнства генетической матери или женщины, воспользовавшейся донорской яйцеклеткой (часть 5 статьи 52 КоБС), согласно части 3 статьи 232 КоБС материнство и (или) отцовство, установленные вне пределов Республики Беларусь с соблюдением законодательства соответствующего государства, признаются действительными в Республике Беларусь. Исходя из этого, норма белорусского права об установлении материнства не является сверхимперативной. Представляется целесообразным рассмотреть существующие в мировой практике презумпции установления происхождения детей при реализации суррогатного материнства, поскольку все они будут признаваться в Беларуси, если материнство было установлено в зарубежном государстве в соответствии с его законом.

1. Презумпция материнства суррогатной матери.

Первоначально презумпция материнства суррогатной матери была закреплена в Принципах 1989 г. Сущность данного подхода, который применяется в ряде государств, среди которых Австралия, Азербайджанская Республика, Великобритания, Российская Федерация, Республика Узбекистан, некоторые штаты США (Вирджиния, Нью-Гемпшир), заключается в следующем: лица, давшие свое согласие на имплантацию эмбриона другой женщине в целях его вынашивания, могут быть записаны родителями ребенка только с согласия женщины, которая его родила, т. е. суррогатной матери.

Основанием регистрации рождения ребенка является, *во-первых*, заявление лиц, давших согласие на имплантацию эмбриона другой женщине в целях его вынашивания, *во-вторых*, согласие суррогатной матери на запись этих лиц родителями ребенка. В законодательстве зарубежных государств, как правило, четко не оговаривается, в течение какого срока женщина, выносившая ребенка, должна дать свое согласие (тем

не менее в штате Нью-Гемпшир суррогатная мать должна принять решение о записи в течение 72 часов после рождения ребенка, в штате Вирджиния — 25 дней [27, с. 63]). Если учесть тот факт, что заявление о рождении ребенка должно быть сделано не позднее определенного срока, установленного законом (например, в Российской Федерации не позднее чем через месяц со дня рождения ребенка (статья 16 Закона «Об актах гражданского состояния»)), согласие суррогатной матери должно быть дано в пределах этого периода. В некоторых государствах, в том числе Российской Федерации, факт рождения ребенка и согласие суррогатной матери должны быть подтверждены документом, выданным медицинской организацией. Вопрос относительно того, должна ли суррогатная мать дать свое согласие до выписки из роддома или она может впоследствии обратиться в медицинское учреждение за указанным документом, остается законодательно неурегулированным.

В отношении оспаривания отцовства и материнства действует правило: лица, давшие согласие на пересадку эмбриона другой женщине, а также женщина, родившая ребенка (суррогатная мать), не вправе при оспаривании отцовства (материнства) после совершения записи родителей в книге записей рождений ссылаться на эти обстоятельства (например, часть 2 пункта 3 статьи 52 СК Российской Федерации).

Представляется, презумпция материнства суррогатной матери порождает недоверие граждан к суррогатному материнству, поскольку у лиц, заключивших договор с суррогатной матерью, нет гарантии того, что им будет передан ребенок. Данные опасения усиливаются, когда фактическими родителями ребенка являются иностранцы, которым достаточно сложно защитить свои интересы в суде. Иная расовая принадлежность, современные возможности медицины, позволяющие определить генетическую связь между ребенком и родившей его женщиной, не будут приниматься во внимание при установлении происхождения ребенка, родившегося в результате реализации

суррогатного материнства в государстве, где закреплена презумпция материнства суррогатной матери. Такой подход законодателя критикуется в доктрине. А. В. Майфат полагает, что презумпция материнства суррогатной матери не отвечает интересам всех заинтересованных участников правоотношения, и прежде всего лиц, ожидающих ребенка [54, с. 24]. И. А. Михайлова поддерживает данную позицию и полагает, что отказ суррогатной матери дать согласие на регистрацию лиц, заключивших с ней договор суррогатного материнства, родителями ребенка, является злоупотреблением, влекущим моральный вред и имущественный ущерб генетическим родителям, а также нарушением прав и законных интересов новорожденного, поскольку законодатель допускает установление его юридической связи с суррогатной матерью, генетический материал которой не использовался при его зачатии [60, с. 76]. Вместе с тем в юридической доктрине существует и иная точка зрения. М. В. Антокольская считает, что такая позиция законодателя является удачным решением сложной моральной проблемы [3, с. 182–183]. Л. М. Пчелинцева отмечает, что между суррогатной матерью и вынашиваемым ей ребенком возникает особая биологическая и эмоциональная связь, которая появляется только после рождения ребенка [105, с. 284].

На наш взгляд, рассматриваемый подход установления происхождения ребенка, рожденного суррогатной матерью, порождает ряд проблем, в том числе и в международном частном праве.

Во-первых, лица, заключающие с суррогатной матерью договор суррогатного материнства, даже в том случае, если их генетический материал использовался при зачатии ребенка, могут быть не записаны родителями этого ребенка. Законодатель наделил суррогатную мать правом отказаться давать согласие на запись родителями указанных выше лиц. Причины таких действий могут быть разнообразны: возникновение материнских чувств (для фактических родителей, бесплодной пары, «утрата» долгожданного ребенка также является трагедией) или корыстные побуждения — желание повысить цену

за оказываемую услугу. Е. С. Митрякова приводит в качестве примера два реальных случая, когда суррогатная мать потребовала увеличения цены договора: в первой ситуации перед имплантацией эмбриона, во второй — после того, как подтвердился факт беременности [58, с. 124]. Встает вопрос: почему нравственные страдания лиц, лишенных естественной способности к рождению детей, считаются законодателем менее социально значимыми, чем осознанное решение женщины, обладающей детородной функцией и способной иметь «генетически своих» детей, выносить ребенка для других лиц, учитывая тот факт, что эмбрион образован из генетического материала последних [59, с. 18]. Как справедливо отмечает А. А. Пестрикова, правовые вопросы суррогатного материнства должны быть решены в момент вступления субъектов в данные правоотношения, а не в момент получения результатов их совместных усилий [96, с. 129]. Наделение суррогатной матери правом выбора — оставить ребенка или передать его бесплодной паре — изначально провоцирует нестабильность ситуации.

Во-вторых, вследствие смерти лиц, заключивших с суррогатной матерью договор суррогатного материнства, ребенок может остаться сиротой. Суррогатная мать, намеревавшаяся передать после рождения ребенка его фактическим родителям, может не захотеть воспитывать генетически чужого ребенка. При этом у него могут быть родственники по линии фактических родителей, которые могли бы оформить опеку, если бы суррогатная мать успела дать согласие на запись лиц, заключивших с ней договор, родителями.

В-третьих, в случае смерти суррогатной матери до того момента, когда она выразит согласие на запись лиц, с которыми был заключен договор суррогатного материнства, родителями ребенка, возникает вопрос о наследовании рожденным ребенком имущества суррогатной матери. В рассматриваемом случае фактические родители лишаются права быть записанными родителями рожденного ребенка, а также расширяется

круг наследников суррогатной матери (несовершеннолетний ребенок имеет обязательную долю в наследстве даже при наличии завещания). Участие в правоотношениях суррогатной матери, гражданки иностранного государства и / или постоянно проживающей на территории иностранного государства, влечет применение к наследственным отношениям иностранного права, поскольку одной из основных привязок в сфере наследования является право государства, где наследодатель имел последнее место жительства, а в отношении имущества — право государства места нахождения имущества (например, часть 1 статьи 1224 ГК Российской Федерации [24]).

В некоторых штатах США судебная практика изменила концептуальный подход к вопросу установления происхождения детей при реализации суррогатного материнства. Согласно законодательству штата Огайо (по состоянию на 1994 г.) мать ребенка — женщина, которая его родила.

В 1994 г. в штате Огайо в суде по гражданским делам (Court of Common Pleas) рассматривалось дело «Белсито против Кларк» (*Belsito v. Clark*) [148], суть которого заключалась в следующем. Между бесплодной супружеской парой (Антони и Шелли Белсито) и суррогатной матерью Кэрол Кларк (младшей сестрой Шелли Белсито), был заключен договор суррогатного материнства. При зачатии использовался генетический материал обоих супругов. После рождения ребенка генетической матери было отказано в том, чтобы она была записана матерью ребенка в его свидетельстве о рождении (по праву штата основанием возникновения правоотношений между матерью и ребенком является факт рождения или усыновления). Более того, поскольку генетический отец и суррогатная мать не состояли в браке, ребенок считался незаконнорожденным, и ему присваивалась фамилия суррогатной матери.

Супруги Белсито обратились в суд с требованием быть признанными родителями ребенка, рожденного суррогатной матерью, без процедуры усыновления, на основании генетической

связи между ними и ребенком. Суд удовлетворил ходатайство 27 сентября 1994 г.

Таким образом, судебная практика штата Огайо определила, что при установлении происхождения ребенка превалирующим является генетическая связь, а не факт рождения.

II. Презумпция материнства генетической матери.

Презумпция материнства генетической матери ребенка, рожденного суррогатной матерью, закреплена в праве таких государств, как Республика Армения, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Украина. В отечественной правовой доктрине отмечается, что данный подход является разумным и обоснованным, поскольку обеспечивает прогнозируемость и стабильность правоотношений при реализации суррогатного материнства [106; 122, с. 105].

Согласно части 1 статьи 52 КоБС супруг, давший в установленном порядке согласие на применение вспомогательных репродуктивных технологий в отношении своей супруги, признается отцом рожденного ею ребенка и не вправе оспаривать свое отцовство, за исключением случая, когда имеются доказательства, что супруга забеременела не в результате применения вспомогательных репродуктивных технологий.

С целью констатации успешно проведенной программы суррогатного материнства и подтверждения генетической связи ребенка с одним или обоими фактическими родителями предлагаем наделить репродуктолога полномочиями по удостоверению происхождения ребенка от фактического(-их) родителя(-ей) с последующей выдачей справки, удостоверяющей факт рождения ребенка от фактических родителей. Данное новшество особенно актуально при реализации программ суррогатного материнства трансграничного характера, поскольку предоставит иностранцам дополнительные гарантии, подтверждающие их генетическую связь с ребенком, рожденным суррогатной матерью, и упростит для них совершение административных процедур в иностранном государстве.

Например, в Беларуси в 2014–2015 гг. «главным следственным управлением Следственного комитета Беларуси проводилось расследование беспрецедентного уголовного дела в сфере нарушения законодательства о вспомогательных репродуктивных технологиях. В результате женщины (по договору — суррогатные матери) передавали новорожденных детей, по отношению к которым приходились генетическими матерями, женщинам, которые по отношению к ребенку таковыми не являлись. Вышеуказанным способом в семье было передано трое новорожденных. После полного и всестороннего установления всех обстоятельств противоправной деятельности следствие завершилось. Ввиду акта амнистии было принято решение о прекращении уголовного дела по нереабилитирующим основаниям. В процессе расследования было установлено, что действующее законодательство не в полном объеме позволяет эффективно контролировать процесс осуществления суррогатного материнства в Беларуси. В связи с этим Следственным комитетом проанализированы полученные данные и законодательство в данной сфере, подготовлены предложения, которые направлены в правительство» [26].

III. Презумпция материнства женщины, изъявившей намерение быть матерью ребенка, рожденного суррогатной матерью.

Согласно данному подходу, матерью ребенка является женщина, которая намерена его воспитывать [175, р. 833]. Как отмечает О. Ю. Худякова, «легализация суррогатного материнства привела к тому, что биологическое родство и факт рождения ребенка женщиной не является универсальным критерием при установлении родительских прав, приоритетным становится намерение другой женщины стать матерью ребенка, закрепленное в соглашении о суррогатном материнстве» [140, с. 102]. Интенциональную теорию также поддерживают Р. Сторроу [196] и А. Чаро [154, р. 105].

Данная теория установления родительских прав используется в американской правоприменительной практике. Примером

может послужить дело супругов Бузанка (*In re the Marriage of Buzzanca*), рассмотренное в 1998 г. в Верховном суде штата Калифорния [173].

Супруги заключили договор суррогатного материнства, по условиям которого суррогатной матери был имплантирован эмбрион, зачатый из генетического материала донора-женщины и донора-мужчины. Во время беременности суррогатной матери (за шесть дней до рождения ребенка) Дж. Бузанка подал заявление в суд о расторжении брака, ссылаясь на отсутствие детей (30 марта 1995 г.). Л. Бузанка 20 апреля 1995 г. уведомила суд, что они с супругом ждут ребенка по программе суррогатного материнства. В сентябре 1996 г. она представила в суд ходатайство о признании ее матерью рожденного суррогатной матерью ребенка. Суд первой инстанции вынес решение, что у ребенка отсутствуют родители, поскольку ни суррогатная мать, ни бывшие супруги Бузанка, не имеют с ним генетической связи.

В 1998 г. Верховный суд Калифорнии постановил, что супруги Бузанка — законные родители, т. к. ребенок не был бы рожден, если бы не заключенный ими договор суррогатного материнства.

Таким образом, презумпция установления материнства женщины, изъявившей намерение быть матерью ребенка, рожденного суррогатной матерью, имеет особую актуальность в случае, когда используется донорская яйцеклетка [11, с. 74].

Основные выводы настоящей главы заключаются в следующем:

1. Изучение правовой природы договора суррогатного материнства позволяет применить к нему термин «межотраслевой договор». Договор суррогатного материнства регулируется нормами гражданского права применительно к имущественным отношениям и нормами семейного права — к неимущественным отношениям.

2. Отсутствие в отечественной доктрине и национальном законодательстве понятия «договор суррогатного материнства» влечет необходимость разработки данного определения

с целью обозначения его предмета и круга лиц, которые могут выступать его сторонами. Международный аспект настоящего исследования, а также правоприменительная практика зарубежных государств свидетельствуют о необходимости разработки дефиниции «договор суррогатного материнства трансграничного характера».

3. Участие в правоотношениях иностранного элемента обуславливает специфику договора суррогатного материнства с участием иностранных граждан, которая требует учета в договоре таких условий, как информированность сторон договора; ответственность сторон договора; особые основания прекращения договора; положения о страховании жизни суррогатной матери во время беременности, родов и послеродовый период; наличие визы для суррогатной матери или фактических(-ого) родителей(-я) на срок, необходимый для реализации суррогатного материнства (исключение — безвизовый режим с государством); юрисдикция и применимое право.

4. Анализ ч. 3 ст. 232 КоБС позволяет сделать вывод о признании в Республике Беларусь существующих в мировой практике презумпций установления происхождения детей при реализации суррогатного материнства, если материнство (отцовство) было установлено в зарубежном государстве в соответствии с его законом.

ГЛАВА 3

КОЛЛИЗИОННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В ОБЛАСТИ СУРРОГАТНОГО МАТЕРИНСТВА

3.1. Коллизионные привязки в сфере суррогатного материнства

Наличие иностранного элемента в отношениях суррогатного материнства влечет объективную необходимость их регламентации в международном частном праве. С одной стороны, имеет место коллизионное регулирование непосредственных отношений суррогатного материнства (установление происхождения детей, договорные обязательства), с другой — отношений, связанных с суррогатным материнством (права и обязанности родителей и детей, наследственные отношения). Специфика суррогатного материнства требует применения к правоотношениям гибких формул прикрепления, а также разработки ранее неизвестных коллизионных привязок.

Отечественное право в отличие от иностранного содержит жесткие и односторонние коллизионные нормы в сфере брачно-семейных отношений, что не соответствует прогрессивным тенденциям развития международного частного права. В доктрине отмечается, что применение гибких коллизионных формул прикрепления в области брачно-семейных отношений является «не только целесообразным, но и необходимым с точки зрения всесторонности и адекватности правового регулирования» [137, с. 115]. Закон наиболее тесной связи, отсылка

к праву государства, наиболее благоприятному для сторон, все чаще закрепляются в новейшем национальном праве зарубежных государств для регламентации брачно-семейных отношений (например, в законах о международном частном праве Эстонии [183] (часть 4 параграфа 57), Украины [70] (часть 1 статьи 60) и др.). Посредством двусторонних коллизионных привязок, в которых не содержится указаний на применение права конкретного государства, реализуется «принцип достижения справедливого разрешения спора, даже если такие нормы ведут к применению иностранного права» [35, с. 91], поскольку при выборе компетентного правопорядка учитывается непосредственная «связь отношения с правом, регулирующим данное правоотношение» [136, с. 126].

Представляется, коллизионное регулирование непосредственных отношений суррогатного материнства должно учитывать современные подходы дифференциации и усложнения коллизионных норм, а также тенденцию перехода от жесткого к гибкому правовому регулированию брачно-семейных отношений.

Коллизионное регулирование установления происхождения детей.

В мировой практике существует несколько подходов к определению применимого права к правоотношениям по установлению происхождения детей, среди которых целесообразно выделить следующие:

- *право государства, гражданином которого является ребенок по рождению* (статья 152 СК Азербайджанской Республики, статья 276 КоБС Республики Казахстан, статья 169 СК Кыргызской Республики, статья 162 СК Российской Федерации, статья 173 СК Республики Таджикистан [127], статья 83(1) Кодекса Болгарии о международном гражданском праве [152], статья 33 Закона о реформе итальянской системы международного частного права [195], статья 31 Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 22 января 1993 г. [43] (далее — Минская

конвенция). Указание на момент рождения предотвращает изменение применимого права, если впоследствии гражданство ребенка будет иным. В данном случае ситуация является более стабильной и прогнозируемой, но может не всегда отвечать интересам ребенка.

В Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 7 октября 2002 г. [44] (далее — Кишиневская конвенция), например, используется симбиоз указанных выше формул прикрепления: генеральная — право государства, гражданином которого является ребенок, субсидиарная — право государства, гражданином которого является ребенок по рождению (при невозможности определения его принадлежности к гражданству).

Представляется, право государства, гражданином которого является ребенок, имеет существенный недостаток: открытым остается вопрос, право какого государства будет применяться, если речь идет о лицах без гражданства или беженцах;

- *личный закон ребенка на момент его рождения* (статья 65 Закона Украины «О международном частном праве»). По сравнению с указанной выше коллизионной привязкой личный закон представляет собой более широкую формулу прикрепления, поскольку он может быть выражен в виде закона гражданства, закона домицилия, права государства, предоставившего убежище или права государства, с которым лицо наиболее тесно связано (в зависимости от личного статуса лица);

- *право государства местожительства ребенка* (статья 24 Закона Венесуэлы «О международном частном праве»). Более развернутая формула прикрепления нашла отражение в статье 68 Федерального закона Швейцарии о международном частном праве, — *право государства обычного места жительства ребенка*, а в случае, если ни отец, ни мать не домицилированы в государстве постоянного места жительства ребенка или если ребенок и его родители являются гражданами одного

государства — право государства их общего гражданства. Модификация коллизионной привязки — право государства места жительства ребенка в момент рождения или право государства постоянного места жительства одного из родителей (параграф 62 Закона Эстонии «О международном частном праве»);

- в зависимости от того, что является более благоприятным для ребенка, может применяться право государства постоянного места жительства или гражданства ребенка либо одного из его родителей (статья 3091 ГК Квебека [156]); право государства гражданства ребенка или его постоянного места жительства в момент установления происхождения, или право, применимое к личным отношениям между родителями в момент рождения ребенка (статья 83 (2) Кодекса Болгарии «О международном гражданском праве»);

- личный закон матери ребенка на момент его рождения. В случае если мать неизвестна — личный закон ребенка (статья 311–14 ГК Франции);

- право государства гражданства лица, которое истребует установление или оспаривание отцовства или материнства, на момент рождения ребенка или в момент добровольного признания отцовства или материнства. Если указанное право не предусматривает положений о наличии добровольного согласия лица, которое намеревается установить отцовство или материнство, о требованиях к согласию ребенка, а также к способу его выражения, то применяется право государства, на территории которого лицо имеет постоянное место жительства в момент добровольного признания. В случае установления родства с лицами одного пола, кроме указанных выше формул прикрепления, может использоваться право наиболее тесной связи (статья 62 Кодекса Бельгии «О международном частном праве» [158]). В. Л. Толстых считает, что наиболее правильно — подчинять правоотношения по установлению родительских прав закону гражданства или domicilia лица,

чьё отцовство устанавливается. Аргументом вышесказанного выступает то, что «свои отцовские обязанности это лицо будет надлежащим образом исполнять в том случае, если отцовство будет признано по его личному закону и будет обеспечено процессуальными мерами в государстве его гражданства или domicilio» [133, с. 470–471]. На наш взгляд, данная формула прикреплённости учитывает лишь интересы отца ребенка, оставляя без внимания интересы ребенка и его матери;

- в Республике Армения (статья 147 СК), Республике Беларусь (часть 1 статьи 232 КоБС), Республике Молдова (статья 159 СК [126]), Туркменистане (статья 201 СК [130]) установление и оспаривание отцовства (материнства) на территории государства *производится в соответствии с законодательством этого государства*. Данный подход является устаревшим и требует корректировки. Лишь немногие государства используют одностороннюю коллизионную норму для регулирования рассматриваемых отношений.

Выходом из ситуации, например, является норма, закреплённая в части 3 статьи 232 КоБС, согласно которой материнство (отцовство), установленные в иностранном государстве с соблюдением законодательства этого государства, признаются действительными на территории отечественного государства. Таким образом, данная норма позволяет принимать во внимание право иностранного государства, где имело место установление материнства (отцовства).

В законодательстве некоторых зарубежных государств, а также нормах ряда международных актов до сих пор сохранились различные коллизионные привязки к установлению происхождения детей, рожденных в браке и вне брака.

Для установления происхождения ребенка, рожденного в браке, может применяться закон гражданства одного из супругов. При этом закон гражданства супруга также должен приниматься во внимание, если он умер до момента рождения ребенка (статья 28 Акта Японии об общих правилах применимого

права [202]). Право государства, гражданами которого являются оба супруга или в последнее время брака являлись, если один из них все еще является гражданином этого государства; право государства, в котором оба супруга имеют постоянное место жительства или в последнее время брака имели, если один из них все еще имеет там постоянное место жительства; право государства, с которым оба супруга вместе наиболее тесно связаны другим образом (статья 19 Вводного закона к Германскому гражданскому уложению [20]).

Если *ребенок рожден вне брака*, к рассматриваемым отношениям применяется *право государства гражданства отца в момент рождения ребенка* в отношении установления отцовства и *право государства гражданства матери в момент рождения ребенка* — для установления материнства. В тех случаях, когда установление происхождения ребенка происходит путем процедуры признания, применяется *право государства гражданства ребенка или лица, требующего признания, в момент признания* (статья 29 Акта Японии об общих правилах применимого права). *Право государства гражданства матери ребенка при его рождении* устанавливается статьей 20 Вводного закона к Германскому гражданскому уложению.

Таким образом, в законодательстве зарубежных государств к установлению происхождения детей применяются различные подходы.

Представляется, что оптимальной формулой прикрепления для данного вида отношений является личный закон ребенка. Функции защиты слабой стороны или третьих лиц в правоотношении могут быть реализованы государством, где имеет место установление (оспаривание) отцовства (материнства) посредством вероятного закрепления в законодательстве свехимперативных норм. Однако для установления происхождения ребенка, рожденного суррогатной матерью, представляется целесообразным законодательное закрепление *права государства*,

где была осуществлена имплантация эмбриона, поскольку именно данная процедура является первым этапом реализации рассматриваемого вида вспомогательных репродуктивных технологий. *Во-первых*, право этого государства будет положительно относиться к реализации суррогатного материнства, *во-вторых*, в большинстве случаев право государства места имплантации эмбриона совпадает с правом государства места рождения ребенка, *в-третьих*, такой подход будет способствовать снижению риска возникновения хромающих отношений.

В правоприменительной практике некоторых стран, в частности США, имели место случаи закрепления в договоре суррогатного материнства применимого права к установлению происхождения детей, рожденных суррогатной матерью [180, р. 176].

В 2004 г. в суде штата Массачусетс (США) по наследственным и семейным делам (Probate and Family court) было рассмотрено дело «Ричард Ходас и другие против Кимберли Морин и другие» (Richard I. Hodas & another vs. Kimberly Morin & others) [194]. Истцы (супружеская пара, постоянно проживающая в штате Коннектикут (США), где суррогатное материнство законодательно не урегулировано) просили суд признать их родителями ребенка, который должен быть рожден суррогатной матерью (постоянно проживающей в Нью-Йорке, где суррогатное материнство противоречит публичному порядку), по праву штата Массачусетс — праву места рождения ребенка — избранному в договоре суррогатного материнства.

Суд признал право штата Массачусетс применимым как право, имеющее существенное значение для правоотношений (право штата места рождения ребенка и осуществления пренатальной медицинской помощи).

Отметим, что в настоящее время в национальном праве государств отсутствует специальное коллизионное регулирование установления происхождения детей, рожденных суррогатной матерью, что порождает проблемы в правоприменительной

практике. Иллюстрацией может послужить дело, рассмотренное в Великобритании.

В Королевском суде правосудия (Royal Court of Justice) 9 декабря 2008 г. было вынесено решение по делу № FD08P01466 X & Y (Суррогатное материнство с иностранным элементом) [189]. Суть дела состояла в следующем. Бесплодная супружеская пара из Великобритании выехала на территорию Украины с целью реализации программы суррогатного материнства. С суррогатной матерью — гражданкой Украины — был заключен договор суррогатного материнства. В случае успешного осуществления указанного вида вспомогательных репродуктивных технологий английская супружеская пара обязалась выплатить суррогатной матери 27 000 евро (23 000 фунтов стерлингов). Суррогатной матери были имплантированы эмбрионы, зачатые из генетического материала женщины-донора и мужчины-англичанина из супружеской пары. После рождения суррогатной матерью близнецов возник ряд проблем, которые стали основанием для рассмотрения дела в суде.

Во-первых, в соответствии со статьей 27 (1) Закона Великобритании 1990 г. «Об искусственном оплодотворении человека и дальнейшем развитии эмбриологии», действовавшем на момент вынесения решения суда, матерью ребенка является женщина, которая его выносила (даже в случае искусственного оплодотворения, имплантации эмбриона). В данном случае гражданка Украины — законная мать близнецов. Согласно статье 28 (2) (4) указанного закона отцом ребенка является супруг женщины, которая выносила ребенка (даже в случае искусственного оплодотворения, имплантации эмбриона), если только не будет доказано, что он не давал согласие на искусственное оплодотворение или имплантацию эмбриона. Кроме этого, в Великобритании разрешена оплата только текущих расходов суррогатной матери (статья 30 (7) Закона Великобритании 1990 г.).

В соответствии с нормами СК Украины в случае переноса другой женщине эмбриона, зачатого в результате использования

вспомогательных репродуктивных технологий из генетических материалов супругов, родителями ребенка являются супруги (ч. 2 ст. 123). *Родителями ребенка признаются супруги даже в том случае, если эмбрион был зачат с использованием генетического материала мужчины из супружеской пары и женщины-донора* (часть 3 статьи 123). Следовательно, согласно украинскому законодательству родителями рожденных суррогатной матерью близнецов являются супруги из Великобритании.

Очевидна в данном случае коллизия между правом Великобритании и Украины в вопросе установления происхождения детей, рожденных суррогатной матерью.

Во-вторых, английская супружеская пара не могла въехать на территорию Великобритании с детьми, рожденными суррогатной матерью, поскольку согласно праву страны своего гражданства супруги не являлись родителями близнецов.

В-третьих, у близнецов, рожденных суррогатной матерью, не было ни украинского гражданства, ни английского подданства ввиду отсутствия основания для его приобретения.

Решение суда было вынесено в пользу супружеской пары из Великобритании. Отцом ребенка был признан мужчина-англичанин на основании проведенного теста ДНК. После этого супругам было разрешено в виде исключения (учитывая интересы детей) въехать на территорию Великобритании с близнецами, которым было предоставлено британское подданство. Суд также признал сумму, которая была выплачена английской парой украинской суррогатной матери, допустимой в соответствии с правом Великобритании.

Рассмотренная выше проблема не возникла бы в случае наличия в законодательстве Великобритании специальной коллизионной нормы, регулирующей установление происхождения детей, рожденных суррогатной матерью. В частности, предложенная нами формула прикрепления «право государства места имплантации эмбриона» сразу бы решила вопрос

об установлении материнства (отцовства) в пользу супружеской пары из Великобритании.

Однако, несмотря на то, что согласно применимому праву будет установлено происхождение ребенка от его фактических родителей, краеугольным камнем может стать признание такого родства в государстве гражданства фактических родителей. Это подтверждает необходимость того, чтобы фактической матери выдавалась справка медицинского учреждения о рождении ребенка. При осуществлении процедуры легализации документов или признании уже установленного в иностранном государстве родства фактических родителей и ребенка, рожденного суррогатной матерью, упоминание в пакете документов, предоставляемом в компетентные органы иностранного государства, договора суррогатного материнства может поднять проблему публичного порядка.

Исходя из вышеизложенного, предлагаем внести изменения в статью 232 КоБС посредством изменения коллизионной привязки, закрепленной в части 1, и дополнения статьи 232 КоБС частью 2 (при этом настоящие часть 2 и часть 3 должны стать соответственно частью 3 и частью 4):

«Установление материнства и (или) отцовства в Республике Беларусь производится согласно личному закону ребенка.

Установление материнства и (или) отцовства при реализации суррогатного материнства производится по праву страны места имплантации эмбриона».

Коллизионное регулирование договорных отношений.

В настоящее время ни на национальном, ни на международном уровне не существует специальных коллизионных привязок, регулирующих договорные отношения в сфере суррогатного материнства.

В белорусском праве коллизионное регулирование договорных отношений осуществляется в соответствии со статьей 1124 и статьей 1125 ГК Республики Беларусь. В ГК Республики Беларусь закреплен приоритет принципа автономии воли

сторон в договорных отношениях (часть 2 статьи 1093 и статья 1124). Стороны могут избрать применимое право к договору, если это не противоречит законодательству. В основе отечественного договорного права лежит теория «неограниченной», или «абсолютной», автономии воли сторон, которая позволяет участникам правоотношения выбрать любое право, применимое к договорным обязательствам. Для сравнения, в ряде стран принцип автономии воли сторон ограничен правом государства, с которым правоотношение имеет связь (теория «ограниченной» автономии воли сторон) [35, с. 94].

В силу того, что белорусское законодательство о браке и семье не имеет специального коллизионного регулирования отношений суррогатного материнства, а также на основании части 5 пункта 1 статьи 1 ГК Республики Беларусь можно сделать вывод, что к договорным обязательствам межотраслевого характера в сфере суррогатного материнства с участием иностранного элемента могут применяться общие коллизионные нормы, регулирующие договорные отношения.

Между тем, поскольку отношения суррогатного материнства регулируются законодательством о браке и семье, представляется целесообразным разработать и внести коллизионные нормы, регламентирующие данные правоотношения, непосредственно в КоБС.

В доктрине международного частного права допускается распространение автономии воли сторон на семейные правоотношения [4, с. 176; 52, с. 288; 56, с. 52; 100, с. 8–9]. Законодательной практикой Республики Беларусь этот подход не был воспринят: брачно-семейные отношения регулируются императивными, преимущественно односторонними, коллизионными нормами. На наш взгляд, применительно к договору суррогатного материнства в силу сложности и новизны рассматриваемого вида вспомогательных репродуктивных технологий, большой вероятности наличия свержимперативных норм в праве государств, с которыми отношения суррогатного

материнства имеют тесную связь, следует ввести ограничение автономии воли сторон. При этом автономия воли в договоре суррогатного материнства должна быть явной во избежание расширительного толкования средств ее выражения. Целесообразно предоставить суррогатной матери и фактическим родителям право выбора из нескольких альтернативных привязок, имеющих тесную связь с правоотношением: (а) право государства постоянного места жительства суррогатной матери, или (б) право государства постоянного места жительства фактических родителей, или (в) право государства места рождения ребенка, или (г) право государства места имплантации эмбриона. Все более широкое применение альтернативных коллизионных норм представляет собой современную тенденцию развития международного частного права и позволяет учитывать фактические обстоятельства в разных ситуациях.

Несмотря на то, что в отечественном коллизионном законодательстве в вопросах личного статуса лица чаще всего используется формула прикрепления «право государства гражданства лица», к правоотношениям суррогатного материнства представляется целесообразным применять именно *право государства постоянного места жительства лица*. Если формула прикрепления будет основываться на гражданстве участников правоотношения, то лица без гражданства автоматически будут лишены возможности в них участвовать, что противоречит части 2 статьи 228 КоБС.

Возможность выбора в качестве права, подлежащего применению, права государства постоянного места жительства суррогатной матери обусловлена несколькими факторами. Во-первых, в большинстве случаев иностранцы — фактические родители ребенка, выезжают в иностранное государство (страну постоянного места жительства суррогатной матери) для реализации программы суррогатного материнства, о чем свидетельствует иностранная правоприменительная практика. Во-вторых, право государства постоянного места жительства

суррогатной матери разрешает на законодательном уровне суррогатное материнство (в случае обратного нет смысла выезжать в государство, где данный вид вспомогательных репродуктивных технологий запрещен). *В-третьих*, если в данного рода правоотношениях уместно применение терминологии договорного права, суррогатная мать является стороной, которая осуществляет исполнение, имеющее решающее значение для содержания договора, — вынашивание и рождение ребенка.

Возможность выбора права государства постоянного места жительства фактических родителей, на наш взгляд, также должна быть предоставлена сторонам правоотношения. *Во-первых*, фактические родители ребенка могут выехать за границу для реализации суррогатного материнства с единственной целью: в будущем минимизировать риск встречи суррогатной матери с рожденным ею ребенком, что является в большей степени психологическим, нежели юридическим аспектом, который, на наш взгляд, также следует учитывать [10, с. 109]. *Во-вторых*, право государства постоянного места жительства фактических родителей может содержать более благоприятные условия в сфере правового регулирования суррогатного материнства, а в совокупности с рассмотренным выше психологическим аспектом данная коллизийная привязка может иметь преимущество перед формулой прикрепления «право государства постоянного места жительства суррогатной матери».

Право государства места рождения ребенка также может быть выбрано сторонами правоотношения суррогатного материнства, осложненного иностранным элементом, поскольку есть большая вероятность существования сверхимперативных норм в отношении суррогатного материнства в праве государства места рождения ребенка.

Применение *права государства места имплантации эмбриона* обусловлено тем, что оно положительно относится к установлению происхождения ребенка посредством осуществления суррогатного материнства и в большинстве случаев

совпадает с правом государства места рождения ребенка. Кроме этого, имплантация эмбриона является первым этапом реализации суррогатного материнства.

Представляется, что основной субсидиарной формулой прикрепления при отсутствии выбора сторонами применимого права к договору суррогатного материнства, осложненного иностранным элементом, должна быть привязка к праву государства места имплантации эмбриона.

Таким образом, представляется возможным дополнить Раздел VI КоБС статьей 232¹ следующего содержания:

«Статья 232¹. Право, подлежащее применению к договору суррогатного материнства

Стороны договора суррогатного материнства могут при заключении договора избрать по соглашению между собой

- а) право страны постоянного места жительства суррогатной матери, *или*
- б) право страны постоянного места жительства фактических родителей, *или*
- в) право страны места рождения ребенка, *или*
- г) право страны места имплантации эмбриона.

Соглашение сторон о выборе подлежащего применению права должно быть явно выражено в договоре суррогатного материнства.

Стороны договора могут избрать подлежащее применению право как для договора в целом, так и для отдельных его частей.

При отсутствии соглашения сторон договора суррогатного материнства о подлежащем применению праве к этому договору применяется право страны места имплантации эмбриона».

Ввиду того что источниками международного частного права в Республике Беларусь являются различные отраслевые кодексы, следует ввести в КоБС норму, регуливающую сферу действия права, применимого к договорным отношениям в брачно-семейной сфере (брачный договор, договор суррогатного материнства, соглашение о детях и т. д.). Предлагаем

включить в нее по аналогии со статьей 1127 ГК Республики Беларусь, в частности, толкование договора; права и обязанности сторон; исполнение договора; последствия неисполнения или ненадлежащего исполнения договора; прекращение договора; последствия недействительности договора.

Как уже отмечалось, анализ региональных источников правового регулирования в рамках СНГ (Минской и Кишиневской конвенций) и ЕС (Регламента Европейского парламента и Совета ЕС № 593/2008 о праве, подлежащем применению к договорным обязательствам (далее — Регламент Рим I [193]), позволяет сделать вывод об отсутствии специального коллизионного регулирования правоотношений суррогатного материнства.

Следует подчеркнуть, что международные договоры по коллизионным вопросам, принятые в рамках СНГ, содержат устаревшие принципы коллизионного регулирования (например, права и обязанности сторон по сделке определяются по законодательству государства, на территории которого она совершается).

На наш взгляд, необходимо разработать региональный документ, регламентирующий правовое регулирование брачно-семейных отношений, включая суррогатное материнство. Назрела необходимость принятия в рамках СНГ Конвенции о праве, подлежащем применению к брачно-семейным отношениям [5; Приложение В], при разработке которой должен учитываться опыт других региональных объединений (например, Регламент Европейского парламента и Совета ЕС № 1259/2010 о сотрудничестве в области выбора применимого права к расторжению брака и сепарации [162]). Целесообразно включить в Конвенцию о праве, подлежащем применению к брачно-семейным отношениям, коллизионное регулирование по таким вопросам, как заключение брака; брачный договор; расторжение брака; признание брака недействительным; отношения супругов; отношения между родителями и детьми; установление и оспаривание отцовства (материнства); суррогатное

материнство; усыновление; опека и попечительство. Кроме этого, в рамках данного соглашения следует разработать положения, регулирующие ограничение коллизионного метода регулирования. Разработка Конвенции о праве, подлежащем применению к брачно-семейным отношениям, позволит отказать от устаревших коллизионных привязок и применять на практике не только современные (право наиболее тесной связи; право, наиболее благоприятное для сторон), но и новые (право государства постоянного места жительства суррогатной матери, право государства места имплантации эмбриона) формулы прикрепления.

Коллизионное регулирование отношений, связанных с суррогатным материнством: прав и обязанностей родителей и детей, наследственного статута.

В мировой практике к правоотношениям между родителями и детьми применяются следующие формулы прикрепления: право государства совместного гражданства или места жительства родителей и детей; личный закон ребенка (закон гражданства или закон постоянного места жительства); право тесной связи с соответствующими отношениями, в случае если оно более благоприятно для ребенка. Основные коллизионные привязки в области алиментных обязательств совершеннолетних детей в пользу родителей: общий личный закон родителей и детей (может быть также представлен как право государства совместного гражданства или места жительства родителей и детей); право государства, гражданином которого является лицо, претендующее на получение алиментов.

В белорусском праве отсутствует специальное коллизионное регулирование правоотношений родителей и детей, включая алиментные обязательства. Представляется целесообразным к указанным правоотношениям установить в КоБС следующие подходы. Права и обязанности родителей и детей, в том числе обязанность родителей по содержанию детей, определяются правом государства, на территории которого родители и дети

имеют совместное место жительства. При отсутствии совместного места жительства родителей и детей права и обязанности родителей и детей регулируются личным законом ребенка. Независимо от вышеназванных положений подлежит применению право, наиболее тесно связанное с правоотношением, если оно является более благоприятным для ребенка. Полагаем, в КоБС следует закрепить коллизионное регулирование алиментных обязательств совершеннолетних детей в пользу родителей, а также алиментные обязательства других членов семьи. Не видим препятствий для использования в качестве генеральной привязки в национальном законодательстве автономии воли сторон, ограниченной правом государства гражданства одной из сторон в момент определения применимого права; правом государства обычного места жительства одной из сторон в момент определения применимого права; правом государства, которое выбрано сторонами для регулирования их имущественных отношений или которое применяется к такому регулированию. Для субсидиарного регулирования наиболее оптимальным представляется подход, согласно которому применяется право государства, в котором имеет местожительство лицо, имеющее право на содержание. Если лицо, имеющее право на содержание, не может его получить в соответствии с правом государства его местожительства, применяется право общего гражданства лица, имеющего право на содержание, и лица, обязанного предоставить содержание. Если лицо, имеющее право на содержание, не может его получить в соответствии с правом государства его местожительства или правом государства их общего гражданства, применяется право государства, в котором лицо, обязанное предоставить содержание, имеет местожительство [41, с. 189–192].

В законодательстве зарубежных государств к *наследственным правоотношениям* применяются следующие коллизионные привязки (с некоторыми видоизменениями): личный закон наследодателя, который может быть выражен как закон

гражданства или закон местожительства; право государства местонахождения имущества; право государства места открытия наследства [8, с. 21], право государства судебной инстанции или органа, осуществляющего процедуру передачи наследственного имущества [41, с. 205].

В ГК Республики Беларусь к наследственным отношениям в качестве основной формулы прикрепления применяется право государства, где наследодатель имел последнее место жительства. При этом в завещании может быть избрано право государства гражданства наследодателя (статья 1133). Наследование недвижимого имущества определяется по праву государства, где находится это имущество, а имущества, которое зарегистрировано в Республике Беларусь, — по праву Республики Беларусь (статья 1134). Способность лица к составлению и отмене завещания, а также форма завещания и акта его отмены определяются по праву страны, где наследодатель имел место жительства в момент составления акта, если наследодателем не избрано в завещании право страны, гражданином которой он является (статья 1135). На наш взгляд, отечественное коллизионное регулирование наследственного статуса соответствует современным мировым тенденциям в данной области и не нуждается в корректировке.

Рассмотрение наследственных отношений в контексте реализации суррогатного материнства, осложненного иностранным элементом, имеет актуальность для белорусского права. Например, интересным представляется вопрос: будет ли признаваться в Республике Беларусь право на наследование ребенка, рожденного суррогатной матерью, иностранной гражданкой, зачатого на территории иностранного государства с использованием ее яйцеклетки, после фактических родителей — белорусских граждан. Представляется, что поскольку наследственные отношения возникают только после констатации факта происхождения ребенка от родителей, прежде всего, должно быть установлено материнство и отцовство ребенка.

Так как согласно части 3 статьи 232 КоБС материнство и (или) отцовство, установленные вне пределов Республики Беларусь с соблюдением законодательства соответствующего государства, признаются действительными в Республике Беларусь, в нашем государстве будет признаваться право на наследование в рассматриваемой ситуации.

Таким образом, в данном разделе были выявлены подходы зарубежных государств к коллизионному регулированию *непосредственных отношений суррогатного материнства* (установление происхождения детей, договорные обязательства) и *отношений, связанных с суррогатным материнством* (права и обязанности родителей и детей, наследственные отношения).

3.2. Механизмы ограничения действия коллизионного метода в области суррогатного материнства

Коллизионный метод регулирования отражает сущность международного частного права. Однако право, подлежащее применению, может быть ограничено действием определенных механизмов, в частности оговоркой о публичном порядке, сверхимперативными нормами (синоним — нормы непосредственного применения), обратной отсылкой или отсылкой к праву третьего государства. Указанные механизмы «нельзя назвать ни в полной мере изученными доктриной, ни в достаточной степени урегулированными законодательно, ни, как следствие, мотивированно применяемыми в правоприменительной практике» [6, с. 187].

Особая роль при анализе механизмов ограничения действия коллизионного метода в области суррогатного материнства принадлежит судебной практике. Неоднозначное, а иногда определенно негативное, отношение к данному виду вспомогательных репродуктивных технологий в законодательстве некоторых государств влечет увеличение правоотношений

суррогатного материнства, осложненных иностранным элементом. Следствием этого явления и становится рассмотрение в судах дел, в которых наряду с другими решается вопрос о применении оговорки о публичном порядке или сверхимперативных норм определенного государства.

В силу особого характера отношений суррогатного материнства нормы непосредственного применения регулируют данную область даже в государствах, где указанный вид вспомогательных репродуктивных технологий разрешен. Основная цель данных норм — защита слабой стороны правоотношения, а именно ребенка, рожденного суррогатной матерью, поскольку, будучи участником правоотношения, он не является стороной договора суррогатного материнства. Рассмотрим применение сверхимперативных норм в правоприменительной практике.

В Королевском суде правосудия (Лондон, Великобритания) в 2007 г. рассматривалось дело «Суррогатное материнство: иностранный домицилий» (*Re G (Surrogacy: Foreign Domicile)*) [187].

Фабула дела состояла в следующем. На территории Великобритании в 2005 г. был заключен некоммерческий договор суррогатного материнства между супружеской парой, турецкими гражданами (мистером и миссис G), постоянно проживающими в Турции, и суррогатной матерью, подданной Великобритании (миссис J). По условиям договора при зачатии ребенка использовался генетический материал мистера G и миссис J (осуществлялась т. н. программа суррогатного материнства *sui generis*). Суррогатная мать состояла в браке, но более года не проживала совместно со своим супругом, который уехал на постоянное место жительства в Испанию.

После рождения в 2006 г. ребенка возникла проблема с установлением его происхождения. По общему правилу, закрепленному в статье 30 Закона Великобритании 1990 г. «Об искусственном оплодотворении человека и дальнейшем развитии эмбриологии», суд после реализации суррогатного материнства

может выдать родительский ордер супругам, если соблюдены следующие условия (*статья 30 (2–7)*):

- заявление на получение родительского ордера подано супругами в течение 6 месяцев после рождения ребенка;
- во время подачи заявления на получение родительского ордера ребенок проживает с супругами и *хотя бы один из супругов домицилирован в Великобритании, на Нормандских островах или острове Мэн*;
- оба супруга достигли возраста 18 лет;
- наличие согласия суррогатной матери и ее супруга на получение родительского ордера (данное согласие не требуется, если лицо, которое должно выразить согласие, не может быть найдено или неспособно его дать; согласие суррогатной матери является недействительным, если оно дано менее чем за шесть недель после рождения ребенка);
- суд должен быть убежден, что супруги (заключившие с суррогатной матерью договор суррогатного материнства. — *Прим. автора*) не получали и не предоставляли материальную выгоду в связи с передачей им родительского ордера и ребенка.

Вследствие того, что мистер и миссис G не были домицилированы в Великобритании (суд не признал кратковременное нахождение супругов в Великобритании в качестве такового), а также по причине отсутствия согласия супруга суррогатной матери на осуществление процедуры ее инсеминации (данный факт был установлен судом) суд вынес решение о невозможности выдачи гражданам Турции родительского ордера. Выходом из сложившейся ситуации стало усыновление мистером и миссис G рожденного суррогатной матерью ребенка по процедуре, установленной в статье 84 Закона 2002 г. «Об усыновлении и детях» [146].

Рассмотренное дело подтверждает особую роль сверхимперативных норм, регулирующих правоотношения суррогатного материнства. Представляется, что к таковым в британском

праве, в частности, относятся положения статьи 27 (женщина, которая выносила ребенка в результате имплантации эмбриона или инсеминации, является матерью этого ребенка, независимо от того, находилась ли эта женщина в Великобритании или за границей в момент имплантации эмбриона или инсеминации), статья 28 (2) (презумпция отцовства мужа суррогатной матери, кроме случая, если супруг не дал согласие на осуществление имплантации эмбриона или инсеминацию его супруги), статья 30 (2–7) Закона Великобритании 1990 г. «Об искусственном оплодотворении человека и дальнейшем развитии эмбриологии».

Для Республики Беларусь рассмотрение вопроса о квалификации норм отечественного права в области суррогатного материнства в качестве сверхимперативных будет способствовать единообразию правоприменительной практики в данной сфере. В юридической литературе предлагается несколько вариантов выявления сверхимперативных норм: вследствие прямого указания в самой норме [22, с. 25; 28, с. 68] или определения их судом [22, с. 25; 28, с. 68–69; 113, с. 82].

В отечественной доктрине высказывается мнение, что из текста статьи неясно, о каких именно императивных нормах идет речь, что негативно влияет на грамотное применение судьей правила, закрепленного в пункте 1 статьи 1100 ГК [132, с. 47]. О. Н. Садиков отмечает, что указание в самой национальной норме о ее строго императивной силе было бы простым и ясным решением, но едва ли достижимо вследствие различий законодательной техники и развития законодательства, порождающего новые строго императивные предписания [113, с. 83]. Е. А. Салей высказывает схожую позицию: «определение круга императивных норм путем прямых законодательных установок практически неосуществимо и возможно только посредством субъективной оценки той или иной материальной нормы внутреннего законодательства, которая должна основываться на законодательно закрепленных критериях оценки ее строгой императивности» [114, с. 59].

Представляется, что квалификация норм отечественного права в области суррогатного материнства в качестве сверхимперативных невозможна вследствие положения, закрепленного в части 3 статьи 232 КоБС, согласно которому материнство и (или) отцовство, установленные вне пределов Республики Беларусь с соблюдением законодательства соответствующего государства, признаются действительными в Республике Беларусь. Вопрос о том, кто является родителями рожденного суррогатной матерью ребенка, должен, на наш взгляд, решаться по праву государства места имплантации эмбриона, поэтому при установлении происхождения детей в рассматриваемом случае нельзя применять односторонние нормы. Ввиду вышеизложенного еще раз подчеркнем актуальность и необходимость внесения в договор суррогатного материнства трансграничного характера положения об информированности его сторон, в частности, о применимом праве с его подходами к установлению происхождения детей при реализации рассматриваемого вида вспомогательных репродуктивных технологий.

По причине особого характера отношений суррогатного материнства, осложненных иностранным элементом, и необходимости признания факта происхождения ребенка, установленного правом иностранного государства, считаем целесообразным сохранить существующий подход к сверхимперативным нормам в области суррогатного материнства в процессе развития законодательства Республики Беларусь о вспомогательных репродуктивных технологиях.

Довольно сложно применить к правоотношениям суррогатного материнства и оговорку о публичном порядке, о чем свидетельствуют выявленные в ходе исследования конституционные основы суррогатного материнства. Вместе с тем судебная практика иностранных государств демонстрирует неоправданно широкое ее применение.

Так, 6 мая 2003 г. супружеская пара (граждане Японии) заключила на территории США (штат Невада) договор суррогатного

материнства с гражданкой США и ее супругом. Согласно условиям договора суррогатной матери должны быть имплантированы эмбрионы, зачатые из генетического материала граждан Японии.

Отделение по семейным делам второго судебного округа штата Невада 1 декабря 2003 г. вынесло решение о признании граждан Японии генетическими (по крови) и законными родителями близнецов, рожденных суррогатной матерью — гражданкой США, и о подготовке свидетельств о рождении детей, в которых родителями должны быть записаны японские граждане.

В январе 2004 г. супруги с детьми вернулись в Японию. Они обратились в муниципальное управление с заявлением о признании свидетельств о рождении близнецов, но получили отказ. Супруги обжаловали решение в Суд Токио по семейным делам (Токуо Family Court). Однако 30 ноября 2005 г. суд отказал в признании на территории Японии свидетельств о рождении близнецов.

29 сентября 2006 г. Высокий суд Токио (Токуо High Court), суд второй инстанции, отменил решение суда первой инстанции на следующих основаниях:

Во-первых, в суде Невады было установлено, что граждане Японии связаны с близнецами кровным родством, т. е. являются генетическими родителями детей, рожденных суррогатной матерью.

Во-вторых, следует учитывать, что в момент принятия ГК Японии (1896 г.) [148] зачатие могло быть осуществлено только естественным путем (вследствие неразвитости ВРТ). Поэтому ГК Японии содержит норму, в соответствии с которой матерью ребенка признается женщина, которая его выносила и родила.

В-третьих, гражданка Японии могла стать матерью только при реализации суррогатного материнства, поскольку по медицинским показаниям она лишена естественной способности к рождению детей.

В-четвертых, сумма, выплаченная японскими гражданами суррогатной матери, была предназначена только для оплаты текущих расходов, связанных с беременностью и родами суррогатной матери.

В-пятых, японская супружеская пара стала заботиться о детях с момента их рождения, поэтому признание законными родителями этих лиц будет соответствовать интересам детей.

В-шестых, Комитет по вспомогательным репродуктивным технологиям Научного совета при Министерстве здравоохранения, труда и благосостояния (Committee on Assisted Reproductive Technology Treatment of the Health Science Council of the Ministry of Health, Labour and Welfare) пришел к заключению, что в настоящее время нет правовых норм, явно запрещающих заключение договора суррогатного материнства, но следует принимать во внимание, что в японском обществе сложилось мнение о недопустимости заключения договора о рождении ребенка.

В-седьмых, Комитет по правовым вопросам об установлении родительских отношений в связи с применением вспомогательных репродуктивных технологий Законодательного совета (Committee on Legislation for Parent-Child Relationship Relating to Assisted Reproductive Technology Treatment of the Legislative Council) пришел к выводу, что заключение за границей договора суррогатного материнства и признание иностранного судебного решения, предметом которого является установление родственных связей при реализации программы суррогатного материнства, противоречит публичному порядку Японии. Но, принимая во внимание, что японские граждане являются генетическими (по крови) родителями рожденных суррогатной матерью близнецов, а американские граждане не претендовали на признание родительских прав в отношении этих детей, комитет вынес решение, что в данном случае нет нарушения публичного порядка Японии.

На основании вышеизложенного суд второй инстанции решил признать свидетельства о рождении близнецов, выданные им в США.

Верховный Суд (Supreme Court) Японии 23 марта 2007 г. вынес решение по делу 2006 (Кюо) № 47 [163], которое отменило решение суда второй инстанции на следующих основаниях. К установлению отцовства (материнства) должно применяться право государства гражданства одного из супругов (часть 1 статьи 28 Акта Японии об общих правилах применимого права), т. е. в данном случае право Японии. Так как в соответствии с нормами ГК Японии матерью ребенка является женщина, которая его выносила и родила, японская гражданка не может быть признана законной матерью близнецов.

Решение Верховного Суда Японии сопровождается особым мнением членов Верховного суда Тсуно Осаму (Justice Tsuno Osamu) и Фурута Яки (Justice Furuta Yuki), а также особым мнением члена Верховного Суда Има Исао (Justice Ima Isao).

Особое мнение членов Верховного Суда Тсуно Осаму и Фурута Яки заключалось в признании японских граждан законными родителями детей, рожденных суррогатной матерью, посредством особого усыновления (special adoption). Такое решение было принято с учетом интересов детей и наличия генетической связи между японскими гражданами и рожденными суррогатной матерью близнецами.

В своем особом мнении член Верховного Суда Има Исао отметил, что он поддерживает решение суда о невозможности признать японских граждан законными родителями детей. Однако Има Исао также выразил согласие с особым мнением членов Верховного Суда Тсуно Осаму и Фурута Яки в отношении возможности усыновления детей, рожденных суррогатной матерью. Кроме этого, Има Исао предложил разработать ряд правовых норм, регламентирующих суррогатное материнство в Японии.

Рассмотренное судебное решение иллюстрирует проблему «оценочного характера» публичного порядка.

Японские граждане, которые генетически связаны с рожденными суррогатной матерью близнецами, не могут быть

признаны на территории государства своего гражданства родителями этих детей. В то же время они признаются таковыми в государстве, где была реализована программа суррогатного материнства, что свидетельствует о возникновении хромающих отношений. На наш взгляд, абсурдно усыновлять «генетически своих» детей. Заметим, что законодательство Японии прямо не запрещает суррогатное материнство. Решения судов различных инстанций, а также особые мнения членов Верховного Суда доказывают необходимость конкретизации понятия или установления границ содержания публичного порядка. Это позволит избежать чрезмерно широкого применения данного института, что положительно отразится на правоприменительной практике. И. Г. Медведев отмечает, что публичный порядок, будучи оценочной категорией, зависит от конкретных обстоятельств места и времени. Он подвижен и развивается вместе с национальным правом и судебной практикой [57, с. 37].

В Беларуси применение оговорки о публичном порядке к правоотношениям суррогатного материнства, осложненным иностранным элементом, не имеет правовых оснований вследствие непротиворечия указанных отношений содержанию публичного порядка, к которому принято относить общепринятые принципы права, лежащие в основе правопорядка Республики Беларусь; нормы морали, лежащие в основе белорусского семейного права; законные интересы граждан, общества и государства, защита которых является основной задачей правовой системы страны; общепризнанные принципы и нормы международного права, которые являются частью белорусской правовой системы.

Общепринятые принципы права, лежащие в основе правопорядка Республики Беларусь, представляют собой основополагающие начала различных отраслей права. В сфере брачно-семейных отношений особое место занимают принципы семейного права, отражающие наиболее характерные черты данной отрасли права.

Выделяют следующие принципы семейного права: защита брака и семьи государством (статья 32 Конституции Республики Беларусь, статья 3 КоБС); равноправие супругов в семейных отношениях (часть 1 статьи 32 Конституции Республики Беларусь, статья 20¹ КоБС, часть 2 статьи 75 КоБС); признание брака, заключенного в установленном законом порядке (статья 4, статьи 15–19 КоБС); свобода и добровольность вступления в брак (статья 12 КоБС, статья 17 КоБС); приоритет семейного воспитания детей, их прав и интересов (статья 185 КоБС). Представляется, для правоотношений суррогатного материнства большое значение имеет принцип охраны репродуктивных прав, конституционные основы которого были выявлены в первой главе монографии.

КоБС в качестве одной из задач законодательства о браке и семье называет укрепление семьи на принципах общечеловеческой морали (статья 1). В доктрине отмечается, что обращение судов к таким категориям, как мораль и нравственность, допустимо в случаях, прямо предусмотренных в законе [49, с. 13–14]. В отношении суррогатного материнства недопустимо говорить об аморальности, поскольку нельзя ограничивать действие применимого иностранного права, которое уже констатировало факт происхождения рожденного суррогатной матерью ребенка от его фактических родителей.

Защита законных интересов граждан, общества и государства является основной задачей правовой системы Беларуси. К правоотношениям суррогатного материнства данное положение следует применять в первую очередь для защиты детей, появившихся в результате вспомогательных репродуктивных технологий и имеющих право на семью, а также супружеских пар и одиноких лиц, лишенных естественной способности к рождению детей.

В соответствии со статьей 8 Конституции Республика Беларусь в нашем государстве признается приоритет общепризнанных принципов международного права и обеспечивается

соответствие им законодательства. Нормы права, содержащиеся в международных договорах Республики Беларусь, вступивших в силу, являются частью действующего законодательства и подлежат непосредственному применению, кроме случаев, когда из международного договора следует, что для применения таких норм требуется принятие или издание внутрисударственного нормативного правового акта, и имеют силу того нормативного правового акта, которым выражено согласие Республики Беларусь на обязательность для нее соответствующего международного договора (статья 20 Закона «О нормативных правовых актах» [71]). Таким образом, при установлении границ публичного порядка необходимо руководствоваться общепризнанными принципами и нормами международного права, которые являются частью белорусской правовой системы. Большинство положений международных документов в области суррогатного материнства имеют рекомендательный характер, поэтому нельзя говорить об их противоречии публичному порядку Беларуси.

Действующая редакция статьи 237 КоБС закрепляет положение, в соответствии с которым применение в Республике Беларусь законодательства о браке и семье иностранных государств или признание основанных на нем актов гражданского состояния не может иметь места, если такое применение или признание противоречило бы законодательству Республики Беларусь. Предлагаемые для включения в понятие публичного порядка принципы являются лишь частью отечественного законодательства. Исходя из вышеизложенного, представляется необходимым внести изменения в статью 237 КоБС и изложить ее в следующей редакции:

«Статья 237. Оговорка о публичном порядке

Применение в Республике Беларусь законодательства о браке и семье иностранных государств или признание основанных на нем актов гражданского состояния не может иметь места, если такое применение или признание противоречит публичному порядку Республики Беларусь.

Отказ в применении нормы иностранного права не может быть основан только на отличии правовой, политической, социальной или экономической системы соответствующего иностранного государства от правовой, политической, социальной или экономической системы Республики Беларусь.

Если международным договором Республики Беларусь установлены иные правила, чем те, которые содержатся в законодательстве о браке и семье Республики Беларусь, то применяются правила международного договора».

Разъяснения по вопросам, связанным с определением границ публичного порядка и применением оговорки о публичном порядке, следует включить в постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь, что позволит в случае возникновения новых институтов права быстро реагировать на ситуацию и вносить соответствующие изменения. Целесообразно разработать по аналогии с действующим постановлением Пленума Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь «О практике рассмотрения хозяйственным судами Республики Беларусь дел с участием иностранных лиц» постановление Пленума Верховного Суда «О практике рассмотрения дел с участием иностранных лиц», которым можно было бы руководствоваться при разрешении споров трансграничного характера между гражданами.

Интересным представляется вопрос о разграничении сверхимперативных норм и норм, формирующих публичный порядок, в сфере суррогатного материнства.

Верховный Суд Калифорнии 14 июля 2000 г. вынес решение о признании французского гражданина биологическим отцом, а его супруги — французской гражданки — законной матерью близнецов, рожденных в Калифорнии суррогатной матерью — гражданкой США (при зачатии эмбриона использовался генетический материал мужчины из французской супружеской пары и женщины-донора). Свидетельство о рождении девочек было выдано в соответствии с требованиями права Калифорнии.

Французские граждане 8 ноября 2000 г. обратились в консульство Франции в Лос-Анджелесе для регистрации вышеупомянутых актов гражданского состояния, но получили отказ в связи с непредставлением родового сертификата (certificat d'accouchement), который служит подтверждением оказания медицинской помощи женщинам в период беременности и родов учреждениями здравоохранения.

Супружеская пара (французские граждане) вернулась на родину с детьми, родившимися в США, которым было предоставлено американское гражданство по рождению.

После того, как был получен запрос на регистрацию свидетельств о рождении девочек в реестре актов гражданского состояния г. Нант (Франция), прокурор республики при суде большой инстанции г. Кретей (Франция) инициировал процесс в суде по гражданским делам с требованием об аннулировании данных записей. В обосновании он указал на то, что, во-первых, французская гражданка не является генетической матерью рожденных суррогатной матерью детей, а во-вторых, регистрация свидетельств о рождении близнецов в рассматриваемом случае противоречит публичному порядку Франции, поскольку в соответствии со статьей 16–7 ГК Франции любое соглашение по искусственному оплодотворению или суррогатному материнству является ничтожным.

Суд большой инстанции г. Кретей, а затем апелляционный суд Парижа признали неприемлемыми действия прокуратуры в отношении применения оговорки о публичном порядке, т. к. основная норма статьи 47 ГК Франции устанавливает, что любой акт гражданского состояния, составленный в отношении французских или иностранных граждан в иностранном государстве, признается достоверным, если соблюдены требования, предъявляемые в этом иностранном государстве к такого рода документам, за исключением случаев, когда данный акт является сфальсифицированным или факты, содержащиеся в нем, не соответствуют действительности.

Судебным постановлением № 1285 от 17 декабря 2008 г. первая палата по гражданским делам Кассационного суда отменила решение апелляционного суда от 25 октября 2007 г., указав, что основанием для регистрации актов гражданского состояния в Калифорнии послужил договор суррогатного материнства, заключение которого противоречит статье 16–7 ГК Франции [147].

Дело было возвращено в апелляционный суд Парижа, который 18 марта 2010 г. вынес решение, согласно которому признано родство между супружеской парой и рожденными в США суррогатной матерью близнецами, но отказано в регистрации свидетельств о рождении детей в реестре актов гражданского состояния на территории Франции [155].

Требования заявителей были окончательно отклонены Кассационным судом 6 апреля 2011 г. на том основании, что внесение таких записей в реестр придало бы силу договору суррогатного материнства, который является ничтожным в соответствии с нормами ГК Франции. Суд решил, что отсутствует нарушение права на уважение личной и семейной жизни, поскольку аннулирование записей не лишало детей отношений с матерью и отцом, признанных законодательством Калифорнии, и не препятствовало им в проживании во Франции [153].

Супруги и их дети обратились в Европейский суд по правам человека за защитой своих нарушенных прав. В Постановлении Европейского Суда по правам человека от 26 июня 2014 г. [153] указано, что, препятствуя признанию и установлению во внутригосударственном законодательстве связи между детьми и их биологическим отцом, государство-ответчик вышло за допустимые пределы усмотрения. Суд установил, что имело место нарушение права детей-заявителей на уважение их личной жизни, предусмотренное статьей 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. [42]. Европейский Суд присудил каждому из детей-заявителей 5 000 евро в качестве компенсации морального вреда.

На наш взгляд, в рассмотренном деле имеет место смешение понятий «публичный порядок» и «сверхимперативные нормы». Ни одна из судебных инстанций Франции, рассматривающих дело, не указала, каким образом затронут публичный порядок в смысле статьи 6 ГК Франции в связи с реализацией суррогатного материнства на территории данного государства. Представляется, прямой запрет во Франции суррогатного материнства можно квалифицировать как нарушение нормы непосредственного применения, содержащейся в статье 16–7 ГК Франции. Отнесение указанной статьи к сверхимперативным нормам позволяет анализ ее положений: «любое соглашение по суррогатному материнству» можно трактовать как соглашение, заключенное на территории Франции или в иностранном государстве. В ином случае французские граждане могли бы без негативных последствий осуществлять программы суррогатного материнства в иных государствах и возвращаться в государство своего гражданства с рожденными суррогатной матерью детьми. Кроме этого, неприменение положений статьи 47 оправдано только в том случае, если статья 16–7 ГК Франции является нормой непосредственного применения.

Специфика отношений суррогатного материнства, осложненных иностранным элементом, требует рассмотрения вопроса об обратной отсылке и отсылке к праву третьего государства. Отметим, что современная тенденция международного частного права заключается в неприменении данных механизмов. В Республике Беларусь действует общее правило, согласно которому отсылка к иностранному праву должна рассматриваться как отсылка к материальному праву соответствующего государства (пункт 1 статьи 1096 ГК Республики Беларусь). Считаем, что в государствах, где закреплен иной подход, целесообразно для правоотношений суррогатного материнства сделать исключение в пользу непризнания обратной отсылки и / или отсылки к праву третьего государства, что гарантирует сторонам договора суррогатного материнства четкое представление о применимом праве и обеспечит защиту слабой стороны правоотношения — ребенка.

В результате проведенного в настоящей главе исследования можно сформулировать следующие выводы:

1. В праве иностранных государств выявлены подходы к коллизионному регулированию непосредственных отношений суррогатного материнства (установление происхождения детей, договорные обязательства) и отношений, связанных с суррогатным материнством (права и обязанности родителей и детей, наследственные отношения).

Оптимальной формулой прикрепления для установления происхождения детей, рожденных суррогатной матерью, считаем право государства места имплантации эмбриона.

Применительно к договору суррогатного материнства выработан следующий подход: применение принципа ограниченной автономии воли сторон (право государства постоянного места жительства суррогатной матери, или право государства постоянного места жительства фактических родителей, или право государства места рождения ребенка, или право государства места имплантации эмбриона), а при его отсутствии — право государства места имплантации эмбриона.

Не существует специфики коллизионно-правового регулирования прав и обязанностей родителей и детей, наследственных отношений при реализации суррогатного материнства. Основная проблема при этом заключается в установлении происхождения ребенка как факта правовой связи между ребенком, рожденным при осуществлении рассматриваемого вида вспомогательных репродуктивных технологий, и его фактическими родителями.

2. Квалификация норм отечественного права в области суррогатного материнства в качестве сверхимперативных невозможна ввиду положения, закрепленного в части 3 статьи 232 КоБС. Представляется целесообразным сохранить в отечественном праве существующий подход к сверхимперативным нормам в процессе развития законодательства Республики Беларусь о вспомогательных репродуктивных технологиях по причине

особого характера отношений суррогатного материнства и необходимости признания факта происхождения ребенка, установленного правом иностранного государства.

3. Судебная практика свидетельствует о неоправданном расширении границ публичного порядка в сфере суррогатного материнства, которое позволяет применять оговорку о публичном порядке при любом несоответствии права иностранного государства *lex fori*.

В Республике Беларусь применение оговорки о публичном порядке к правоотношениям суррогатного материнства, осложненным иностранным элементом, не имеет правовых оснований вследствие их непротиворечия содержанию публичного порядка.

4. Сделан вывод о целесообразности введения в международном частном праве следующего подхода к обратной отсылке и отсылке к праву третьего государства в сфере суррогатного материнства: отсылка к иностранному праву рассматривается как отсылка к материальному праву соответствующего государства. В государствах, где закреплен иной подход, необходимо сделать исключение в пользу непризнания данных механизмов, что обусловлено, во-первых, спецификой правоотношений суррогатного материнства, стороны которого должны иметь четкое представление о том, право какого государства будет регулировать их отношения, во-вторых, обеспечением защиты слабой стороны правоотношения — ребенка.

5. Выработаны рекомендации для совершенствования отечественного законодательства: внесение изменений в ст. 232 КоБС; введение ст. 232¹ КоБС; новая редакция ст. 237 КоБС; целесообразность разработки постановления Пленума Верховного Суда «О практике рассмотрения дел с участием иностранных лиц», которым можно было бы руководствоваться при разрешении споров трансграничного характера между гражданами, в том числе по вопросам суррогатного материнства.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Основные научные результаты монографии, имеющие теоретическую и практическую значимость, следует свести к следующему.

1. К конституционным основам суррогатного материнства следует отнести *право на личную жизнь*, к сфере которой относится деторождение; *право на охрану здоровья*, принимая во внимание, что репродуктивное здоровье — часть общего здоровья; *право на материнство и отцовство* в контексте права на защиту государством брака, семьи, материнства, отцовства и детства. Выявление конституционных основ рассматриваемого вида вспомогательных репродуктивных технологий обусловлено необходимостью определения принципов и в первую очередь конституционного права, которые входят в содержание публичного порядка, с целью ответа на вопрос о возможности применения оговорки о публичном порядке к данным отношениям.

2. Закономерность соотношения разрешения (запрета) на реализацию суррогатного материнства и наличия (отсутствия) конституционных основ указанного вида вспомогательных репродуктивных технологий в национальном праве государств заключается в следующем.

Суррогатное материнство законодательно разрешено в государствах, конституции которых содержат конституционные основы суррогатного материнства (Армения, Беларусь, Россия и др.). Однако в определенных государствах данный вид вспомогательных репродуктивных технологий применяется

на практике в случае отсутствия правовой регламентации указанных отношений (например, Бразилия, Индия).

Запрет на осуществление суррогатного материнства как способа реализации репродуктивных прав может иметь место только при отсутствии для этого конституционных основ (Швейцария). Следует негативно оценить запрет суррогатного материнства на уровне отраслевого законодательства при наличии конституционных основ для его осуществления (Италия).

Выработка дефиниции «суррогатное материнство трансграничного характера» направлена на предотвращение проблем, связанных с непризнанием суррогатного материнства, которое реализуется за границей или с участием иностранцев: «суррогатное материнство трансграничного характера — вынашивание и рождение ребенка по договору суррогатного материнства с последующей его передачей фактическим(-ому) родителям(-ю), с обоими или одним из которых он имеет генетическую связь, в случае когда

- а) суррогатная мать — гражданка иностранного государства или лицо без гражданства, проживающее в иностранном государстве, *и (или)*
- б) фактические(-й) родители(-ь) — граждане(-ин/-ка) иностранного государства или лица(-о) без гражданства, проживающие(-ий/-ая) в иностранном государстве, *и (или)*
- в) договор суррогатного материнства заключен на территории иностранного государства, *и (или)*
- г) имплантация эмбриона осуществлялась на территории иностранного государства, *и (или)*
- д) ребенок рожден на территории иностранного государства».

Участие в программе суррогатного материнства иностранного элемента объективно требует разработки понятия «договор суррогатного материнства трансграничного характера», который лежит в основе указанных правоотношений и обладает определенной спецификой.

«Договор суррогатного материнства трансграничного характера — соглашение, по которому одна сторона (суррогатная мать), давшая согласие на имплантацию эмбриона, оказывает услуги по вынашиванию и рождению ребенка другой стороне:

— фактическому(–им) родителю(–ям) или

— медицинскому центру, в котором осуществлялась имплантация эмбриона (репродуктологу), при наличии договора между фактическим(–и) родителем(–ями) и репродуктологом об оказании услуг по реализации суррогатного материнства, в случае когда

- а) суррогатная мать — гражданка иностранного государства или лицо без гражданства, проживающее в иностранном государстве, и (или)*
- б) фактические(–й) родители(–ь) — граждане(–ин/–ка) иностранного государства или лица(–о) без гражданства, проживающие(–ий/–ая) в иностранном государстве, и (или)*
- в) договор суррогатного материнства заключен на территории иностранного государства, и (или)*
- г) имплантация эмбриона осуществлялась на территории иностранного государства, и (или)*
- д) ребенок рожден на территории иностранного государства».*

Введение в белорусское законодательство понятия «договор суррогатного материнства» необходимо для выявления его правовой природы, предмета, а также круга лиц, между которыми он может быть заключен.

«Договор суррогатного материнства — соглашение, по которому одна сторона (суррогатная мать), давшая согласие на имплантацию эмбриона, оказывает услуги по вынашиванию и рождению ребенка другой стороне: фактическому(–им) родителю(–ям) или медицинскому центру, в котором осуществлялась имплантация эмбриона (репродуктологу), при наличии договора между фактическим(–и) родителем(–ями) и репродуктологом об оказании услуг по реализации суррогатного материнства».

Детализация понятия «суррогатное материнство», под которым предлагаем понимать вынашивание и рождение ребенка по договору суррогатного материнства с последующей его передачей фактическим(-ому) родителям(-ю), с обоими или одним из которых он имеет генетическую связь; введение в отечественное законодательство термина «фактические родители» направлено на совершенствование белорусского законодательства в области репродуктивных технологий.

3. Возможность реализации в зарубежных государствах от одного до четырех видов суррогатного материнства порождает вероятность непризнания в ряде государств определенного вида суррогатного материнства, которое законодательно не закреплено, и, как следствие, самих правоотношений, что влечет возникновение хромающих отношений.

Классификацию видов суррогатного материнства представляется целесообразным проводить на основании двух критериев: *генетической связи между суррогатной матерью и рожденным ею ребенком* (суррогатное материнство *sui generis* и нетрадиционное (гестационное) суррогатное материнство), а также *генетической связи между ребенком, рожденным суррогатной матерью, и обоими или одним из фактических родителей этого ребенка* (полное суррогатное материнство и частичное (усеченное) суррогатное материнство).

Суррогатное материнство sui generis — вид суррогатного материнства, который предполагает наличие генетической связи между суррогатной матерью и рожденным ею ребенком; *нетрадиционное (гестационное) суррогатное материнство* — вид суррогатного материнства, основанный на отсутствии генетической связи между суррогатной матерью и рожденным ею ребенком; *полное суррогатное материнство* — вид суррогатного материнства, который означает наличие генетической связи между обоими фактическими родителями ребенка, рожденного суррогатной матерью, и этим ребенком; *частичное (усеченное) суррогатное материнство* — вид суррогатного

материнства, который предполагает наличие генетической связи между одним из фактических родителей ребенка, рожденного суррогатной матерью, и этим ребенком.

4. Заключение на территории Республики Беларусь договора суррогатного материнства трансграничного характера требует включения в него не только обязательных условий, предусмотренных статьёй 21 Закона Республики Беларусь «О вспомогательных репродуктивных технологиях, но и следующих положений.

— Информированность сторон договора:

- о согласии суррогатной матери, ее супруга, фактических родителей на реализацию суррогатного материнства;
- о законодательстве государств сторон программы суррогатного материнства и места имплантации эмбриона;
- об увеличении риска рождения ребенка с пороками (дефекты центральной нервной системы, бесплодие и др.).

— Ответственность сторон договора за:

- отказ суррогатной матери передать ребенка его фактическим родителям;
- отказ фактических родителей принять ребенка;
- несоблюдение суррогатной матерью предписаний врача (отказ от чрезмерной нагрузки, курения, употребления спиртных напитков, наркотических и психотропных веществ);
- несвоевременную оплату фактическими родителями услуг, оказанных им суррогатной матерью, и т. д.

— Основания прекращения договора суррогатного материнства с участием иностранных граждан:

- искусственное прерывание беременности при отсутствии медицинских показаний и согласия фактических родителей;
- рождение ребенка, генетически связанного с суррогатной матерью, если согласно договору суррогатного материнства должен был использоваться генетический материал фактических родителей;

- неудачное проведение определенного (закрепленного в договоре) количества попыток экстракорпорального оплодотворения и т. д.
- Страхование жизни суррогатной матери во время беременности, родов и послеродовый период.
- Наличие визы для суррогатной матери или фактических(–ого) родителей(–я) на срок, необходимый для реализации суррогатного материнства (исключение — безвизовый режим с государством).
- Компетентная юрисдикция и применимое право.

5. Оптимальной формулой прикрепления для установления происхождения детей, рожденных суррогатной матерью, является право государства, где была осуществлена имплантация эмбриона. *Во-первых*, именно данная процедура является первым этапом реализации рассматриваемого вида вспомогательных репродуктивных технологий; *во-вторых*, право этого государства будет положительно относиться к реализации суррогатного материнства, *в-третьих*, в большинстве случаев право государства места имплантации эмбриона совпадает с правом государства места рождения ребенка, *в-четвертых*, такой подход будет способствовать снижению риска возникновения хромающих отношений.

В отношении договора суррогатного материнства выработан следующий подход: применение принципа ограниченной автономии воли сторон (право государства постоянного места жительства суррогатной матери, или право государства постоянного места жительства фактических родителей, или право государства места рождения ребенка, или право государства места имплантации эмбриона), а при его отсутствии — право государства места имплантации эмбриона.

Ограничение автономии воли сторон необходимо в силу сложности и новизны рассматриваемого вида вспомогательных репродуктивных технологий, большой вероятности наличия сверхимперативных норм в праве государств, с которыми отношения суррогатного материнства имеют тесную связь.

Не существует специфики коллизионно-правового регулирования прав и обязанностей родителей и детей, а также наследственных отношений при реализации суррогатного материнства. Основная проблема в данном случае — установление происхождения ребенка как факта правовой связи между ребенком, рожденным при осуществлении рассматриваемого вида вспомогательных репродуктивных технологий, и фактическими родителями.

6. Квалификация норм отечественного права в области суррогатного материнства в качестве сверхимперативных не представляется возможной ввиду нормы части 3 статьи 232 КоБС. Целесообразно сохранить в отечественном праве существующий подход в процессе развития законодательства Республики Беларусь о вспомогательных репродуктивных технологиях по причине особого характера отношений суррогатного материнства и необходимости признания факта происхождения ребенка, установленного правом иностранного государства.

7. Судебная практика свидетельствует о неоправданном расширении границ публичного порядка в сфере суррогатного материнства, которое позволяет применять оговорку о публичном порядке при любом несоответствии права иностранного государства *lex fori*.

В Беларуси применение оговорки о публичном порядке к правоотношениям суррогатного материнства, осложненным иностранным элементом, не имеет правовых оснований вследствие непротиворечия норм иностранного права в рассматриваемой сфере каждой из составляющих публичного порядка: общепринятым принципам права, лежащим в основе правопорядка Республики Беларусь; нормам морали, на которых зиждется белорусское семейное право; законным интересам граждан, общества и государства, защита которых является основной задачей правовой системы страны; общепризнанным принципам и нормам международного права, которые являются частью белорусской правовой системы.

8. Для обеспечения защиты ребенка, рожденного суррогатной матерью, а также предоставления сторонам договора четкого представления о применимом праве, к рассматриваемым отношениям в международном частном праве целесообразно ввести следующий подход к обратной отсылке и отсылке к праву третьего государства: отсылка к иностранному праву должна рассматриваться как отсылка к материальному праву соответствующего государства. В государствах, где закреплен иной подход, для правоотношений суррогатного материнства ввиду их специфики следует сделать исключение в пользу непризнания данных механизмов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Абашидзе, А. А. Новое поколение прав человека: соматические права / А. А. Абашидзе, А. М. Солнцев // Моск. журн. междунар. права. — 2009. — № 1. — С. 69–82.
2. Айвар, Л. К. Правовые проблемы суррогатного материнства: законодательные предложения / Л. К. Айвар // Представ. власть — XXI век : законодательство, коммент., проблемы. — 2008. — № 5/6. — С. 8–14.
3. Антокольская, М. В. Семейное право : учебник / М. В. Антокольская. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Юристъ, 2000. — 336 с.
4. Ануфриева, Л. П. Международное частное право : учебник : [в 3 т.] / Л. П. Ануфриева. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : БЕК, 2002. — Т. 2 : Особенная часть. — 644 с.
5. Бабкина, Е. В. Возможность унификации коллизионных вопросов брачно-семейных отношений в рамках Содружества Независимых Государств / Е. В. Бабкина, Н. С. Байбороша // Актуальные проблемы международного публичного и международного частного права : сб. науч. тр. / Белорус. гос. ун-т ; отв. ред. Е. В. Бабкина, А. Е. Вашкевич. — Минск, 2010. — Вып. 2. — С. 146–165.
6. Бабкина, Е. В. Механизмы ограничения действия коллизионного метода в международном частном праве / Е. В. Бабкина // Актуальные проблемы международного публичного и международного частного права : сб. науч. тр. / [Белорус. гос. ун-т ; редкол.: Е. В. Бабкина, Ю. А. Лепешков]. — Минск, 2009. — Вып. 1. — С. 187–204.
7. Байбороша, Н. С. Гармонизация законодательства государств-участников СНГ в сфере суррогатного материнства: теоретические аспекты / Н. С. Байбороша // Юрид. журн. — 2009. — № 4. — С. 101–108.
8. Байбороша, Н. С. Коллизионно-правовое регулирование отношений суррогатного материнства / Н. С. Байбороша // Журн. междунар. права и междунар. отношений. — 2010. — № 2. — С. 17–22.

9. Байбороша, Н. С. Право одиноких мужчин и женщин на реализацию программы суррогатного материнства / Н. С. Байбороша // Актуальні проблеми юрид. науки : зб. тез. міжнар. наук. конф. «Сьомі осінні юрид. читання», Хмельницький, 28–29 листоп. 2008 р. : у 4 ч. / Хмельн. ун-т упр. та права. — Хмельницький, 2008. — Ч. 3 : Цивільне право. Сімейне право.; Міжнародне приватне право. Комерційне право. Цивільний, господарський та адміністративний процес. — С. 19–22.
10. Байбороша, Н. С. Правовые аспекты отношений суррогатного материнства с участием иностранного элемента / Н. С. Байбороша // Беларусь в современном мире : материалы VII Междунар. науч. конф., посвящ. 87-летию образования Белорус. гос. ун-та, Минск, окт. 2008 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: В. Г. Шадурский [и др.]. — Минск, 2008. — С. 108–109.
11. Байбороша, Н. С. Презумпция материнства женщины, изъявившей намерение быть матерью ребенка, рожденного суррогатной матерью / Н. С. Байбороша // Сборник тезисов 67-й науч.-практ. конф. студентов, магистрантов и аспирантов, Минск, 28 апреля 2010 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: В. Г. Шадурский [и др.]. — Минск, 2010. — С. 73–75.
12. Байбороша, Н. С. Специфика, привносимая иностранным элементом, в договор суррогатного материнства / Н. С. Байбороша // Беларусь в современном мире : материалы VIII Междунар. науч. конф., посвящ. 88-летию образования Белорус. гос. ун-та, Минск, 30 окт. 2009 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: В. Г. Шадурский [и др.]. — Минск, 2009. — С. 111–112.
13. Байбороша, Н. С. Суррогатное материнство в международном частном праве : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Н. С. Байбороша. — Минск, 2011. — 150 л.
14. Байбороша, Н. С. Сущность института суррогатного материнства / Н. С. Байбороша // Журн. междунар. права и междунар. отношений. — 2008. — № 3. — С. 20–25.
15. Бесплодные супружеские пары в Беларуси могут воспользоваться кредитом на проведение процедуры ЭКО [Электронный ресурс] // БЕЛТА. — 2015. — Режим доступа: <http://www.belta.by/ru/news/society?id=242157>. — Дата доступа: 15.03.2015.
16. Борисова, Т. Е. Актуальные вопросы законодательной и правоприменительной практики суррогатного материнства в России / Т. Е. Борисова // Соц. и пенс. право. — 2008. — № 1. — С. 15–16.

17. Борисова, Т. Е. Договор суррогатного материнства: актуальные вопросы теории, законодательства и практики / Т. Е. Борисова // Рос. юстиция. — 2009. — № 4. — С. 7–10.
18. Борисова, Т. Е. Суррогатное материнство в Российской Федерации: проблемы теории и практики / Т. Е. Борисова. — Москва: Проспект. — 2012. — 144 с.
19. Василевич, Г. А. Конституционное право Республики Беларусь : учебник / Г. А. Василевич. — Минск : Кн. дом : Интерпрессервис, 2003. — 832 с.
20. Вводный закон к Германскому гражданскому уложению [Электронный ресурс] : 18.08.1896 г. // Cisg library. — Режим доступа: http://www.cisg.ru/content/download/ipr_de.pdf. — Дата доступа: 15.03.2015.
21. Величкин, С. В. Праздники и обряды Индии [Электронный ресурс] / С. В. Величкин // Посольство Российской Федерации в Республике Индия. — Режим доступа: <http://www.india.mid.ru/obrjad.html>. — Дата доступа: 15.03.2015.
22. Гизетдинова, И. Ю. «Публичный порядок» в международном частном праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / И. Ю. Гизетдинова ; Рос. акад. гос. службы при Президенте Рос. Федерации. — М., 2009. — 29 с.
23. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Кодекс Респ. Беларусь, 7 дек. 1998 г., № 218-З : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 31 декабря 2014 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2015.
24. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) [Электронный ресурс] : Кодекс Рос. Федерации, 26 нояб. 2001 г., № 146-ФЗ : принят Гос. Думой 1 нояб. 2001 г. : одобр. Советом Федерации 14 нояб. 2001 г. : в ред. Федер. закона от 05.05.2014 г. // Консультант-Плюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». — М., 2015.
25. Григорович, Е. В. Некоторые аспекты правового регулирования искусственных методов репродукции / Е. В. Григорович // Юрист. — 1999. — № 2. — С. 29–30.
26. Громкое дело о суррогатном материнстве: подозреваемую амнистировали из-за пробелов в законе [Электронный ресурс] // Белорусские новости. — Режим доступа: http://naviny.by/rubrics/disaster/2015/01/21/ic_articles_124_188040/print/. — Дата доступа: 15.03.2015.

27. Дронова, Ю. А. Что нужно знать о суррогатном материнстве / Ю. А. Дронова. — М. : Городец, 2007. — 112 с.
28. Жильцов, А. Н. Применимое право в международном коммерческом арбитраже (императивные нормы) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / А. Н. Жильцов. — М., 1998. — 214 л.
29. Законы Хаммурапи, царя Вавилона // Хрестоматия по всеобщей истории государства и права : учеб. пособие / сост. В. Н. Садиков. — М., 2002. — С. 15–30.
30. Звенигородская, Н. Ф. Проблемы исполнения договоров, предусмотренных семейным законодательством / Н. Ф. Звенигородская // Закон. — 2007. — № 5. — С. 77–82.
31. Иваева, Э. А. Проблемы реализации конституционных прав человека в Российской Федерации на примере суррогатного материнства : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Э. А. Иваева. — М., 2004. — 155 л.
32. Иваева, Э. А. Суррогатное материнство: правовое и нравственное измерение проблемы / Э. А. Иваева // Мед. право. — 2008. — № 3. — С. 23–26.
33. Иванникова, Г. М. Удостоверение договора суррогатного материнства / Г. М. Иванникова // Юстиция Беларуси. — 2007. — № 7.
34. История [Электронный ресурс] // Суррогатное материнство на Украине. — Режим доступа: http://ru.surrogacy-ukraine.com/theory_history.php. — Дата доступа: 15.03.2015.
35. Канашевский, В. А. Международное частное право : учебник / В. А. Канашевский. — 2-е изд., доп. — М. : Междунар. отношения, 2009. — 752 с.
36. Кириченко, К. А. К проекту федерального закона «О вспомогательных репродуктивных технологиях и гарантиях прав граждан при их осуществлении» / К. А. Кириченко // Мед. право. — 2009. — № 1. — С. 41–45.
37. Кириченко, К. А. Реализация принципа охраны материнства при суррогатном материнстве: семейно-правовой аспект / К. А. Кириченко // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер. Право. — 2008. — Т. 4. — Вып. 1. — С. 49–56.
38. Книга Бытия / [пер. М. Г. Селезнева ; ред. А. Э. Графов]. — М. : Рос. Библейс. о-во, 2002. — 127 с.
39. Ковлер, А. И. Антропология права : учебник / А. И. Ковлер ; Ин-т государства и права Рос. акад. наук, Акад. правовой ун-т. — М. : НОРМА, 2002. — 467 с.
40. Кодекс Республики Беларусь о браке и семье [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г. № 278-3 : принят Палатой представителей 3 июня

- 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 12.12.2013 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «Юр-Спектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2015.
41. Коллизионное право Республики Беларусь: состояние и перспективы / Е. В. Бабкина [и др.]. — Минск : Белпринт : Бизнесофсет, 2014. — 304 с.
 42. Конвенции о защите прав человека и основных свобод [Электронный ресурс] : [заключено в г. Риме 04.11.1950 г.] // Европейский Суд по правам человека. — Режим доступа: http://www.echr.coe.int/Documents/Convention_RUS.pdf. — Дата доступа: 15.03.2015.
 43. Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам : [заключена в г. Минске 22.01.1993 г.] // Ведомости Верховного Совета Республики Беларусь. — 1995. — № 26. — Ст. 354.
 44. Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам : [заключена в г. Кишиневе 07.10.2002 г.] // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. — 2003. — № 73. — 2/956.
 45. Конвенция по защите детей и сотрудничеству в отношении международного усыновления [заключена в г. Гааге 29.05.1993 г.] // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2015.
 46. Конституция Итальянской Республики : [дано в Риме 27 дек. 1947 г. : вступ. в силу 1 янв. 1948 г.] // Конституции зарубежных государств: Великобритания, Франция, Германия, Италия, Испания, Европейский союз, Соединенные Штаты Америки, Япония, Индия : учеб. пособие / [сост. В. В. Маклаков]. — 4-е изд., перераб. и доп. — М., 2003. — С. 180–212.
 47. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.). — Минск : Амалфея, 2005. — 48 с.
 48. Короткевич, М. П. Комментарий к Закону Республики Беларусь от 7 января 2012 г. № 342-З «О внесении изменений и дополнений в Кодекс Республики Беларусь о браке и семье» [Электронный ресурс] / М. П. Короткевич // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2015.
 49. Крохалев, С. В. Применение оговорки о публичном порядке в судебной практике / С. В. Крохалев // Междунар. публич. и част. право. — 2002. — № 5. — С. 11–16.

50. Красс, В. И. Личностные («соматические») права человека в конституционном и философско-правовом измерении: к постановке проблемы / В. И. Красс // Государство и право. — 2000. — № 10. — С. 43–50.
51. Лаврик, М. А. Конституционные основания соматических прав человека: вопросы теории и практика зарубежных государств / М. А. Лаврик // Сиб. юрид. вестн. — 2006. — № 1. — С. 44–62.
52. Леанович, Е. Б. Международное частное право : учеб. пособие / Е. Б. Леанович. — Минск : ИВЦ Минфина, 2008. — 360 с.
53. Леженин, В. Н. Проблемы договорных отношений, связанные с суррогатным материнством / В. Н. Леженин // Актуальные проблемы гражданского права, гражданского и арбитражного процесса : материалы науч. конф., Воронеж, 15–16 марта 2002 г. / Воронеж. гос. ун-т ; [редкол.: Е. И. Носыревой, Т. Н. Сафроновой]. — Воронеж, 2002. — С. 384–398.
54. Майфат, А. В. «Суррогатное материнство» и иные формы репродуктивной деятельности в новом Семейном кодексе РФ / А. В. Майфат // Юрид. мир. — 2000. — № 2. — С. 19–33.
55. Малиновская, Е. Г. Договорное регулирование семейных отношений в России и Беларуси : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Е. Г. Малиновская. — М., 2007. — 165 л.
56. Марышева, Н. И. Семейные отношения с участием иностранцев: правовое регулирование в России / Н. И. Марышева ; Ин-т законодательства и сравн. правоведения при Правительстве Рос. Федерации. — М. : Волтерс Клувер, 2007. — 315 с.
57. Медведев, И. Г. Международное частное право и нотариальная деятельность : справ.-практ. пособие / И. Г. Медведев ; Федер. нотар. палата России, Центр нотар. исслед. — 2-е изд. — М. : Волтерс Клувер, 2005. — 272 с.
58. Митрякова, Е. С. Правовое регулирование суррогатного материнства в России : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Е. С. Митрякова. — Тюмень, 2006. — 175 л.
59. Михайлова, И. А. Законодательство, регламентирующее установление происхождения детей, нуждается в корректировке / И. А. Михайлова // Вопр. ювен. юстиции. — 2009. — № 2. — С. 17–19.
60. Михайлова, И. А. Значение родства в современном частном праве / И. А. Михайлова // Цивилист. — 2009. — № 2. — С. 74–77.
61. Мубаракшина, А. М. Правовая природа договора суррогатного материнства [Электронный ресурс] / А. М. Мубаракшина. — Семейное

- и жилищное право. — 2014. — № 4 // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». — М., 2015.
62. О борьбе с торговлей людьми [Электронный ресурс] : Закон Азерб. Респ., 28 июня 2005 г., № 958-III : в ред. Закона Азерб. Респ. от 17.10.2014 г. // Законодательство стран СНГ / СоюзПравоИнформ. — М., 2015.
 63. О борьбе с торговлей людьми [Электронный ресурс] : Закон Туркменистана, 14 дек. 2007 г., № 155-III // Законодательство стран СНГ / СоюзПравоИнформ. — М., 2015.
 64. О внесении изменений и дополнений в Кодекс Республики Беларусь о браке и семье [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 7 янв. 2012 г. № 342-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2015.
 65. О внесении изменений и дополнений в некоторые постановления Совета Министров Республики Беларусь и признании утратившим силу постановления Совета Министров Республики Беларусь от 4 ноября 2006 г. № 1470 : постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 17 июля 2012 г. № 659 [Электронный ресурс] // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2015.
 66. О вспомогательных репродуктивных технологиях [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 7 января 2012 г. № 341-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2015.
 67. О демографической безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 4 янв. 2002 г. № 80-3 : в ред. Закона Респ. Беларусь от 31.12.2009 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2015.
 68. О здоровье народа и системе здравоохранения [Электронный ресурс] : Кодекс Респ. Казахстан, 18 сент. 2009 г. № 193-IV ЗРК : в ред. Закона Респ. Казахстан от 10.01.2015 г. // Законодательство стран СНГ / СоюзПравоИнформ. — М., 2010.
 69. О здравоохранении [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 18 июня 1993 г. № 2435-XII : в ред. Закона Респ. Беларусь от 16 июня 2014 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2015.
 70. О международном частном праве [Электронный ресурс] : Закон Украины, 23 июня 2005 г., № 2709-IV : в ред. Кодекса Украины от

- 16.05.2013 г. // Информационно-правовая система «Законодательство стран СНГ» / ООО «СоюзПравоИнформ». — М., 2015.
71. О нормативных правовых актах Республики Беларусь : Закон Респ. Беларусь, 10 янв. 2000 г. № 361-3 : в ред. Закона Респ. Беларусь от 02.07.2009 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2015.
72. О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению [Электронный ресурс] : приказ Минздрава России, 30.08.2012 № 107н // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». — М., 2015.
73. О порядке организации работы с гражданами в органах, регистрирующих акты гражданского состояния, по выдаче справок либо иных документов, содержащих подтверждение фактов, имеющих юридическое значение [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 14 дек. 2005 г., № 1454 : в ред. постановления Совета Министров Респ. Беларусь от 22.11.2014 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2015.
74. О предупреждении и пресечении торговли людьми [Электронный ресурс] : Закон Респ. Молдова, 20 окт. 2005 г., № 241-XVI : в ред. Закона Респ. Молдова от 26.12.2012 г. // Законодательство стран СНГ / СоюзПравоИнформ. — М., 2015.
75. О противодействии торговле людьми и оказании помощи жертвам торговли людьми [Электронный ресурс] : Закон Респ. Таджикистан, 26 июля 2014 г. № 1096 // Законодательство стран СНГ / СоюзПравоИнформ. — М., 2015.
76. О репродуктивном здоровье и репродуктивных правах человека [Электронный ресурс] : Закон Респ. Армения, 26 дек. 2002 г. № ЗР-474 : в ред. Закона Респ. Армения от 20.11.2014 г. / Национальное Собрание Республики Армения. — Режим доступа: <http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=1339&lang=rus>. — Дата доступа: 15.03.2015.
77. О репродуктивном здоровье и репродуктивных правах [Электронный ресурс] : Закон Респ. Таджикистан, 2 дек. 2002 г. № 72 // Законодательство стран СНГ / СоюзПравоИнформ. — М., 2015.
78. О репродуктивном здоровье [Электронный ресурс] : Закон Респ. Молдова, 15 июня 2012 г. № 138 // Законодательство стран СНГ / СоюзПравоИнформ. — М., 2015.

79. О репродуктивных правах граждан и гарантиях их реализации [Электронный ресурс] : Закон Кырг. Респ., 29 июня 2007 г. // Законодательство стран СНГ / СоюзПравоИнформ. — М., 2015.
80. О соответствии Конституции Республики Беларусь Закона Республики Беларусь «О вспомогательных репродуктивных технологиях» : решение Конституц. Суда Респ. Беларусь, 28 дек. 2011 г. № Р-673/2011 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. — 2012. — № 10. — 6/1132.
81. О существенных условиях договора суррогатного материнства : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 4 нояб. 2006 г. № 1470 : утратило силу постановлением Совета Министров Респ. Беларусь от 17 июля 2012 г. № 659 [Электронный ресурс] // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2015.
82. Об актах гражданского состояния [Электронный ресурс] : Закон Респ. Армения, 8 дек. 2004 г. № ЗР-9-П : в ред. Закона Респ. Армения от 21.06.2014 г. // Нац. Собрание Респ. Армения. — Режим доступа: <http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=2212&lang=rus>. — Дата доступа: 15.03.2015.
83. Об актах гражданского состояния : Федер. Закон Рос. Федерации, 15 нояб. 1997 г., № 143-ФЗ [Электронный ресурс] : в ред. Федер. Закона Рос. Федерации от 23.06.2014 г. // Законодательство стран СНГ / СоюзПравоИнформ. — М., 2015.
84. Об актах гражданского состояния [Электронный ресурс] : Закон Кырг. Респ., 20 янв. 2005 г. : в ред. Закона Кырг. Респ. от 16.01.2014 г. // Законодательство стран СНГ / СоюзПравоИнформ. — М., 2015.
85. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации Федеральный [Электронный ресурс] : Федер. закон, 21 нояб. 2011 г. №323-ФЗ : в ред. Федер. закона от 01.12.2014 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». — М., 2015.
86. Об утверждении «Порядка государственной регистрации актов гражданского состояния» [Электронный ресурс] : постановление Каб. Министров Азерб. Респ., 31 окт. 2003 г., № 145 : текст по состоянию на 7 февр. 2008 г. // Законодательство стран СНГ / СоюзПравоИнформ. — М., 2015.
87. Об утверждении Национальной программы демографической безопасности Республики Беларусь на 2011–2015 годы [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 11 авг. 2011 г., № 357 : в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 12.09.2012 г. // ЭТАЛОН.

- Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2015.
88. Об утверждении перечня медицинских показаний и противопоказаний к суррогатному материнству, порядок и объем медицинского обследования суррогатной матери, генетической матери и их супругов [Электронный ресурс] : постановление М-ва здравоохранения Респ. Беларусь, 14 сент. 2006 г. № 71 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2015.
 89. Об утверждении порядка применения вспомогательных репродуктивных технологий [Электронный ресурс] : приказ М-ва Здравоохранения Украины от 09 сент. 2013 г. № 787 : в ред. приказа М-ва Здравоохранения Украины 11.04.2014 г. // Верховна Рада України. — Режим доступа: <http://zakon1.rada.gov.ua/laws/show/z1697-13/page>. — Дата доступа: 15.03.2015.
 90. Об утверждении Правил регистрации актов гражданского состояния в Украине [Электронный ресурс] : приказ М-ва юстиции Украины, 18 окт. 2000 г., № 52/5 : в ред. постановления М-ва юстиции Украины от 09.12.2014 г. // Законодательство стран СНГ / СоюзПравоИнформ. — М., 2015.
 91. Огородов, Д. В. К вопросу о видах смешанных договоров в частном праве / Д. В. Огородов, М. Ю. Челышев // Законодательство и экономика. — 2006. — № 2. — С. 53–59.
 92. Палькина, Т. Н. Проблемы реализации права на искусственное оплодотворение, право на имплантацию эмбриона / Т. Н. Палькина // Семейное и жилищ. право. — 2008. — № 4. — С. 10–13.
 93. Перевозчикова, Е. В. Конституционное право на жизнь и репродуктивные права человека : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Е. В. Перевозчикова. — Казань, 2006. — 137 л.
 94. Перепелица, Е. В. Вспомогательные репродуктивные технологии и национальная безопасность Республики Беларусь [Электронный ресурс] / Е. В. Перепелица // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2015.
 95. Пересада, О. А. Вспомогательные репродуктивные технологии: этические и юридические проблемы / О. А. Пересада, А. В. Лебедько // Мед. новости. — 2005. — № 6.
 96. Пестрикова, А. А. Обязательства суррогатного материнства : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / А. А. Пестрикова. — Самара, 2007. — 202 л.

97. Пестрикова, А. А. Суррогатное материнство в России / А. А. Пестрикова. — Самара : Самар. гуманитар. акад., 2008. — 178 с.
98. Платформа действий : принята на 16-м пленар. заседании Четвертой всемир. конф. по положению женщин 15 сент. 1995 г. [Электронный ресурс] // Четвертая всемирная конференция по положению женщин / ООН. — Режим доступа: <http://www.un.org/russian/conferen/women/women.htm>. — Дата доступа: 15.03.2015.
99. Плутарх. О доблести женской / Плутарх // Моралии: соч. — М. : ЭКСМО-Пресс — Харьков : Фолио, 1999. — С. 389–421.
100. Покровская, А. В. Соглашение о праве, применимом к частноправовым отношениям, осложненным иностранным элементом : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / А. В. Покровская ; Ин-т законодательства и сравн. правоведения при Правительстве Рос. Федерации. — М., 2006. — 29 с.
101. Померанцева, Е. И. Законодательное обеспечение вспомогательных репродуктивных технологий: состояние проблемы (обзор литературы) / Е. И. Померанцева, А. Ю. Козлова, О. М. Супруга // Проблемы репродукции. — 2001. — № 2. — С. 58–66.
102. Программа действий Международной конференции по народонаселению и развитию [Электронный ресурс] // Международная конференция по народонаселению и развитию, Каир, 1994 г. — Режим доступа: http://г-комитет.narod.ru/s_i_d/Kair1.htm. — Дата доступа: 21.03.2015.
103. Проект федерального закона «О вспомогательных репродуктивных технологиях и гарантиях прав граждан при их осуществлении» / Ю. Д. Сергеев [и др.] // Мед. право. — 2008. — № 2 (22). — С. 3–10.
104. Пунько, Т. Н. Наследственные права и современные репродуктивные технологии [Электронный ресурс] / Т. Н. Пунько // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2015.
105. Пчелинцева, Л. М. Семейное право России : учебник / Л. М. Пчелинцева. — 6-е изд., перераб. — М. : Норма : Инфра-М, 2010. — 720 с.
106. Рагойша, П. В. Новации брачно-семейного законодательства и их влияние на гражданское судопроизводство: комментарий к Закону Республики Беларусь от 20 июля 2006 года «О внесении изменений и дополнений в Кодекс Республики Беларусь о браке и семье» : по состоянию на 22 марта 2007 г. [Электронный ресурс] / П. В. Рагойша // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2015.

107. Рагойша, П. В. Родительские права и обязанности в контексте реализации прав на материнство и отцовство: проблема дефиниции момента возникновения / П. В. Рагойша // Вестн. Конституц. Суда Респ. Беларусь. — 2006. — № 4. — С. 122–128.
108. Рашидханова, Д. К. Репродуктивные права личности: сущность и правовая природа / Д. К. Рашидханова // Соц. и пенс. право. — 2007. — № 4. — С. 40–44.
109. Рекомендации Межпарламентской Ассамблеи государств — участников Содружества Независимых Государств «Об этико-правовом регулировании и безопасности генетических медицинских технологий в государствах — участниках СНГ», 31 окт. 2007 [Электронный ресурс] // Межпарламентская Ассамблея государств — участников Содружества Независимых Государств. — Режим доступа: <http://www.iacis.ru/data/prdoc/28.rar>. — Дата доступа: 15.03.2015.
110. Романовский, Г. Б. Гносеология права на жизнь = Epistemology of the right to life / Г. Б. Романовский. — СПб. : Юрид. центр Пресс, 2003. — 368 с.
111. Романовский, Г. Б. Право на суррогатное материнство: от истории к современности / Г. Б. Романовский // Проблемы репродукции. — 2006. — № 1. — С. 31–38.
112. Русанова, Н. Е. Репродуктивные возможности демографического развития / Н. Е. Русанова. — М. : Компания Спутник +, 2008. — 333 с.
113. Садиков, О. Н. Императивные нормы в международном частном праве / О. Н. Садиков // Моск. журн. междунар. права. — 1992. — № 2. — С. 71–84.
114. Салей, Е. А. Императивные нормы права Республики Беларусь как ограничение применения иностранного права / Е. А. Салей // Юстыцыя Беларусі. — 2008. — № 2. — С. 56–60.
115. Свитнев, К. Н. Вспомогательные репродуктивные технологии в новом законодательстве / К. Н. Свитнев // МЦФЭР. — 2013. — С. 42–53.
116. Свитнев, К. Н. Демография и власть / К. Н. Свитнев // Россия: тенденции и перспективы развития : ежегодник / Ин-т науч. информ. по обществ. наукам Рос. акад. наук [и др.]. — М., 2009. — Вып. 4, ч. 1 / редкол.: Ю. С. Пивоваров [и др.]. — С. 579–587.
117. Свитнев, К. Н. Нужен ли закон о ВРТ? Вспомогательные репродуктивные технологии и их правовое регулирование / К. Н. Свитнев // Национальная идентичность России и демографический кризис : материалы II Всерос. науч. конф., Москва, 15 нояб. 2007 г. / [Отд-ние

- обществ. наук РАН и др. ; ред.-изд. группа: С. С. Сулакшин и др.]. — М., 2008. — С. 819–825.
118. Свитнев, К. Н. Право на жизнь (ВРТ, суррогатное материнство и демография) [Электронный ресурс] / К. Н. Свитнев // Росюрконсалтинг. — Режим доступа : http://www.jurconsult.ru/publications/pravo_na_zhizn/. — Дата доступа : 15.03.2015.
119. Свитнев, К. Н. Репродуктивные права и супружеский статус: право не состоящих в браке людей на продолжение рода / К. Н. Свитнев // Национальная идентичность России и демографический кризис : материалы Третьей Всерос. науч. конф., Казань, 13–14 нояб. 2008 г. / Центр проблем. анализа и гос.-упр. проектирования при Отд-нии обществ. наук РАН ; редкол.: С. С. Сулакшин. — М., 2009. — С. 747–762.
120. Свитнев, К. Н. Суррогатное материнство: история и современность / К. Н. Свитнев // Мед. газ. — 2006. — 6 сент. — С. 7.
121. Севковская, З. А. Проблемы репродуктивного здоровья населения Беларуси / З. А. Севковская // Демографическая ситуация и репродуктивные права в Беларуси : сб. материалов круглого стола / Коалиции жен. неправительств. орг. стран Центр. и Вост. Европы «Астра» ; редкол.: Л. Петина [и др.]. — Минск, 2002. — С. 63–77.
122. Селедевская, Т. М. Некоторые аспекты проблемы, связанной с суррогатным материнством / Т. М. Селедевская // Вестн. Конституц. Суда Респ. Беларусь. — 2005. — № 3. — С. 103–107.
123. Семейный кодекс Азербайджанской Республики [Электронный ресурс] : утв. Законом Азербайджанской Респ. 28 дек. 1999 г., № 781-IQ // Министерство по налогам Азербайджанской Республики. — Режим доступа : http://vn.taxes.gov.az/2009/uploads/qanun/2011/mecelleler/aile_mecellesi_rus.pdf. — Дата доступа : 15.03.2015.
124. Семейный кодекс Кыргызской Республики [Электронный ресурс] : принят Законод. собранием Жогорку Кенеша Кырг. Респ. 26 июня 2003 г. : в ред. Закона Кырг. Респ. от 30.06.2014 г. // Законодательство стран СНГ / СоюзПравоИнформ. — М., 2015.
125. Семейный кодекс Республики Армения [Электронный ресурс] : принят 9 нояб. 2004 г. : в ред. Закона Респ. Армения от 30.04.2013 г. // Нац. Собрание Респ. Армения. — Режим доступа: <http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=2124&lang=rus>. — Дата доступа: 15.03.2015.
126. Семейный кодекс Республики Молдова [Электронный ресурс] : 23 окт. 2000 г., № 1316-XIV: в ред. Закона Респ. Молдова от 14.06.2013 г. //

- Информационно-правовая система «Законодательство стран СНГ» / ООО «СоюзПравоИнформ». — М., 2015.
127. Семейный кодекс Республики Таджикистан [Электронный ресурс] : 13 нояб. 1998 г. : в ред. Закона Респ. Таджикистан от 19.03.2013 г. // Информационно-правовая система «Законодательство стран СНГ» / ООО «СоюзПравоИнформ». — М., 2015.
 128. Семейный кодекс Республики Узбекистан [Электронный ресурс] : Кодекс Респ. Узбекистан, 30 апр.1998 г. : введ. в действие с 1 сент. 1998 г. : в ред. Закона Респ. Узбекистан от 20.01.2014 г. // Законодательство стран СНГ / СоюзПравоИнформ. — М., 2015.
 129. Семейный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : принят Гос. Думой 8 дек. 1995 г. : в ред. Федер. Закона Рос. Федерации от 04.11.2014 г. // Законодательство стран СНГ / СоюзПравоИнформ. — М., 2015.
 130. Семейный кодекс Туркменистана [Электронный ресурс] : 10 янв. 2012 г. : в ред. Закона Туркменистана от 01.03.2014 г. // Информационно-правовая система «Законодательство стран СНГ» / ООО «СоюзПравоИнформ». — М., 2015.
 131. Семейный кодекс Украины [Электронный ресурс] : принят 10 янв. 2002 г., № 2947-III : в ред. Закона Украины от 14.10.2014 // Законодательство стран СНГ / СоюзПравоИнформ. — М., 2015.
 132. Толочко, О. Н. Порядок и пределы применения норм иностранного права судами Республики Беларусь: проблемы совершенствования законодательства / О. Н. Толочко // Юстиция Беларуси. — 2007. — № 4. — С. 45–48.
 133. Толстых, В. Л. Международное частное право: коллизионное регулирование / В. Л. Толстых. — СПб. : Юрид. центр Пресс, 2004. — 526 с.
 134. Уголовный кодекс Азербайджанской Республики [Электронный ресурс] : утв. Законом Азерб. Респ. от 30 дек. 1999 г., № 787-ПГ : в ред. Закона Азерб. Респ. от 30.05.2014 г. // Законодательство стран СНГ СоюзПравоИнформ. — М., 2015.
 135. Федеральная конституция Швейцарской конфедерации : [принята в апр. 1999 г.]. // Конституции зарубежных государств: Великобритания, Франция, Германия, Италия, Испания, Швейцария, Европейский союз, Соединенные Штаты Америки, Япония, Бразилия : учеб. пособие / [сост. В. В. Маклаков]. — 3-е изд., перераб. и доп. — М., 2000. — С. 227–274.
 136. Федосеева, Г. Ю. Некоторые особенности коллизионно-правового регулирования брачно-семейных отношений в международном

- частном праве Российской Федерации / Г. Ю. Федосеева // Право и государство: теория и практика. — 2007. — № 4. — С. 121–127.
137. Федосеева, Г. Ю. Принцип наиболее тесной связи и принцип наиболее благоприятного права применительно к регулированию трансграничных брачно-семейных отношений / Г. Ю. Федосеева // Lex Russica : науч. тр. Моск. гос. юрид. акад. — 2006. — № 1. — С. 103–115.
138. Хазова, О. А. Проблемы гендерного равенства и репродуктивные права супругов [Электронный ресурс] / О. А. Хазова // Женщины и общество. — Режим доступа: <http://www.owl.ru/syostri/gender3.htm>. — Дата доступа: 12.03.2015.
139. Хазова, О. А. Репродуктивные права в России: пределы законодательного регулирования / О. А. Хазова // Конституц. право : восточноевроп. обозрение. — 2000. — № 4. — С. 15–24.
140. Худякова, О. Ю. Установление происхождения детей в однополых союзах по законодательству США / О. Ю. Худякова // Государство и право. — 2009. — № 6. — С. 97–102.
141. Хурцилава, Л. А. К вопросу о договоре суррогатного материнства / Л. А. Хурцилава // Актуальные проблемы рос. права. — 2007. — № 2. — С. 155–161.
142. Чернышева, Ю. А. Правовой статус ребенка, рожденного в процессе реализации программы суррогатного материнства [Электронный ресурс] / Ю. А. Чернышева // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». — М., 2015.
143. A comparative study on the regime of surrogacy in EU member states // the European Parliament [Electronic resource]. — Mode of access: [http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/etudes/join/2013/474403/IPOL-JURI_ET\(2013\)474403_EN.pdf](http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/etudes/join/2013/474403/IPOL-JURI_ET(2013)474403_EN.pdf). — Date of access: 15.03.2015.
144. AB v CD (Surrogacy - Time Limit and Consent) [2015] EWFC 12 [Electronic resource] / Family law cases, news and CPD. — Mode of access: <http://www.familylawweek.co.uk/site.aspx?i=ed143254>. — Date of access: 15.03.2015.
145. Act for Protection of Embryos (The Embryo Protection Act) = Gesetz zum Schutz von Embryonen (Embryonenschutzgesetz — ESchG) of 13 December 1990 // Bundesministerium der Justiz [Electronic resource]. — 2015. — Mode of access: <http://www.bmj.bund.de/files/-/1147/ESchG%20englisch.pdf>. — Date of access: 15.03.2015.
146. Adoption and Children Act 2002 [Electronic resource] // Office of Public Sector Information. — Mode of access: http://www.opsi.gov.uk/ACTS/acts2002/ukpga_20020038_en_1. — Date of access: 15.03.2015.

147. Affaire N° 07–20.468 [Ressource électronique] // Cour de Cassation. — Mode d'accès: http://www.courdecassation.fr/jurisprudence_2/premiere_chambre_civile_568/arret_no_12031.html. — Date d'accès: 15.03.2015.
148. Belsito v. Clark, 644 N.E. 2d 760 (Ohio Com. Pl. 1994) [Electronic resource] // TASC: The Amer. Surrogacy Center. — Mode of access: http://www.surrogacy.com/Articles/news_view.asp?ID=93. — Date of access: 15.03.2015.
149. Blyth, E. Third party assisted conception across cultures: social, legal and ethical perspectives / E. Blyth, R. Landau. — London ; New York : Jessica Kingley Publ., 2004. — 288 p.
150. Bogecho, D. Putting it to good use: the International Covenant on civil and political rights and women's right to reproductive health [Electronic resource] / D. Bogecho // The Journal of law, social justice and global development. — 2004. — N° 1. — Mode of access : http://www2.warwick.ac.uk/fac/soc/law/elj/lgd/2004_1/bogecho/#a3. — Date of access : 15.03.2015.
151. Brunet, L. The Regime of Surrogacy in EU Member States [Electronic resource] / L. Brunet // The Nordic Committee on Bioethics. — Mode of access: <http://ncbio.org/nordisk/arkiv/Brunet.pdf>. — Date of access: 15.03.2015.
152. Bulgarian code of the international civil law [Electronic resource] : 17 May 2005 // Revista electronica de estudios internacionales. — Mode of access : [http://www.reei.org/reei%2012/CodigoDIPrBulgaria\(reei12\).pdf](http://www.reei.org/reei%2012/CodigoDIPrBulgaria(reei12).pdf). — Date of access : 15.03.2015.
153. Case of Mennesson v. France [Electronic resource] / European Court of Human Rights. — Mode of access: [http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/Pages/search.aspx#{"fulltext":\["mennesson v. france"\],"documentcollectionid2":\["GRANDCHAMBER","CHAMBER"\],"itemid":\["001-145389"\]](http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/Pages/search.aspx#{). — Date of access: 15.03.2015.
154. Charo, R. A. Legislative approaches to surrogate motherhood / R. A. Charo // Surrogate motherhood: politics and privacy / ed. by L.O. Gostin. — Bloomington, 1990. — P. 88–119.
155. Chemin, A. Mères porteuse: Isa et Léa resteront des enfants fantômes aux yeux de la France / A. Chemin // Le Monde [Ressource électronique]. — 2010. — 19 mars. — Mode d'accès: http://www.lemonde.fr/societe/article/2010/03/19/meres-porteuses-isa-et-lea-resteront-des-enfants-fantomes-aux-yeux-de-la-france_1321539_3224.html. — Date d'accès: 15.03.2015.
156. Civil code of Québec, 1 Jan. 1994 // Publications du Québec [Ressource électronique]. — Mode d'accès: http://www2.publicationsduquebec.gouv.qc.ca/dynamicSearch/telecharge.php?type=2&file=/CCQ/CCQ_A.html. — Date d'accès: 15.03.2015.

157. Code civil [Ressource électronique] // Le service public de la diffusion du droit. — Mode d'accès: <http://www.legifrance.gouv.fr/affichCode.do?dateTexte=20090220&cidTexte=LEGITEXT000006070721&fastReqId=1370668226&fastPos=1&oldAction=rechCodeArticle>. — Date d'accès: 15.03.2015.
158. Code de droit international privé, Belgique [Ressource électronique] : 16 Juill. 2004 // Université libre de Bruxelles. — Mode d'accès: http://www.ulb.ac.be/droit/dip/16_juillet_2004.pdf. — Date d'accès: 15.03.2015.
159. Convention for the protection of Human Rights and dignity of the human being with regard to the application of biology and medicine : convention on Human Rights and Biomedicine [Electronic resource] : [Done at Oviedo (Asturias) 04.04.1997] // Council of Europe. — Mode of access: <http://conventions.coe.int/Treaty/en/Treaties/Html/164.htm>. — Date of access: 15.03.2015.
160. Convention for the protection of Human Rights and dignity of the human being with regard to the application of biology and medicine : convention on Human Rights and Biomedicine, N° 164 : [treaty open for signature by the member States, the non-member States which have participated in its elaboration and by the European Union, and for accession by other non-member States] [Electronic resource] // Council of Europe. — Mode of access: <http://conventions.coe.int/Treaty/Commun/ChercheSig.asp?NT=164&CM=&DF=&CL=ENG>. — Date of access: 15.03.2015.
161. Convention pour la protection des Droits de l'Homme et de la dignité de l'être humain à l'égard des applications de la biologie et de la médecine: Convention sur les Droits de l'Homme et la biomedicine : [rapport explicatif] [Ressource électronique] // Conseil de l'Europe. — Mode d'accès : <http://conventions.coe.int/Treaty/FR/Reports/Html/164.htm>. — Date d'accès : 15.03.2015.
162. Council Regulation (EU) N° 1259/2010 implementing enhanced cooperation in the area of the law applicable to divorce and legal separation [Electronic resource] : [Done at Brussels 20.12.2010] // EUR-Lex. — Mode of access : <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:L:2010:343:0010:0016:en:PDF>. — Date of access : 15.03.2015.
163. Decision concerning a judicial decision rendered by a foreign court acknowledging the establishment of a natural parent-child relationship between persons who are not eligible for such relationship under the Civil Code, and public policy as prescribed in Article 118, item 3 of the Code of Civil Procedure : 2006 (Kyo) N° 47 [Electronic resource] // Supreme Court of Japan. — Mode of access: <http://www.courts.go.jp/english/judgments/text/2007.03.23-2006.-Kyo-.No..47.html>. — Date of access: 15.03.2015.

164. Déclaration de l'AMM sur la Fécondation In Vitro et le Transfert d'Embryon [Ressource électronique] : [adoptée par la 39e Assemblée Médicale Mondiale Madrid (Espagne), oct. 1987 et supprimée à l'Assemblée générale de l'AMM, Pilanesberg, Afrique du Sud, Oct. 2006] // L'Association Médicale Mondiale. — Mode d'accès: <http://www.wma.net/fr/30publications/10politiques/20archives/e5/index.html>. — Date d'accès: 15.03.2015.
165. Explanation of the principles, 1989 // Human artificial procreation / Council of Europe. — Strasbourg, 1993. — P. 14–34.
166. Fabre, C. Whose body is it anyway? / C. Fabre. — London : Oxford Univ. Press, 2006. — 232 p.
167. Field, M. A. Surrogate motherhood: the legal and human issues / M. A. Field. — Cambridge ; London : Harvard Univ. Press, 1990. — 244 p.
168. German twins to get special adoption treatment [Electronic resource] // Legal news. — Mode of access: <http://blog.taragana.com/law/2010/03/17/german-twins-to-get-special-adoption-treatment-20835/>. — Date of access: 15.03.2015.
169. Hancock, M. Explanatory Memorandum [Electronic resource] / M. Hancock // Parliamentary Assembly of Council of Europe. — Mode of access : <http://www.euro-fam.org/documents/partaged/pub2005/Actions/surrogatemothers-en.doc>. — Date of access : 15.03.2015.
170. Human Fertilisation and Embryology Act 1990 [Electronic resource] // Office of Public Sector Information. — Mode of access: http://www.opsi.gov.uk/acts/acts1990/ukpga_19900037_en_1. — Date of access: 15.03.2015.
171. Human Fertilisation and Embryology Act 2008 [Electronic resource] // Office of Public Sector Information. — Mode of access: http://www.opsi.gov.uk/acts/acts2008/ukpga_20080022_en_1. — Date of access: 15.03.2015.
172. Human in vitro fertilization [Electronic resource] // The official web site of the Nobel Prize. — Mode of access: http://nobelprize.org/nobel_prizes/medicine/laureates/2010/adv.pdf. — Date of access: 15.03.2015.
173. In re the Marriage of John A. and Luanne H. Buzzanca [Electronic resource] // Indian surrogacy law center. — Mode of access: <http://indiansurrogacylaw.com/in-re-the-marriage-of-buzzanca.html>. — Date of access : 15.03.2015.
174. IVF surrogacy / ed. H. W. Jones [et al.] // Fertility a. Sterility. — 2007. — Vol. 8, № 4. — S. 50–51.
175. Jackson, E. Medical law: text, cases and materials / E. Jackson. — 2nd ed. — New York : Oxford Univ. Press, 2010. — 972 p.

176. Jan Balaz versus Anand Municipality [Electronic resource] // Indian surrogacy law center. — Mode of access: <http://indiansurrogacylaw.com/jan-balaz-v.-anand-municipality.html>. — Date of access: 17.03.2015.
177. Johnson v. Calvert. Cal., 1993, № S023721 (Westlaw) [Electronic resource] // University of Miami. — Mode of access: faculty.law.miami.edu/zfenton/documents/Johnsonv.Calvert.pdf. — Date of access: 22.03.2015.
178. Markens, S. Surrogate motherhood and the politics of reproduction / S. Markens. — Berkeley : Univ. of California Press, 2007. — 272 p.
179. Norme in materia di procreazione medicalmente assistita [Documento elettronico] : Legge, 19 feb. 2004 № 40 // Parlamento italiano. — Modalità di accesso: <http://www.parlamento.it/parlam/leggi/04040l.htm>. — Data di accesso: 19.03.2015.
180. O'Hara, E. A. The law market / E. A. O'Hara, L. E. Ribstein. — Oxford ; New York : Univ. Press, 2009. — 278 p.
181. Pinkerton, T. M. Surrogacy and egg donation. Law in California [Electronic resource] / T. M. Pinkerton // TASC : The Amer. Surrogacy Center. — Mode of access : <http://www.surrogacy.com/legals/article/calaw.html>. — Date of access : 22.03.2015.
182. Principles, 1989 // Human artificial procreation / Council of Europe. — Strasbourg, 1993. — P. 35–40.
183. Private international law act, Estonia : 27 March 2002 [Electronic resource] // Justiitsministeerium. — Mode of access: <http://www.legaltext.ee/text/en/X30075.htm>. — Date of access: 15.03.2015.
184. R and S v T (Surrogacy: Service, Consent and Payments) [2015] EWFC 22 [Electronic resource] / Family law cases, news and CPD. — Mode of access: <http://www.familylawweek.co.uk/site.aspx?i=ed143818>. — Date of access: 15.03.2015.
185. Ragoné, H. Surrogate motherhood: conception in the heart / H. Ragoné. — Boulder : Westview Press, 1994. — 215 p.
186. Re A & B (Parental Order Domicile) [2013] EWHC 426 (Fam) [Electronic resource] / Family law cases, news and CPD. — Mode of access: <http://www.familylawweek.co.uk/site.aspx?i=ed112259>. — Date of access: 15.03.2015.
187. Re G (Surrogacy: Foreign Domicile) [2007] EWHC 2814 (FAM) // Family law week [Electronic resource]. — Mode of access: <http://www.familylawweek.co.uk/site.aspx?i=ed984>. — Date of access: 15.03.2015.
188. Re X (A Child) (Surrogacy: Time limit) [2014] EWHC 3135 (Fam) [Electronic resource] / Family law cases, news and CPD. — Mode of access: <http://www.familylawweek.co.uk/site.aspx?i=ed133396>. — Date of access: 15.03.2015.

189. Re: X & Y (Foreign Surrogacy). England and Wales High Court (Family Division) Decisions [Electronic resource] // British and Irish Legal Information Institute. — Mode of access: <http://www.bailii.org/ew/cases/EWHC/Fam/2008/3030.html>. — Date of access: 15.03.2015.
190. Recommendation 1046 (1986) on the use of human embryos and foetuses for diagnostic, therapeutic, scientific, industrial and commercial purposes, 24 Sept. 1986 [Electronic resource] // Council of Europe. — Mode of access: <http://assembly.coe.int/Documents/AdoptedText/ta86/EREC1046.htm>. — Date of access: 15.03.2015.
191. Recommendation 1074 (1988) on family policy, 3 May 1988 [Electronic resource] // Council of Europe. — Mode of access: <http://assembly.coe.int/Main.asp?link=/Documents/AdoptedText/ta88/EREC1074.htm>. — Date of access: 15.03.2015.
192. Recommendation 1100 (1989) on the use of human embryos and foetuses in scientific research, 2 Febr. 1989 [Electronic resource] // Council of Europe. — Mode of access: <http://assembly.coe.int/Main.asp?link=http%3A//assembly.coe.int/Documents/AdoptedText/ta89/EREC1100.htm>. — Date of access: 15.03.2015.
193. Regulation (EC) № 593/2008 of the European Parliament and of the Council on the law applicable to contractual obligations (Rome I) // Official J. of the European Union. — 2008. — № 177. — P. 6–16.
194. Richard I. Hodas & another vs. Kimberly Morin & others [Electronic resource] // Massachusetts cases. — Mode of access: <http://masscases.com/cases/sjc/442/442mass544.html>. — Date of access: 15.03.2015.
195. Riforma del sistema italiano di diritto internazionale private [Documento elettronico] : Legge, 31 Maggio 1995, № 218 // Ministero degli Affari Esteri. — Modalità di accesso : http://www.esteri.it/mae/doc/L218_1995.pdf. — Data di accesso : 15.03.2015.
196. Storrow, R. F. Parenthood by pure intention: assisted reproduction and the functional approach to parentage / R. F. Storrow // *Hastings Law J.* — 2002. — Vol. 53. — P. 597–679.
197. Surrogacy: the experience of commissioning couples / F. MacCallum [et al.] // *Human Reproduction.* — 2003. — Vol. 18, № 6. — P. 1334–1342.
198. Surrogate motherhood : ACOG Comm. opinion, № 397 // *Obstetrics & Gynecology.* — 2008. — Vol. 111, Iss. 2. — P. 465–470.
199. The curious case of Nikolas and Leonard Balaz [Electronic resource] // *Bar and Bench.* — Mode of access: <http://barandbench.com/index.php?page=brief&id=401>. — Date of access: 15.03.2015.

200. The family, law and society: cases and materials / B. Hale [et al.]. — Oxford : Oxford Univ. Press, 2009. — 665 p.
201. Translation of Japan's private international law: Act on the general rules of application of laws [Hō no tekiyō ni kansuru tsūsokuhō], Law № 10 of 1898 (as newly titled and amended 21 June 2006) / transl. by K. Anderson, Y. Okuda // Asian-pacific Law a. Policy J. — 2006. — Vol. 8, Iss. 1. — P. 138–160.
202. Translation of Japan's private international law: Act on the general rules of application of laws [Hō no tekiyō ni kansuru tsūsokuhō], Law № 10 of 1898 (as newly titled and amended 21 June 2006) / transl. by K. Anderson, Y. Okuda // Asian-pacific law and policy journal. — 2006. — Vol. 8, Iss. 1. — P. 138–160.
203. Universal Declaration on Bioethics and Human Rights, 19 Oct. 2005 [Electronic resource] // United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization. — Mode of access: http://portal.unesco.org/en/ev.php-URL_ID=31058&URL_DO=DO_TOPIC&URL_SECTION=201.html. — Date of access: 19.03.2015.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение А

Законодательное закрепление понятия «репродуктивные права» на международном и национальном уровне

Таблица А — Понятие «репродуктивные права»
в международных и национальных актах

Источник закрепления понятия «репродуктивные права»	Определение «репродуктивные права»
Программа действий Международной конференции по народонаселению и развитию (пункт 7.3), Платформа действий, принятая на Четвертой всемирной конференции по положению женщин (пункт 95)	репродуктивные права зиждутся на признании основного права всех супружеских пар и отдельных лиц свободно принимать ответственное решение относительно количества своих детей, интервалов между их рождением и временем их рождения, располагать для этого необходимой информацией и <i>средствами</i> и праве на достижение максимально высокого уровня сексуального и репродуктивного здоровья
Закон Республики Беларусь «О демографической безопасности	возможность для всех супружеских пар и отдельных лиц свободно принимать решение относительно количества своих детей, интервалов между их рождением,

Таблица А — (Продолжение)

Источник закрепления понятия «репродуктивные права»	Определение «репродуктивные права»
Республики Беларусь» (статья 1)	времени их рождения и располагать для этого необходимой информацией и <i>средствами</i>
Закон Республики Армения «О репродуктивном здоровье и репродуктивных правах человека» (статья 4)	<p>каждый человек имеет следующие жизненно необходимые половые и репродуктивные права:</p> <p>1) самостоятельно распоряжаться своей половой и репродуктивной жизнью, если это не угрожает здоровью других лиц; 2) создавать семью, самостоятельно определять количество своих детей и время их рождения и с этой целью располагать возможностью пользования надежными и эффективными услугами регулирования деторождения; 3) быть защищенным от всех форм давления, в том числе сексуальной эксплуатации и насилия, принудительной беременности, аборт, стерилизации и иных нарушений репродуктивных прав; 4) получать достоверную и полную информацию по вопросам сексуального и репродуктивного здоровья, в том числе о преимуществах, эффективности и возможных опасностях методов регулирования деторождения; 5) получать медицинскую консультацию и услуги по вопросам сексуального и репродуктивного здоровья в условиях закрытости и конфиденциальности; 6) пользоваться высококачественными медико-профилактическими услугами и быть защищенным от средств, представляющих угрозу для здоровья, в том числе от применения научных опытов;</p>

Таблица А — (Окончание)

Источник закрепления понятия «репродуктивные права»	Определение «репродуктивные права»
	<p>7) принимать собственные решения при медицинских вмешательствах, связанных с сексуальным и репродуктивным здоровьем, за исключением ситуаций, угрожающих жизни и требующих срочного вмешательства, и иных предусмотренных законом случаев;</p> <p>8) пользоваться новыми репродуктивными технологиями (включая методы регулирования деторождения и надежные и эффективные методы лечения бесплодия)</p>
<p>Закон Кыргызской Республики «О репродуктивных правах граждан и гарантиях их реализации» (статья 1)</p>	<p>права граждан на воспроизводство потомства, охрану их репродуктивного здоровья и свободное принятие решений в отношении рождения или отказа от рождения детей в браке или вне брака, а также на медико-социальную, информационную и консультативную помощь в этой сфере</p>
<p>Закон Республики Молдова «О репродуктивном здоровье» (статья 2)</p>	<p>права, основанные на признании права всех разнополых пар и отдельных лиц свободно принимать ответственное решение относительно определения количества детей в семье, интервалов между беременностями, времени деторождения, а также право на пользование методами контрацепции, на доступ к качественным услугам в области охраны репродуктивного здоровья, на просвещение и информирование в этой области</p>
<p>Закон Республики Таджикистан «О репродуктивном здоровье и репродуктивных правах» (статья 2)</p>	<p>права граждан на охрану репродуктивного здоровья и свободное принятие решения в отношении рождения или отказа от рождения ребенка, а также на медико-социальную, информационную и консультативную помощь в этой сфере</p>

Приложение Б

Примерный договор суррогатного материнства с участием иностранных граждан

«___» _____ г.

Место заключения договора

_____ (ФИО), _____ (год рождения),
_____ (паспортные данные), проживающая
по адресу _____, именуемая в дальнейшем «Мать»,
с одной стороны, и _____ (ФИО), _____ (год рождения),
_____ (паспортные данные), проживающая по адресу
_____, именуемая в дальнейшем «Суррогатная
мать», с другой стороны, заключили между собой Договор суррогатного
материнства (далее — Договор) о нижеследующем:

1. ПРЕДМЕТ ДОГОВОРА

1.1. Оказание Суррогатной матерью Матери услуги по вынашиванию
и рождению ребенка, зачатого из _____.

2. ИНФОРМИРОВАННОСТЬ СТОРОН ДОГОВОРА

2.1. Мать и Суррогатная мать дают письменное информированное
согласие на реализацию суррогатного материнства.

2.2. Мать и Суррогатная мать осведомлены о законодательстве
государств сторон программы суррогатного материнства и места
имплантации эмбриона по вопросам осуществления рассматриваемого
вида вспомогательных репродуктивных технологий.

3. ОРГАНИЗАЦИЯ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

3.1. Имплантация эмбриона Суррогатной матери будет происходить
в _____ (название медицинского
учреждения), расположенном по адресу _____

—
3.2. Наблюдение за течением беременности будет происходить
в _____ (название медицинского
учреждения), расположенном по адресу _____,
и в государственном учреждении здравоохранения по месту жительства
Суррогатной матери.

3.3. Роды будут проходить в _____
(название медицинского учреждения).

4. МЕСТО ЖИТЕЛЬСТВА СУРРОГАТНОЙ МАТЕРИ

4.1. В период вынашивания ребенка Суррогатная мать будет проживать по адресу: _____
_____.

5. ЦЕНА ДОГОВОРА

5.1. Цена договора составляет _____.

5.2. Стоимость услуги, оказываемой Суррогатной матерью, составляет _____.

5.3. Расходы на медицинское обслуживание, питание и проживание Суррогатной матери в период вынашивания, родов и послеродовый период составляют _____. Ежемесячно производится оплата в размере _____.

5.4. В случае наступления многоплодной беременности и рождения двух или более детей стоимость услуги, оказываемой Суррогатной матерью, увеличивается на сумму _____ и составит _____, а общая цена договора составит _____.

6. ПРАВА МАТЕРИ

6.1. Требовать от Суррогатной матери передачи ребенка в течение _____.

6.2. Требовать от Суррогатной матери выполнения всех предписаний врачей, а также всех действий по сохранению беременности.

6.3. Получать от Суррогатной матери достоверную информацию о ее состоянии здоровья и состоянии здоровья вынашиваемого ребенка (детей).

6.4. Знать о местонахождении Суррогатной матери в случае, если она покидает указанное в п. 4.1. место жительства более чем на _____ суток.

6.5. Навещать Суррогатную мать, предварительно уведомив ее об этом не позднее _____ (срок).

6.6. Получить от Суррогатной матери незамедлительную информацию о начале наступления родов.

6.7. Требовать от Суррогатной матери не разглашать информацию, ставшую ей известной в ходе исполнения настоящего Договора.

7. ОБЯЗАННОСТИ МАТЕРИ

7.1. Принять от Суррогатной матери ребенка в течение _____.

7.2. Оплатить Суррогатной матери в течение _____ сумму, указанную в п. 5.2 настоящего Договора.

7.3. Оплачивать Суррогатной матери _____ числа каждого месяца сумму, указанную в п. 5.3 настоящего Договора.

7.4. В случае наступления многоплодной беременности и рождения двух или более детей оплатить Суррогатной матери сумму, указанную в п. 5.4 настоящего Договора.

7.5. В случае искусственного прерывания беременности по медицинским показаниям, а также в случае рождения мертвого ребенка выплатить Суррогатной матери в течение _____ единовременную компенсацию в размере _____.

7.6. В случае наступления осложнений у Суррогатной матери, связанных с имплантацией эмбриона, и (или) беременностью, и (или) родами оплатить Суррогатной матери необходимое лечение.

8. ПРАВА СУРРОГАТНОЙ МАТЕРИ

8.1. Проходить гинекологическое медицинское обследование и консультации за счет Матери в медицинских учреждениях, указанных в п. 3.2 настоящего Договора.

8.2. Получать _____ числа каждого месяца компенсацию расходов на медицинское обслуживание, питание, проживание в период вынашивания, родов и послеродовый период в размере, указанном в п. 5.3 настоящего Договора.

8.3. Получить вознаграждение, предусмотренное в п. 5.2, п. 5.4, п. 7.4, п. 7.6 настоящего Договора.

9. ОБЯЗАННОСТИ СУРРОГАТНОЙ МАТЕРИ

9.1. Передать ребенка Матери в течение _____.

9.2. Выполнять все предписания врачей и представлять Матери достоверную информацию о своем состоянии здоровья и состоянии здоровья вынашиваемого ребенка (детей), а также предпринимать все действия по сохранению беременности.

9.3. За _____ (срок) до проведения процедуры имплантации эмбриона в организм Суррогатной матери и в течение _____ (срок) после проведения данной процедуры, Суррогатная мать обязуется не производить действия, связанные с зачатием ребенка естественным путем.

9.4. В случае наступления родов незамедлительно сообщить об этом Матери.

9.5. Не разглашать информацию, ставшую ей известной в ходе исполнения данного Договора.

9.6. В случае необходимости покинуть указанное в п. 4.1 настоящего Договора место жительства более чем на ____ сутки, уведомить за _____ об этом Мать, сообщив место, куда уезжает, и срок, в течение которого будет отсутствовать.

10. ОТВЕТСТВЕННОСТЬ СТОРОН

10.1. При невыполнении условий, закрепленных в п. 9.2 настоящего Договора, Суррогатная мать обязана выплатить Матери штраф в размере _____ от суммы, указанной в п. 5.2. настоящего Договора за каждый случай нарушения, подтвержденного медицинским заключением.

10.2. При невыполнении условий, закрепленных в п. 9.6 настоящего Договора, Суррогатная мать обязана выплатить Матери штраф в размере _____ от суммы, указанной в п. 5.2. настоящего Договора за каждый случай нарушения.

10.3. В случае искусственного прерывания беременности при отсутствии медицинских показаний, а также в случае прерывания беременности вследствие невыполнения Суррогатной матерью предписаний врачей, что должно быть подтверждено медицинским заключением, Мать прекращает все выплаты, предусмотренные настоящим Договором. При этом Договор прекращается, а Суррогатная мать должна возместить Матери произведенные ранее выплаты и моральный ущерб в размере _____.

10.4. В случае если у Суррогатной матери после имплантации эмбриона родится генетически ей родной ребенок Мать имеет право потребовать у Суррогатной матери компенсацию всех затрат, понесенных в течение беременности и родов на медицинское обслуживание, питание и проживание Суррогатной матери, а также возмещение морального вреда в размере _____ и штраф в размере _____.

10.5. В случае рождения ребенка с патологией по вине Суррогатной матери, что подтверждено медицинским заключением, Мать вправе потребовать у Суррогатной матери возмещения всех расходов, понесенных в процессе беременности и родов на медицинское обслуживание, проживание и питание, а также возмещение морального вреда в размере _____.

10.6. Штраф за разглашение Суррогатной матерью информации, ставшей ей известной в ходе исполнения настоящего Договора, составляет _____.

10.7. При невыполнении условий, закрепленных в п. 6.1 настоящего Договора, Суррогатная мать обязана выплатить Матери штраф в размере _____ от суммы, указанной в п. 5.2 настоящего Договора, за каждый день, следующий за днем после несвоевременной передачи ребенка Матери.

10.8. В случае невыполнения условий, закрепленных в п. 6.3 настоящего Договора, Суррогатная мать обязана выплатить Матери штраф в размере _____ от суммы, указанной в п. 5.2 настоящего Договора.

10.9. В случае нарушения срока, указанного в п. 7.2 настоящего Договора, Мать обязана выплатить Суррогатной матери штраф в размере _____ от суммы, указанной в п. 5.2 настоящего Договора за каждый день просрочки платежа.

11. СТРАХОВАНИЕ ЖИЗНИ СУРРОГАТНОЙ МАТЕРИ ВО ВРЕМЯ БЕРЕМЕННОСТИ, РОДОВ И ПОСЛЕРОДОВЫЙ ПЕРИОД

11.1. Страховая сумма составляет _____ (подтверждается страховым полисом).

12. НАЛИЧИЕ ВИЗЫ

12.1. Иностранные граждане Мать / Суррогатная мать должны иметь визу на срок, необходимый для реализации суррогатного материнства как подтверждение правомерности нахождения указанных(-ого) лиц(-а) на территории Республики Беларусь (*исключение — безвизовый режим с государством*).

13. РАЗРЕШЕНИЕ СПОРОВ

13.1. При возникновении спора между сторонами настоящего Договора, компетентным является суд _____, применимое право к договору суррогатного материнства — право государства постоянного места жительства Суррогатной матери / право государства постоянного места жительства Матери / право государства места рождения ребенка / право государства места имплантации эмбриона (*по выбору сторон Договора*).

14. СРОК ДЕЙСТВИЯ ДОГОВОРА

14.1. Настоящий Договор заключен под отлагательным условием и вступает в силу с момента получения заключений соответствующей организации (организаций) здравоохранения о наличии медицинских показаний и отсутствии медицинских противопоказаний к суррогатному материнству.

14.2. Договор прекращается после передачи Суррогатной матерью ребенка Матери, но не позднее оплаты Суррогатной матери сумм, предусмотренных п. 5.2, п. 5.4 настоящего Договора, а также в случаях, предусмотренных в п. 7.5, п. 10.4, п. 15.1 настоящего Договора.

15. КОЛИЧЕСТВО ЭМБРИОНОВ, КОТОРЫЕ БУДУТ ПЕРЕНЕСЕНЫ В МАТКУ СУРРОГАТНОЙ МАТЕРИ

15.1. Стороны договорились провести _____ попытки ЭКО с последующим переносом _____ эмбрионов в полость матки Суррогатной матери. Единовременно в полость матки переносится _____ эмбрионов. В случае если после _____ попытки беременность не наступит, настоящий Договор прекращается, а Суррогатной матери выплачивается компенсация в размере _____.

16. ИНЫЕ УСЛОВИЯ

16.1. Настоящий Договор составлен в трех экземплярах, из которых один остается в делах нотариальной конторы, а по одному выдается сторонам.

16.2. Расходы по составлению и удостоверению настоящего Договора оплачивает Мать.

Мать

Суррогатная мать

(подпись)

(подпись)

Конвенция о праве, подлежащем применению к брачно-семейным отношениям (извлечение)

Нормы непосредственного применения

1. Нормы непосредственного применения — это положения, соблюдение которых признано государством в качестве имеющего существенное значение для охраны его публичных интересов, таких как политическое, социальное или экономическое устройство.

2. Нормы непосредственного применения подлежат применению к любой ситуации, подпадающей под их действие, независимо от того, право какого государства должно применяться к брачно-семейным отношениям согласно настоящей Конвенции.

3. Ничто в настоящей Конвенции не ограничивает применение норм непосредственного применения права страны суда.

4. Кроме того, могут применяться нормы непосредственного применения государства, в котором имели место правоотношения. При решении вопроса о применении этих норм должны учитываться их характер и цель, а также последствия их применения или неприменения.

Публичный порядок

1. В применении права любого государства, установленного в соответствии с настоящей Конвенцией, может быть отказано, если такое применение явно несовместимо с публичным порядком страны суда.

2. Отказ в применении нормы иностранного права не может быть основан только на отличии правовой, политической, социальной или экономической системы одного государства — участника Конвенции от правовой, политической, социальной или экономической системы другого государства — участника Конвенции.

Обратная отсылка и отсылка к праву третьей страны

Любая отсылка к иностранному праву должна рассматриваться как отсылка к материальному праву соответствующей страны.

Установление и оспаривание отцовства или материнства

1. Установление и оспаривание отцовства (материнства) определяются согласно личному закону ребенка.

2. Установление материнства и (или) отцовства при реализации суррогатного материнства производится по праву страны места имплантации эмбриона.

Договор суррогатного материнства

Стороны договора суррогатного материнства могут при заключении договора избрать по соглашению между собой

а) право страны постоянного места жительства суррогатной матери, *или*

б) право страны постоянного места жительства фактических родителей, *или*

в) право страны места рождения ребенка, *или*

г) право страны места имплантации эмбриона.

2. Соглашение сторон о выборе подлежащего применению права должно быть явно выражено в договоре суррогатного материнства.

3. Стороны договора могут избрать подлежащее применению право как для договора в целом, так и для отдельных его частей.

4. При отсутствии соглашения сторон договора суррогатного материнства о подлежащем применению праве к этому договору применяется право страны места имплантации эмбриона.

Сфера действия применимого права

Право, применяемое к договору, охватывает, в частности:

- 1) толкование договора;
- 2) права и обязанности сторон;
- 3) исполнение договора;
- 4) последствия неисполнения или ненадлежащего исполнения договора;
- 5) прекращение договора;
- 6) последствия недействительности договора.

Научное издание

Анцух Наталья Сергеевна

**ТРАНСГРАНИЧНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
СУРРОГАТНОГО МАТЕРИНСТВА**

Дизайн обложки
и компьютерная верстка
И. П. Бондарович

Корректор
В. В. Ржеуцкая

Подписано в печать 17.04.2015.
Формат 60×84/16. Бумага офсетная. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 9,07. Уч.-изд. л. 6,95.
Тираж 100 экз. Заказ 329.

Издатель и полиграфическое исполнение:
ОДО «Издательство “Четыре четверти”».
Свидетельство о государственной регистрации
издателя, изготовителя и распространителя печатных изданий
№ 1/139 от 08.01.2014, № 3/219 от 21.12.2013.
Ул. Б. Хмельницкого, 8-215, 220013, г. Минск.
Тел./факс: (+375 17) 331 25 42. E-mail: info@4-4.by

АНЦУХ Наталья Сергеевна

Кандидат юридических наук, доцент кафедры международного частного и европейского права факультета международных отношений Белорусского государственного университета. Имеет более 70 публикаций по вопросам международного частного права, международного семейного права и международного медицинского права. Владеет английским и французским языками.

ISBN 978-985-7103-59-1

9 789857 103591 1